№ 7260
137096
9(55)
ПРОВЕРЕНО 1958 г.

БАБЪ И БАБИДЫ:

РЕЛИГІОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ СМУТЫ ВЪ ПЕРСІИ

ВЪ 1844—1852 ГОДАХЪ.

Содержитъ: 1) Біографію Баба; 2) Историческое изложеніе о Бабидахъ и 3) Обзоръ ихъ ученія.

СОЧИНЕНІЕ

заслуженнаго Профессора С. Петербургскаго, Университета

Мирзы-Казем-Бека.

Казанский Гос. Университет им. В. И. Ульянова (Ленина)
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Марта 1865 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. Н. МАЙКОВА.

Томский Гос. Университет им. В. В. Куйбышева
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Обращаясь къ исторіи развитія просвѣщенія между народами, мы видимъ ясно какую-то непонятную силу, которая невидимою рукою понсюду и постоянно посѣваетъ его сѣмена на почвѣ невѣжества, согрѣваетъ ихъ и, какъ разумное существо, печется о средствахъ къ ихъ всходу, заботится о воспитаніи ихъ, развитіи и плодородіи. Сколько это невѣжество ни силится заглушить ихъ въ самомъ началѣ, сколько оно ни истребляетъ ихъ, эти сѣмена производятъ новые всходы; неусыпный промыслъ беретъ свое, и наконецъ настаетъ пора, когда истина начинаетъ процвѣтать, просвѣщеніе укореняется. Очевидно, все это не бываетъ безъ борьбы, безъ смятеній. Въ этой борьбѣ умъ человѣческій какъ бы теряется; все въ туманѣ, все кипитъ, все бродитъ, кажется, безъисходно; но туманъ разсѣявается, все сложено—и благотворные лучи освѣщаютъ ярко все на пути человѣка.

II.

Когда воспросвѣтится Востокъ—это первое отечество наше, колыбель человѣчества, это мѣсто рожденія свѣта? Когда въ немъ возродится цивилизація? Неужели Западъ не въ состояніи сдѣлать благой переворотъ въ немъ? Неужели исламъ останется постоянной преградой цивилизаціи?

Такъ говорятъ и думаютъ друзья просвѣщенія.—Что будетъ когда будетъ — не знаемъ. Но Востокъ и Азія составляютъ огромнѣйшую часть разумнаго міра, и тамъ таится духъ цивилизаціи, и тамъ невидимая сила посѣваетъ сѣмена истины.

Западъ своею политикой не можетъ возстановить просвѣщенія въ Азіи; онъ, своей любовью, своею энергіей можетъ лишь содѣйствовать его постепенному развитію. Преобразователи страны должны родиться въ самой странѣ.

Исламъ не можетъ быть преградою цивилизаціи. Во времена аббасидовъ все просвѣщеніе грековъ было перенесено въ столицу ислама; оттуда, по берегу Африки и чрезъ Испанію, сушею и моремъ, войною или торговлей всѣ отрасли наукъ и искуствъ сообщены Европѣ.

Высшее сословіе по всей европейской Турціи, кажется, не чуждо европейской цивилизаціи. Со временъ Махмуда оно много усвоило элементовъ просвѣщенія, и новѣйшія науки и искуства съ желаемымъ успѣхомъ преподаются въ казенныхъ школахъ и заведеніяхъ въ Константинополѣ. Не разъ удивлялись европейцы въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ столицахъ, увидѣвъ вдругъ *феску* на головѣ людей, съ которыми они много разъ встрѣчались въ кругу просвѣщенныхъ особъ, бесѣдовали съ ними въ общемъ разговорѣ и принимали ихъ за образованныхъ европейцевъ. Стало быть собственно исламъ не въ состояніи противоборствовать просвѣщенію: это фанатизмъ духовной касты, невѣжество, которое вездѣ заглушаетъ зародышъ цивилизаціи.

Когда, что будетъ въ Азіи? — повторяемъ: нельзя знать. Китай и Японія только что просыпаются; Индія уже проснулась, и, оглядываясь вокругъ себя, она видитъ уже много запасовъ для гражданской и духовной жизни. Турція многое и очень многое позаимствовала-было у Запада и усвоила, хотя еще не вполнѣ сознательно, но, къ несчастію, нынѣшняя политика оттолк-

нула ее назадъ еще на 50 лѣтъ [1]). Персія идетъ тихимъ шагомъ, несмущаемо, но потрясаемая внутренними распрями. Въ ней много проявляется началъ хорошаго для будущей цивилизаціи. Торговля ея съ Россіею (жаль, что мы не умѣемъ поддерживать ее), многія нововведенія и готовность нынѣшняго Шаха ко всему хорошему, относящемуся къ цивилизаціи [2]), а главное—поколебаніе власти духовной касты (этого олицетвореннаго самодержавія фанатизма), начало борьбы въ умахъ народа и противодѣйствія противъ духовныхъ фанатиковъ—все это предуказываетъ на будущее хорошее въ Персіи.

Персы народъ способный; въ нихъ всегда былъ духъ любознанія, духъ торговли и промышлености [3]); въ нихъ съ раннихъ лѣтъ исторіи замѣтно стремленіе къ свободѣ, любовь къ музыкѣ и веселью (и то и другое поглощено фанатизмомъ и ханжествомъ; но господствующее слово *хельветъ* [4]) вполнѣ выражаетъ природное призваніе персовъ).

---

[1]) Мы говоримъ о цѣлой націи. Умирающее давно оттоманское правительство, благодаря попеченію ищущихъ равновѣсія силъ европейскихъ державъ, нынѣ опять оживаетъ; но народъ, довольно подвинувшись впередъ къ предѣламъ цивилизаціи, отъ сильнаго толчка, полученнаго насильственнымъ уравненіемъ правъ христіанъ съ мохаммеданами, опять на нѣсколько лѣтъ отскочилъ назадъ въ объятія фанатизма.

[2]) Слово *сивилизе*, civilisé, теперь въ большой модѣ въ Персіи. Мы встрѣчали его даже въ персидскихъ частныхъ письмахъ и въ ихъ газетѣ.

[3]) Настоящіе, чистые *парсы-гебры*, неподавшіе подъ тяжелое иго духовныхъ фанатиковъ мусульманскихъ, всегда отличались и отличаются трудолюбіемъ, честностью и способностью къ промышлености всякаго рода.

[4]) *Хельветъ* значитъ *уединеніе, удаленіе* отъ публики, отъ общества. Начиная отъ самаго шаха до послѣдняго порядочнаго человѣка, для всякаго есть часы *хельвета*: собираются *друзья*, бесѣдуютъ, читаютъ, пьютъ вино и занимаются музыкой. У нихъ *своя* музыка, еще невинное, несформировавшееся дитя. Женщины и музыка—ато двѣ поэзіи, у персіянъ еще подъ покрываломъ. Бабъ вызывалъ женщинъ на общую сцену; но не удалось ему ничего сдѣлать въ пользу ихъ свободы.

Никто изъ восточныхъ народовъ такъ не азартенъ, какъ персіяне; хотя это въ своемъ родѣ и порокъ, но не менѣе того доказываетъ присутствіе духа свободы, духа самоотверженія—символа энергіи. Все это въ нихъ есть, но все это еще не развито.

III.

Вотъ, слишкомъ 900 лѣтъ, какъ мусульмане ждутъ себѣ учителя, державнаго управителя всего міра,—преданіе старое, но приложенное и къ исламу. Не проходило ни одного столѣтія безъ самозванцевъ этого имени въ разныхъ странахъ огромной мусульманской имперіи: были *Бабеки*, были *Муканна'и*, были *Абдуллы*, *АбуМуслимы*, *Мансуры*, *Байезиды*, *Шейхъ-Ахмеды* и многіе другіе, которые являлись на сцену исторіи и пролитіемъ крови невинныхъ жертвъ, пролагали путь къ славѣ или безславію.

Персія постоянно ваболѣвала, страдала отъ этого непобѣдимаго ада; но въ послѣднихъ пароксизмахъ этой болѣзни не незамѣтна надежная борьба жизни разумнаго начала. Въ этой борьбѣ слишкомъ ясно выражалось порою стремленіе его, черезъ труднѣйшія обстоятельства, къ назначенію человѣка — къ сознательной свободѣ. Недавно мы видѣли явныя попытки этого стремленія и ихъ результаты въ бывшихъ тамъ смутахъ и волненіяхъ.

Около 14-ти лѣтъ тому назадъ, Персія много пострадала отъ распространенія въ ней ученія послѣдняго сектатора (*Баба*); пролилось тамъ много крови, разорились многіе дома, погибло множество людей всякаго возраста и обоего пола, и даже пострадала личность самого Шаха, только-что тогда воцарившагося. Въ ряду бывшихъ доселѣ въ Персіи, или вообще на Востокѣ, переворотовъ, первые результаты ученія *Баба* болѣе другихъ

характеризуются стремленіемъ къ области истины, къ сознательной свободѣ. Несмотря на то, что въ его развитіи слишкомъ замѣтны и людскія страсти, и борьба фанатизма, и наконецъ даже и господство того и другаго, но въ основаніяхъ самаго ученія и въ фазисахъ первоначальнаго его прогреса ясно видно нѣчто разумное, направляющее все къ желанному *хорошему*, къ освобожденію воли человѣка отъ оковъ самоуправства, къ сознательной свободѣ. Но, къ сожалѣнію, многіе изъ коноводовъ этого ученія, подстрекаемые властолюбіемъ, изъ своихъ собственныхъ выгодъ прибѣгнули къ орудію фанатизма противъ фанатизма, что и привело доброе начало къ злополучному исходу.

Исторія этого важнаго событія въ Персіи — *возстанія Бабидовъ* [1]) такъ интересна, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ, что изъ собранныхъ мною матеріаловъ [2]) я считалъ нужнымъ и полезнымъ

---

[1]) Наши молодые оріенталисты называютъ ихъ *Бабинцами* и *Бабистами*, но я считаю названіе «*Бабиды*» правильнѣе, почему повсюду и держусь его, исключая только въ ссылкахъ на другіе тексты.

[2]) Изъ разсказовъ многихъ очевидцевъ, въ Тавризѣ и Мазандаранѣ я собралъ въ разное время свѣдѣнія и составилъ записки о Бабидахъ. Въ этихъ запискахъ помѣщены мною только тѣ свѣдѣнія, въ которыхъ нѣтъ разногласія въ показаніяхъ очевидцевъ, распрашиваемыхъ мною въ разное время. Сверхъ того у меня въ рукахъ находятся: 1) новѣйшая исторія Персіи подъ заглавіемъ: *Насихут-таварихъ*, въ которой о Бабѣ и Бабидахъ можно найдти много подробностей въ описаніи происшествій 1260—1265 годовъ Эгиры; 2) тетрадка, писанная на мазандаранскомъ нарѣчіе съ персидскимъ переводомъ, принадлежащая Г-ну академику Дорну. Онъ пріобрѣлъ ее во время своего путешествія по Мазандорану, въ 1860 году, въ числѣ матеріаловъ для изслѣдованія мазандаранскаго нарѣчія. Она во многомъ не вѣрна и не имѣетъ историческаго достоинства. Разсказъ *Шейхулъ-Аджама*, автора статьи, здѣсь примѣчателенъ только своимъ мазандаранскимъ нарѣчіемъ и ничѣмъ болѣе; 3) двѣ записки о Бабидахъ: одна, составленная бывшимъ

составить для нашихъ читателей повѣствованіе какъ о личности его виновника, такъ и объ успѣхахъ Бабидовъ и ихъ ученіи. Въ этомъ повѣствованіи читатели увидятъ нѣчто весьма примѣчательное въ это время въ Персіи: противоборство оковамъ фанатизма, начало, хотя и не ясное, религіозной и политической реформы; а въ заключеніе всего, сцѣпленіе фанатизма съ фанатизмомъ и страшное безчеловѣчіе.

Дѣйствіе сектатора, явившагося во имя Тариката [1]), началось въ глуши ширазской провинціи. Ученіе Баба или скорѣе, по нашему, ученіе, созданное по имя его, въ скоромъ времени проникло, черезъ его прозелитовъ, въ столицы Персіи, а потомъ распространилось по всему государству [2]).

мнимъ ученикомъ, г. Севрюгинымъ, слишкомъ 20 лѣтъ безвыѣздно проживающимъ въ Персіи; другая—г. Мошнинымъ, бывшимъ воспитанникомъ с. петербургскаго университета, жившимъ въ Персіи въ годы преслѣдованія Бабидовъ. Записка г. Севрюгина передана мнѣ нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ, г. Ханыковымъ, а записка Мошнина—самимъ авторомъ. Всѣ эти источники послужили мнѣ руководствомъ. Я избѣгнулъ наложенія, основаннаго на пристрастіи, и когда считалъ нужнымъ, то указывалъ на разногласія.

[1]) См. гл. I, п. II; гл. II, п. I—III.

[2]) Въ первой главѣ этого повѣствованія читатель увидитъ, что личность Баба—весьма примѣчательное явленіе; что начало его ученія, сколько оно намъ извѣстно, основано чисто на философіи—*любви къ ближнему*. Ученики его употребили во зло его имя и ученіе, присовокупили къ этому ученію много постороннихъ элементовъ и обработали его подъ гнетомъ фанатизма. По этой причинѣ все, что мы имѣемъ въ рукахъ объ ученіи Бабидовъ, такъ разнородно, такъ смутно, неопредѣленно, что никакой положительной системы нельзя извлечь изъ нихъ. Но вездѣ можно видѣть главную, существенную идею, во имя которой сооружено это неправильное и довольно скудное зданіе: это *свобода*, это чувство сознанія правъ человѣческихъ. Къ несчастію, властолюбцы, изъ собственнаго интереса, исказили проложенный къ истинѣ путь и сами увлеклись деспотизмомъ. Читателя обращаемъ въ этомъ къ третьей главѣ нашего повѣствованія.

Ни одинъ расколъ въ исторіи Азіи столько не примѣчателенъ, какъ расколъ Бабидовъ, усилившійся удивительными успѣхами черезъ ревностныхъ муридовъ-сподвижниковъ. Въ числѣ этихъ встрѣчаются и женщины, игравшія важную роль, и магнаты изъ царедворцевъ, и духовные изъ сословія улемовъ и сейидовъ, потомковъ Мохаммеда!

Томская Гос. Университет им. В. В. Куйбышева
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Біографія сектатора.

I. Ранніе годы его жизни	1
II. Начало его поприща.	6
III. Называется Бабъ . .	9
IV. Отправляется въ Мекку. Успѣхи Бушруи. .	11
V. Арестъ Баба и его бѣгство	13
VI. Бабъ въ Исфаганѣ. Вновь заключенъ . .	16 —
VII. Онъ неожиданно въ Тавризѣ	20
VIII. Положеніе дѣлъ въ Тавризѣ. Хаджи-Мулла-Юсуфъ	22
IX. Испытаніе Баба и первый судъ надъ нимъ.	24
X. Его поведеніе въ Маку послѣ ссылки	27
XI. Важная перемѣна. Новое правительство . .	30
XII. Новыя мѣры противъ злоумышленниковъ. .	32
XIII. Неправильный судъ надъ Бабомъ и его ученикамн	34
XIV. Поступки его учениковъ.	36
XV. Казнь	39
XVI. Заключеніе о личности Баба	41

	Стр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бабиды.

I. Основатель ученія Шейхндовъ. Успѣхи Шейхидовъ	45
II. Преемникъ Шейхъ-Ахмеда, Шейхъ-Каземъ, учитель Баба .	48
III. Начало и успѣхи тайнаго общества бабидовъ	51
IV. Вліяніе Сейдъ-Хусейна на Баба; его характеръ	55
V. Успѣхи бабидовъ. Примѣчательная прозелитка.	57
VI. Категорическое ополченіе бабидовъ въ Мазандаранѣ	61
VII. Мѣры новаго правительства	70
VIII. Первая вылазка бабидовъ	76
IX. Вторая вылазка бабидовъ. Смерть Муллы-Хусейна	79
X. Третья вылазка бабидовъ	83
XI. Новыя мѣры правительства. Неудача бабидовъ въ четвертой вылазкѣ	89

Стр.

XII. Истребленіе бабидовъ посредствомъ обмана. 95
XIII. Дѣла Зенгана 98
1. Безпорядки въ Хорасанѣ . . . 99
2. Примѣчательное лицо . . . —
XIV. Первые безпорядки и открытое возстаніе бабидовъ въ Зенганѣ . 103
XV. Прибытіе новыхъ войскъ. Непоколебимость бабидовъ и ихъ подвиги 106
XVI. Новый Бабъ. Кровопролитное дѣло. . . 108
XVII. Неудовольствіе правительства. Экспедиція Феррухъ-Хана. Неудача шахскаго войска 112
XVIII. Сильная экспедиція въ Зенганъ. Истребленіе бабидовъ 117
XIX. Дараби, честолюбивый сподвижникъ ученія Баба 120
1. Начало его поприща . . . . —
2. Его появленіе и возстаніе въ Нейризѣ . . . 123
3. Кровопролитіе и ужасы въ Нейризѣ 126
4. Мѣры правительства и судьба Дараби и его мюридовъ . 127
XX. Бабиды въ Тегерани. 131
1. Общій обзоръ . —
2. Историческое изложеніе . . . 133
3. Заключеніе . . 138

Стр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Объ ученіи бабидовъ.

Отдѣленіе I.

Обзоръ развитія шіизма въ Персіи.

I. Шіиты въ началѣ Ислама 140
II. Причины распаденія шіитовъ на секты . . 145
III. Имамиды вообще . . 148
IV. Джафариды или Исна-ашариды. 153
V. Почему шіиты особенно склонны къ прозелитизму . . . 155
VI. Что именно приготовило возстаніе въ Персіи 159
VII. Заключеніе 164

Отдѣленіе II.

Обзоръ ученія бабидовъ 166
I. Убѣжденіе Баба. — Первые бабиды . . . 167

Приложеніе къ предъидущему.

Первое письмо смоленскаго Сейида . . . . 174—177
Второе его письмо . . . 177—180
II. Что сдѣлали ученики Баба? — Какъ они исказили его принципы? . . . . . 181—185
1. О вѣрованіи въ Баба и въ *буквы* истины . . 185

Стр.

2. О переселенін души. 188
3. О бракѣ . . . 187

4. О нѣкоторыхъ религіозныхъ постановленіяхъ и обрядахъ:

А. Вопросы относительно религіозныхъ убѣжденій по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ шаріата 190

Стр.

Б. Вопросы относительно нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій:

1. Въ употребленіи «мугръ» для земнаго поклона въ намазѣ.. 193
2. Въ привѣтствіи при встрѣчѣ... —
3. Въ употребленіи перстней . 194

Приложеніе къ предъидущему.

О талисманахъ и молитвахъ 195

Объ окончательномъ отказѣ бабидовъ подчиняться шаріату 198

Алфавитный Указатель . . 203

Томская Гос. Университет им. В. ... НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Біографія сектатора.

I.

Ранніе годы его жизни.

Собственное имя Баба по рожденію было *Али-Мохаммедъ*, данное въ честь пророка и имама [1]). По происхожденію своему отъ потомковъ пророка, по дочери его Фатимэ, онъ прозывался *Сейидъ* [2]). Ко всѣмъ этимъ тремъ именамъ былъ прибавленъ впослѣдствіи эпитетъ *Хаджи*, т. е. совершившій путешествіе въ Мекку для поклоненія храму *Каабы*. Такимъ образомъ его полное имя должно было быть *Хаджи-Сейидъ-Али-Мохаммедъ*, но въ народѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Мирзы Али-Мохаммеда. Онъ родился въ древнемъ, славномъ городѣ Ширазѣ, въ отечествѣ Хафиза, Садія и многихъ даровитыхъ поэтовъ-философовъ; былъ сынъ недостаточнаго, но отличавшагося честностью (беззаза), продавца бумажной ткани,

---

[1]) Т. е. *Мохаммеда* и зятя его *Али*, каковыя сложныя имена у Шіитовъ часто даются дѣтямъ при рожденіи, т. е. по два имени вмѣстѣ: Мохаммедъ-Али, Али-Мохаммедъ, Али-Акберъ, Мохаммедъ-Хасанъ и т. п.

[2]) *Сейидъ* или *Миръ* дается роду или потомкамъ пророка, которыхъ множество въ Персіи. Въ Турціи это имя потеряло свое значеніе, а въ Персіи оно до сихъ поръ имѣетъ еще силу; важные по своему происхожденію или сану *Сейиды*, вѣроятно, чтобы отличиться отъ обыкновенныхъ, по большей части дармоѣдовъ (см. черезъ два примѣч.), называютъ себя нынѣ титуломъ *Мирза*.

по имени *Хаджи-Сейидъ-Риза*; мать же его называлась *Хадиджé* [1]).

Намъ неизвѣстенъ годъ рожденія *Али-Мохаммеда* [2]); мы знакомы съ нимъ по разсказамъ очевидцевъ съ четырнадцатилѣтняго его возраста. Въ эту пору онъ не получилъ еще никакого основательнаго образованія. Отецъ, не желая причислить его къ сословію дармоѣдовъ [3]), приготовлялъ его на поприще торговли; поэтому все образованіе Али-Мохаммеда, въ 14—15-ти лѣтнемъ возрастѣ, заключалось въ томъ, что онъ умѣлъ только читать, писать и вести счеты. Въ такомъ возрастѣ онъ былъ отправленъ своимъ отцомъ по торговымъ дѣламъ въ Бендер-Бушэръ [4]), гдѣ онъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ пробыть слишкомъ семь лѣтъ.

Намъ неизвѣстно какъ онъ устроилъ торговыя дѣла своего отца въ этомъ городѣ, но преданіе очевидцевъ говоритъ, что молодой купеческій сынъ велъ въ Бендер-Бушэрѣ примѣчатель-

---

[1]) По разсказу Шейхуль-Аджама, его отца звали Салихъ; онъ родился въ деревнѣ Чегоршенбѣширъ; изъ Мазандарана ѣздилъ въ Мекку, отсюда въ Ширазъ. Но это несправедливо.

[2]) О годѣ рожденія Баба вѣрнаго показанія нѣтъ. Авторъ Насихут-товариха говоритъ, что въ 1848 г. ему было около 35 лѣтъ; слѣдственно онъ родился не ранѣе 1812 года.

[3]) На Востокѣ *ученые* (улемы) и *духовные* суть лица одни и тѣ же. Они, тѣмъ болѣе Сейиды изъ нихъ, освобождаются отъ всякихъ повинностей и живутъ по большей части дарами и подаяніемъ. Образованные люди изъ дворянъ или купцовъ не пользуются особымъ категорическимъ названіемъ, если они ученые или Сейиды. Когда хотятъ сказать что-либо объ ихъ учености, образованіи, или вообще о чемъ нибудь объ нихъ, то называютъ ихъ *фазыль*, *сахибъ-кемаль* и другими тому подобными названіями, звачущими *превосходно-образованный*, *совершенный*, и т. п.

[4]) Портовой городъ ширазской провинціи, черезъ который производится значительная торговля между Персіей и Индостаномъ. Сообразуясь съ показаніемъ Насихут-товариха, это должно было быть въ 1826—1827 г.

ную жизнь: онъ постоянно былъ въ хандрѣ, предавался болѣе уединенію; въ обществѣ болѣе всего онъ бесѣдовалъ съ учеными, слушалъ разсказы путешественниковъ, которые часто бываютъ въ этомъ торговомъ городѣ. Его начали считать въ числѣ поклонниковъ *тариката*, которые въ народѣ очень уважаются. Удовлетворивъ здѣсь свое любознаніе разными свѣдѣніями и познакомившись съ представителями многихъ сектъ и вѣроисповѣданій, на 23-мъ году своей жизни [1]) *Сейидъ-Али-Мохаммедъ*—не знаемъ, съ согласія ли своего отца, или безъ вѣдома его, а можетъ быть и послѣ его смерти—отправляется въ *Кербеля*, мѣстечко на границѣ Турціи, на берегу Евфрата, слишкомъ священное для Персіянъ, чтобы не чувствовать глубокаго уваженія къ добровольнымъ его посѣтителямъ. Тамъ хранятся останки для нихъ «святѣйшаго *Хусейна*», любимаго внука пророка, падшаго отъ руки ненавистнаго врага Алиева дома [2]), вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, братомъ, племянникомъ и другими членами семейства, и ежегодное стеченіе тамъ безчисленнаго множества богомольцевъ при гробѣ этого ихъ святаго, доказываетъ, до какой степени Персіяне-Шіиты дорого цѣнятъ это священное мѣсто [3]).

---

[1]) Слѣдственно, по Насихут-тавариху, въ 1835 г.

[2]) См. гл. III, отд. 1, п. 3.

[3]) Это мѣстечко всегда носитъ эпитетъ «*Муалля*», т. е. *превысшее*; а могила Хусейна—*меркади-мутаххеръ*—«*пречистый гробъ*». Посѣтившіе это мѣсто принимаютъ навсегда эпитетъ *Кербеляи*, т. е. *Кербеляйскій*, какъ и посѣтители гроба 8-го имама *Ризы* въ Мешедѣ (столицѣ Хорасанской) прозываются *Мешеди*, т. е. *мешедскій*, или какъ посѣтители Мекки, т. е. храма *Кааба*, носятъ эпитетъ *Хаджи*. Посѣщеніе послѣдняго мѣста составляетъ религіозную обязанность, общую всѣмъ исповѣданіямъ мусульманскимъ, а посѣщеніе первыхъ двухъ не считается обязательнымъ, но богоугоднымъ дѣломъ, и то только у шіидовъ-имамидовъ. На этомъ основаніи титулъ *Хаджи* гораздо важнѣе прочихъ; за нимъ слѣду-

Живя здѣсь долгое время, онъ постоянно обращалъ на себя вниманіе всѣхъ его окружавшихъ: чрезмѣрно усерднымъ посѣщеніемъ гроба «святаго Хусейна», учащенными молитвами и постомъ, частымъ удаленіемъ отъ общества людей, нерѣдко многими странностями въ манерахъ, а болѣе всего молчаливостью. За всѣмъ тѣмъ онъ еще посѣщалъ постоянно лекціи самаго популярнаго въ Персіи проповѣдника *Тариката*, шейха *Хаджи-Сейидъ-Казема*, непосредственнаго ученика извѣстнаго муршида, *Шейхъ-Ахмеда* [1]). Отличившись здѣсь своимъ любознаніемъ и примѣчательно строгой жизнью,—слѣдственно и отличнымъ вниманіемъ къ себѣ своего шейха и товарищей [2]), Мирза Али-Мохаммедъ началъ пользоваться особеннымъ уваженіемъ у своихъ соотечественниковъ, каждогодно посѣщавшихъ Кербеля, такъ что молва о благочестіи *юноши*, отказавшагося отъ свѣта, мало по малу переходила изъ устъ въ уста въ Ширазѣ и пріобрѣла ему почитателей во всемъ городѣ.

Авторъ *Насихут-таварихa*, сколько ни пристрастенъ онъ къ политикѣ шахскаго двора и улемовъ-фанатиковъ, въ описаніи этой поры жизни Баба, невольно измѣняетъ себѣ. Напримѣръ, онъ говоритъ: «въ Бушэрѣ Мирза Али-Мохаммедъ, подстрекаемый внушеніями сатаны и собственными страстями, началъ, *вопреки священнаго шаріата*, предаваться труднѣйшей монашеской жизни, желая чрезъ это достигнуть высшихъ степеней духовнаго развитія»,—увлеченіе очевидно, потому что

етъ *Кербеляи*, а послѣ нихъ *Мешеди*, такъ что младшій при старшемъ не упоминается: т. е. посѣтившій Кербеля и Мешедъ обыкновенно носитъ титулъ только *Кербеляи*, а если онъ посѣтилъ еще гробъ пророка и Мекку, то сохраняетъ только титулъ *Хаджи*.

[1]) Объ этомъ Шейхъ-Ахмедѣ см. во второй главѣ, *о Бабидахъ п. I.*

[2]) Объ этомъ подробнѣе сказано въ II-мъ пунктѣ главы второй, въ описаніи Шейхъ-Сейидъ-Казема.

строгая монашеская жизнь и по шаріату вовсе не противна Богу. Далѣе онъ говоритъ: «мы слышали, что въ Бушэрѣ, гдѣ лѣтомъ дыханіе утренняго зефира также жжетъ, какъ пламя изъ горнила, Мирза Али-Мохаммедъ, среди сильнаго зноя, ходилъ по крышамъ домовъ и подъ жгучимъ солнцемъ, съ непокрытою головою, проводилъ время въ молитвахъ. Отъ этого *повредился его мозгъ* и онъ сталъ *полуумнымъ*. Тутъ онъ отправился въ святое путешествіе и прибылъ въ Кербеля, гдѣ онъ ежедневно посѣщалъ бесѣды Шейхъ-Сейидъ-Казема и слѣдовалъ его ученію Тариката. Такъ проводилъ онъ дни свои два года. Когда Шейхъ-Сейидъ-Каземъ скончался, онъ взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ Шейха и отправился въ куфійскую мечеть, гдѣ 40 дней провелъ въ молитвѣ. Тутъ уже онъ совсѣмъ рихнулся и началъ выдавать себя за *дверь* къ истинѣ... Онъ говорилъ: «кто хочетъ дойти до Господа Бога и узнать истинный путь къ нему, тотъ долженъ это сдѣлать черезъ *меня*»... Такимъ образомъ онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ *Баба* и муриды его ежедневно умножались... Онъ говорилъ, между прочимъ: «*Теперь совершилась вѣра моимъ появленіемъ*«... Когда его просили о знаменіи, по примѣру бывшихъ пророковъ, то онъ указалъ на то, что въ день онъ можетъ писать тысячу строкъ по вдохновенію... Такъ около него собрались муриды частію изъ истинныхъ ученнковъ и частію изъ властолюбцевъ, надѣясь на будущіе успѣхи...»

Такъ двусмысленно писалъ о первыхъ порахъ Баба новѣйшій историкъ Персіи, подъ вліяніемъ пристрастія къ духовнымъ и изумленія къ успѣхамъ сумасброднаго человѣка, каковымъ онъ его представляетъ. Посмотримъ, какъ говорили о немъ въ народѣ, какъ живо распространилась молва о Бабѣ, какъ о чудномъ человѣкѣ.

Преувеличивать самое простое событіе принадлежитъ всѣмъ слоямъ человѣческаго общества. Въ самомъ Кербеля Мирза Али-

Мохаммедъ, своими странностями, при строгой жизни, пріобрѣлъ названіе *Меджзубъ* [1]). Предъ тѣмъ, какъ ему оставить это «святое мѣсто», куда стекались мусульмане изъ всѣхъ краевъ Персіи для богомолья, пошли о немъ слухи, толки какъ о необыкновенномъ юношѣ: приписывали ему великія познанія въ *мистицизмѣ*, а всѣ его странности и непонятныя рѣчи относили къ премудрости. Въ особенности распространялась молва объ немъ въ его отечествѣ черезъ возвратившихся изъ Кербеля туземныхъ богомольцевъ изъ черни. «Вы слышали — говорили другъ другу ширазскіе знакомые молодаго купеческаго сына— «о нашемъ Сейидъ-Али-Мохаммедѣ? — Онъ теперь не то, что былъ прежде, не то, что мы, грѣшные: онъ теперь сталъ славенъ, и у порога имама Хусейна сподобился имени *избранника Божія*: творитъ чудеса: всѣ къ нему обращаются въ недугахъ своихъ, и малые, и великіе. Вотъ какое счастіе его семейству, его роду!» Такъ приготовили праздные люди бѣдственный конецъ для человѣка, вовсе, быть можетъ, недумавшаго добраться до той высоты въ народномъ суевѣріи, съ которой онъ упалъ, увлекши за собою десятки тысячъ несчастныхъ жертвъ.

II.

Начало его поприща.

Когда Мирзѣ Али-Мохаммеду было около 28 лѣтъ [2]), онъ возвратился на свою родину съ новымъ титуломъ «*Кербелаіи*».

---

[1]) Объясненіе этого слова см. въ гл. III. отд. 2. въ послѣднемъ примѣчаніи ко «*второму письму*». Въ простонародіи *меджзубъ* просто значитъ *изступленный*, юродивый.

[2]) Соображаясь съ указаніемъ Насихут-таваріха въ 1840 г.

Сколько онъ ни былъ смиренъ, а можетъ быть и далекъ отъ того, чтобы брать на себя роль преобразователя, однако же почетная встрѣча друзей, общее привѣтствіе гражданъ и ежедневное обращеніе на него съ любопытствомъ взоровъ его окружающихъ, постепенно подстрекали его самолюбіе. Доселѣ онъ думалъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, постигшемъ нѣкоторыя тайны въ Тарикатѣ, своимъ воздержаніемъ и строгою жизнью; но постоянная лесть окружающихъ незамѣтно поселила въ немъ, можетъ быть, другія мысли: теперь онъ началъ смотрѣть на себя какъ на *учителя*, самимъ небомъ назначеннаго для образованія своего края. Онъ началъ съ того, во первыхъ, что въ своихъ двусмысленныхъ рѣчахъ, порою ясныхъ, выразительныхъ, охуждалъ жителей Фарса и вообще своихъ соотечественниковъ за неточное исполненіе Шаріата. «*Нэфси аммарэ* (т. е. повелѣвающія и господствующія въ насъ страсти) — говорилъ онъ — взяли нынѣ верхъ надъ словомъ Аллаха; скоро мы совсѣмъ выйдемъ изъ стези истины, если не исправимся!»

Мораль изъ устъ молодаго, въ лѣтахъ, когда кипятъ въ немъ страсти, поразительно дѣйствуетъ на окружающихъ религіозныхъ фанатиковъ, въ особенности, когда слова проповѣданы въ совершенной гармоніи съ его дѣлами. Въ воздержаніи и строгой жизни *Кербеляіи Сейидъ-Али-Мохаммеда* никто не сомнѣвался, онъ не говорилъ много, постоянно находился въ задумчивости и чаще всего избѣгалъ людей, что болѣе подстрекало любопытныхъ. его вездѣ искали. Не знаемъ, приписать ли это твердой волѣ, а слѣдственно лицемѣрію или въ сильной степени ханжеству, или же—что вѣроятнѣе—побужденіямъ дѣйствительнаго убѣжденія въ немъ,—но молодой Сейидъ, въ самомъ дѣлѣ, служилъ между окружавшими его примѣромъ для моральной жизни. Поэтому, нетолько охотно его слушали, когда онъ говорилъ отрывочно и двусмысленно о злоупотребленіяхъ между всѣми сословіями людей, но многіе даже передавали его слова

другимъ съ прибавленіями, совершенно выставляли его истиннымъ учителемъ и предавались ему безусловно. Скоро составилось общество слѣпыхъ поклонниковъ новаго таинственнаго учителя. Между тѣмъ Кербелаіи Сеидъ-Али-Мохаммедъ, повидимому, продолжалъ самъ учиться: по временамъ, всегда неожиданно, посѣщалъ онъ лекціи извѣстнаго и уважаемаго въ Ширазѣ *Шейха Абида*. Такъ онъ ходилъ изъ мѣста въ мѣсто, какъ юродивый; то онъ въ училищѣ, окруженный любопытными; то онъ, какъ безродный, внѣ города, одинъ въ степи и въ горахъ; то онъ въ развалинахъ вмѣстѣ съ совами и филинами; однакожь народъ повсюду слѣдилъ за нимъ и не оставлялъ его ни на минуту; онъ ни на кого не обращалъ вниманія, рѣдко узнавалъ даже своихъ учениковъ и все время предавался своимъ неразлучнымъ думамъ; зато всякое слово, имъ произнесенное, было дорого для его окружающихъ. Кто говорилъ что онъ въ *джезбѣ* [1]); кто говорилъ что онъ въ мірѣ откровенія; кто говорилъ что онъ въ тайной бесѣдѣ съ *невидимымъ имамомъ*, управителемъ міра (*сахибузземана*); однимъ словомъ, всякій невѣжда мюридъ превозносилъ его по-своему [2]).

---

[1]) См. гл. III. отд. 2, примѣчаніе въ концѣ *перваго* письма.

[2]) Просвѣщенный европеецъ, конечно, не пойметъ, какъ такія дѣла могутъ совершаться! Но они совершаются на востокѣ, не приводя никого въ удивленіе. Я сказалъ выше, что непросвѣщенное человѣчество всегда ищетъ, ждетъ себѣ учителя. Этотъ учитель и его ученіе должны непремѣнно отличаться чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Только стоитъ намъ углубиться на минуту въ наши народныя повѣрья, заглянуть въ исторію Стеньки Разина и даже Пугачева,—какихъ тутъ не было чудесъ!... Мюриды изъ простолюдиновъ такія приписываютъ чудеса своимъ муршидамъ на востокѣ, что и самому «пророку» не приснилась такая честь. Вотъ живой фактъ на моей памяти: въ 1818 году (мнѣ тогда было 15 лѣтъ), прибылъ въ Дербендъ шейхъ изъ Хорасана съ своимъ мюридомъ. Въ народѣ говорили объ немъ что онъ творитъ чудеса; что желѣзо и мѣдь превращаетъ въ золото; что онъ каждую

III.

Называется Баб.

Самолюбіе въ человѣкѣ похоже на ртуть въ термометрѣ: оно поднимается отъ вліянія жара восторговъ окружающей его публики и опускается отъ ея холодности и равнодушія. Всякаго человѣка, даже умнѣйшаго, можно избаловать до крайности; въ этомъ припадкѣ онъ можетъ думать о себѣ (конечно, умные этого только не покажутъ, но опытные люди могутъ это замѣтить изъ ихъ пріемовъ), что онъ нѣчто выше совершенства (чего въ природѣ нѣтъ и не бывало). Этотъ же самый человѣкъ, если, къ несчастію его, пожитетъ долго между тѣми же людьми, то при перемѣнѣ ихъ убѣжденій о немъ (что бываетъ частехонько), спускается ниже и ниже, и наконецъ исчезаетъ

ночь совершаетъ *мираджъ* (небесное путешествіе, приписываемое мусульманами ихъ пророку), и тому подобное неестественное. Всему этому народъ вѣрилъ, несмотря на то, что молва шла совсѣмъ вопреки ученію ислама. Вступились въ это дѣло духовныя лица. Мухтесибъ (благочинный) призвалъ къ себѣ дервиша и потребовалъ отъ него отчета въ разглашаемой имъ небывальщинѣ. Дервишъ отказался *при всѣхъ*, прибавляя: «кто это приписываетъ мнѣ, тотъ богоотступникъ!» Его отпустили. Но молва не прекращалась, потому что слуга или муридъ дервиша тайкомъ говорилъ многимъ, что *муршидъ* его по одной только скромности своей и смиренію не сознался. Дѣло кончилось тѣмъ, что тогдашній комендантъ (тогда коменданты рѣшали всѣ дѣла), полковникъ Иванъ Ивановичъ Бухвостовъ, выгналъ дервиша изъ города.— Если достойны сожалѣнія такія продѣлки въ мусульманскомъ быту, то какъ не прискорбно слышать о подобныхъ въ странѣ болѣе просвѣщенной. Къ несчастію, нерѣдко встрѣчаемъ мы таковыхъ и у насъ: Безпинскій *Антонъ* тому живой еще примѣръ; да еще явились горячія головы, которыя отслужили поминки «о убіенныхъ» въ спасскомъ бунтѣ.

въ общей массѣ; счастливъ только тотъ, который не пережилъ своей славы!

Сейидъ Али-Мохаммедъ, сколько онъ ни былъ строгъ къ жизни и какъ онъ ни былъ благочестивъ—какъ его описываютъ—но могъ замечтать о себѣ при такихъ восторгахъ его муридовъ и вообще его окружающихъ. Въ одномъ изъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ онъ удостоивалъ своихъ слушателей разговоромъ, въ припадкѣ *джезба*, онъ высказалъ—говоритъ преданіе—что онъ *Бабъ*—дверь къ истинѣ, что онъ посланъ Аллахомъ, чтобы черезъ него ищущіе истины имѣли доступъ къ ней! Съ этихъ поръ Сейидъ Али-Мохаммедъ сталъ извѣстенъ между своими учениками подъ именемъ *Бабъ* [1]). Выдумка была очень удачная; но названіе было не новое въ исторіи религіи. Не знаю, извѣстно ли было выдумавшему его изреченіе Спасителя: «*азъ есмь дверь*»... Но онъ навѣрное зналъ слова Мохаммеда: «*я городъ знаній; Али* (его зять) *дверь или врата этого* города». Поэтому Али, первый имамъ шіитовъ, былъ извѣстенъ подъ титулами: «*двери познанія, двери истины*», хотя такія названія не всегда и даже очень рѣдко давались ему въ разговорѣ. — Преданные Сейиду муриды съ того времени начали называть его *Бабъ*, а себя—*Баби*, т. е. Бабидами. Такъ началось названіе секты, которой еще не существовало, которой ученіе еще не сложилось, да врядъ ли и до сихъ поръ имѣетъ систему. Оставляя разборъ его ученія и успѣховъ Бабидовъ до слѣдующихъ главъ, мы пойдемъ далѣе съ нашимъ *меджзубомъ*—юродивымъ.

---

[1]) Авторъ Насихут-тавариха, какъ мы видѣли выше, говоритъ объ этомъ съ насмѣшкой. Еще одно преданіе говоритъ, что это названіе дано ему въ первый разъ его ученикомъ и сподвижникомъ, муллою Хусейномъ. См. объ этомъ во главѣ, п. III.

IV

Отправляется въ Мекку. Успѣхи Бушруи.

Посѣявъ, волею или неволею, злое сѣмя на плодовитомъ полѣ повѣрья и предразсудковъ въ Ширазѣ и въ его окрестностяхъ, Кербеляіи Сеидъ-Али-Мохаммедъ скоро отправился на богомолье въ Мекку, и отправился *одинъ* [1]), тайно и даже неожиданно: знали про то лишь два-три изъ его учениковъ. Въ эту пору [2]) слава новаго учителя уже слишкомъ была распространена по сосѣднимъ провинціямъ; вездѣ нашлись охотники слѣдовать его ученію. Объ немъ тогда говорили даже и въ Мазандарáнѣ и въ Хорасанѣ.

Въ отсутствіе почти убѣжавшаго учителя, ученики его дѣятельно занимались поддержаніемъ и распространеніемъ его славы. Въ числѣ ихъ нѣкто *мулла-Хусейнъ-Бушруи*, человѣкъ энергичный и велерѣчивый, дѣйствовалъ во имя Баба, выдавая себя за его намѣстника (наибъ) [3]). Не знаемъ фактически, дѣйствительно ли Бабъ поручилъ ему это намѣстничество, но знаемъ, что Бушруи, въ главѣ усердныхъ муридовъ Баба, долго успѣлъ распространить его имя, что правительство принуждено было принять строгія мѣры. Вездѣ шепотъ ходилъ между народомъ о появленіи ожидаемаго спасителя и покровителя ислама; вездѣ праздные говорили другъ другу: «вотъ настало

---

[1]) По одному преданію, онъ взялъ съ собою одного только своего ученика, ученаго юношу 20 лѣтъ, по имени *Мохаммедъ-Али*, который впослѣдствіи игралъ важную роль въ возстаніи мазандарáнскомъ (гл. II. п. VI). Другіе говорятъ, что этотъ юноша познакомился съ Бабомъ на пути въ Мекку (см. тамъ же, въ примѣчаніи).

[2]) По персидскому историку около 1843 г.

[3]) См. объ этой энергичной личности въ слѣдующей главѣ.

счастливое время; вотъ начало видимаго царства *Сахибуз-Земана* [1]). Соберемся подъ его знамена: предадимся тѣломъ и душею его священной волѣ» и т. п.

Мудрое управленіе краемъ и доброе поведеніе духовныхъ властей могли бы утушить подобную вспышку при самомъ ея началѣ, извлекши изъ нея еще какую нибудь мораль; но въ настоящемъ случаѣ безпечность мѣстнаго правительства съ одной стороны, упрямство и враждебное расположеніе *факыховъ* (законниковъ) къ *суфіямъ* или мистикамъ, особенно съ начала этого столѣтія, когда явились *Шейхиды*—съ другой: также требованіе закона при такихъ случаяхъ, наказывать и прощать собственно по опредѣленію Шаріата [2])—все это вмѣстѣ содѣйство-

---

[1]) *Сахибуз-Земанъ* невидимо управляетъ вѣкомъ и дѣлами мусульманъ, по ученію шіитовъ. Когда онъ явится (тому, однакожъ, должно предшествовать, по ученію ислама, второе пришествіе Іисуса Христа (см. ниже въ примѣч. къ п. X), всѣ истинные мусульмане должны вооруженно явиться подъ его знамена и слѣпо предаться его волѣ. Нынѣшнее положеніе Турціи таково, что того и гляди, что и тамъ, въ Малой Азіи, скоро возстанетъ подобный самозванецъ, если не будутъ приняты мѣры.

[2]) Въ дѣлѣ раскола, который очень развитъ въ разныхъ видахъ въ Персіи, человѣка можно приговорить къ смерти только тогда, когда онъ предъ закономъ выскажетъ такое убѣжденіе, которое совершенно противно главнымъ догматамъ господствующаго исповѣданія. Слова «*свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мохаммедъ Его пророкъ*» освобождаютъ отъ смерти всякаго обвиненнаго въ *невѣріи* по общимъ законамъ суннитовъ и шіитовъ. Послѣдніе прибавляютъ къ этой формулѣ еще 3-й членъ: «*и что Али* есть *Вели* Аллаха» Но смыслъ *Вели* такъ неопредѣленъ, что всѣ расколы между шіитами вертятся около разныхъ его оттѣнковъ значенія: *святой, распорядитель духовный, управитель* и т. п. — Господствующее исповѣданіе, а именно *Исна-'ашари* или *джа'фари*, придаетъ этому слову значеніе болѣе или менѣе скромное; другіе же—болѣе отвлеченное; третьи—еще болѣе, такъ что *Вели* у нихъ указываетъ даже на божественныя силы Али! Такимъ образомъ, если обвиненный шіитъ, какъ бы

вало успѣхамъ опаснаго этого дѣла. Въ слѣдующемъ пунктѣ мы увидимъ дѣйствіе правительства.

V.

Арестъ Баба и его бѣгство.

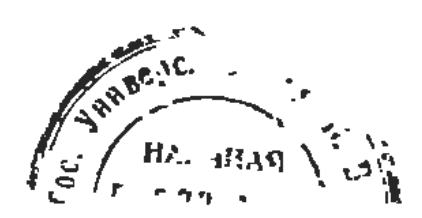
1844—1846.

Не знаемъ, сколько времени продолжалось отсутствіе Баба, но въ исходѣ $\frac{1260}{1844}$ года онъ возвратился изъ Мекки [1]) въ Бендер-Бушэръ и тутъ же, въ октябрѣ мѣсяцѣ, былъ схваченъ по распоряженію Низамуд-Даулэ-Хусейнъ-Хана, правителя Ширазской провинціи и привезенъ въ городъ Ширазъ. Этотъ арестъ не произвелъ почти никакого волненія между Бабидами: они привыкли уже къ долгому отсутствію Баба въ Мекку; а притомъ главнымъ агитаторамъ нужно было только *имя* Баба, гоненіе его личности чѣмъ изувѣрнѣе, тѣмъ полезнѣе было для славы этого имени.

О судьбѣ Баба въ Ширазѣ мы имѣемъ два указанія. Одно принадлежитъ автору новѣйшей персидской исторіи. Хотя оно совершенно противно общему повѣствованію очевидцевъ и несогласно съ здравымъ смысломъ, но мы не имѣемъ права обойдти его, тѣмъ болѣе, что оно очевидно основано на придворной лести и на пристрастіи къ духовенству. По словамъ историка, когда, по распоряженію Низамуд-Даулэ, Бабъ былъ привезенъ

онъ про себя ни думалъ о своемъ мнѣніи, произнесетъ всѣ эти *три члена* приведеннаго символа вѣры, то, безъ дальнѣйшихъ пытокъ или розысканій, Шаріатъ его освобождаетъ. Читай для соображенія гл. III, отд. I, въ пунктѣ 3, *о виллетѣ*.

[1]) По словамъ персидскаго историка, Бабъ не доѣхалъ до Мекки и съ дороги вернулся въ Бушэръ.



въ Ширазъ (2 октября 1844 года), его помѣстили въ наслѣдственномъ, послѣ отца, его собственномъ домѣ. Губернаторъ, чтобы обличить сектатора, по предварительному соглашенію съ духовенствомъ, прикинулся муридомъ Баба и въ тайныхъ съ нимъ свиданіяхъ успѣлъ увѣрить его въ своей преданности. Бабъ какъ будто принялъ притворство Хусейнъ-Хана за чистую монету и еще смѣлѣе продолжалъ свои проповѣди. Губернаторъ предложилъ ему въ своемъ присутствіи убѣждать ширазскихъ *улемовъ*, чтобы успѣшнѣе распространить благодѣтельное ученіе. «Тебѣ извѣстно—говорилъ онъ ему почтительно—что все дѣло въ рукахъ улемовъ; убѣди хоть нѣсколькихъ изъ нихъ своимъ божественнымъ вдохновеніемъ, тогда, по примѣру ихъ, весь городъ приметъ наше ученіе и твое владычество утвердится». Бабъ будто согласился и день былъ назначенъ.

Собрался сонмъ улемовъ; Бабъ явился между ними и началъ говорить смѣло и торжественно. Всѣ молчали. Губернаторъ весьма почтительно предложилъ ему убѣдить улемовъ: въ чемъ состоитъ превосходство его ученія надъ ученіемъ Корана. Бабъ, какъ будто съ такою же смѣлостію, говорилъ: «возьмите мой Коранъ, повѣрьте его съ Кораномъ вашего пророка, тогда найдете, что мой Коранъ краснорѣчивѣе вашего Корана, и моя вѣра лучше религіи вашего пророка....» При этихъ обличительныхъ словахъ губернаторъ перемѣнилъ тонъ; онъ позвалъ приготовленныхъ феррашовъ и указалъ на преступника. Баба связали и, по обычаю страны, дотого били по пятамъ, что онъ сталъ проклинать и свою жизнь и свои убѣжденія! Послѣ этого Бабъ задержанъ былъ шесть мѣсяцевъ въ темницѣ.

Исфаганскій губернаторъ *Му'темеду-Даулэ*, услышавъ объ ученіи Баба, о чудесахъ приписанныхъ ему, захотѣлъ видѣть его; потому что этотъ господинъ, по словамъ историка, имѣлъ слабость къ такимъ проповѣдникамъ. Онъ отправилъ въ Ширазъ нѣсколько всадниковъ для того, чтобы они, какимъ бы тони-

было способомъ, освободили его отъ цѣпей и тайно привезли бы въ Исфаганъ. Эта попытка тѣмъ болѣе удалась посланнымъ, что въ это время свирѣпствовала въ Ширазѣ холера и никому ни до кого не было дѣла. Баба такимъ образомъ привезли въ Исфаганъ [1]).

Но преданіе очевидцевъ говоритъ, и мы болѣе этому вѣримъ, что Бабъ жилъ недолго въ Ширазѣ. Хотя его посѣщали *весьма* немногіе, такъ какъ начальство принимало мѣры къ недопущенію къ нему народа, но не знаемъ навѣрное, какимъ образомъ вдругъ Баба не стало въ этомъ городѣ: онъ неожиданно очутился на дорогѣ къ Исфагани. Говорятъ, что въ бѣгствѣ ему тайно содѣйствовалъ именитый ученый ширазскій *Сейидъ-Яхья-Дараби*, одинъ изъ давнишнихъ учениковъ шейха, который открыто посѣщалъ Баба во время его заточенія и котораго мы считаемъ въ это время тайнымъ его ученикомъ; да и впослѣдствіи мы видимъ его въ числѣ усердныхъ его муридовъ [2]). Къ этому прибавляютъ, что, по увѣренію этого духовнаго лица, пользующагося, какъ шейхидъ, огромною популяр-

---

[1]) Вотъ историческое изложеніе этого дѣла о преслѣдованіи Баба въ Ширазѣ и его спасеніи. Оно, во-первыхъ, совершенно противно здравому смыслу, потому что и свѣтская и духовная власти обличили такого преступника противъ догматовъ вѣры и не совершили надъ нимъ приговора по Шаріату, когда и та и другая власть искали причины такого наказанія; во-вторыхъ, что за воровство, которое приписывается тутъ такому государственному человѣку, каковымъ представляется исфаганскій генералъ-губернаторъ самимъ же этимъ историкомъ: тайно освободить изъ тюрьмы государственнаго преступника! И притомъ, въ-третьихъ, по словамъ этого же историка, исфаганскій губернаторъ пріютилъ у себя сектатора, въ которомъ онъ надѣялся найдти какого нибудь божественнаго человѣка и когда увидѣлъ свою ошибку, все-таки защищалъ его отъ нападокъ духовенства до конца своей жизни! Объ этомъ смотри далѣе тамъ же.

[2]) См. гл. II, п. XIX.

ностью въ Ширазѣ, не къ чему было придраться въ отвѣтахъ Баба на вопросы, сдѣланные ему о догматахъ вѣры [1]).—Прозелиты Баба, услышавъ о его бѣгствѣ, старались присоединиться къ нему, но успѣли ли они въ этомъ, не видно изъ имѣющихся у меня матеріаловъ; кажется они нигдѣ не сходились съ нимъ; тому препятствовали, какъ можно подозрѣвать, неизбѣжныя обстоятельства. Другіе говорятъ, что Бабъ избѣгалъ этого соединенія, не желая увлекаться властолюбіемъ; что, кажется мнѣ, вѣрнѣе всего. Но какъ бы то ни было, это несоединеніе теперь послужило Бабу и всѣмъ его послѣдователямъ въ чрезвычайную пользу: это — предположеніе въ народѣ о его невинности и возможность его прозелитамъ *тайно* продолжать свои замыслы, что и поддерживалось еще долгое время.

VI.

Бабъ въ Исфагани. Вновь заключенъ.

(Въ 1847 г.)

Въ эту пору въ Исфагани, древней столицѣ Персіи, происходили безпорядки отъ вліянія шаекъ *лютіевъ* [2]), со временъ

---

[1]) Самъ Бабъ никогда, ни теперь ни послѣ, не былъ изобличенъ въ винѣ ему приписанной, т. е. въ предполагаемомъ богохульствѣ: этого держится большинство народа; но другіе думаютъ, что онъ былъ уличенъ и по Шаріату приговоренъ къ заточенію и смерти: этого держится правительство и большая часть духовенства, конечно, для того, чтобы оправдать свой поступокъ. Ясныхъ и вѣрныхъ указаній на доказанное преступленіе противъ догматовъ ислама я не могъ добыть относительно самого Баба. На него, въ особенности на его учениковъ, правительство должно было смотрѣть скорѣе какъ на политическихъ преступниковъ. Мы это увидимъ въ продолженіи нашаго повѣствованія.

[2]) Сословіе праздношатающихся негодяевъ—остряковъ, пахальныхъ пасмѣшниковъ, обманщиковъ— носитъ имя «*лути*.» По неисправности полиціи,

Фетхъ-Али-Шаха наполнявшихъ этотъ городъ ужасомъ и развратомъ. Туда, для управленія краемъ, назначенъ былъ знаменитый эвнухъ Манучехръ-Ханъ, товарищъ Хосревъ-Хана—два живые тогда памятника первыхъ русскихъ побѣдъ въ мусульманскихъ провинціяхъ, въ началѣ этого столѣтія [1]).

Вопреки персидскому историку, изложившему, какъ мы видѣли выше, косо и криво характеръ этой знаменитой личности и освобожденіе Баба, мы придерживаемся болѣе вѣроятнаго пока-

---

ихъ очень много завелось въ Персіи; преимущественно ихъ было много въ Исфагани и въ Тавризѣ. Въ людяхъ они жили подъ личиною обыкновенныхъ согражданъ, выдавая себя за честныхъ людей; а втайнѣ между собою собирались въ развалинахъ, въ подземельяхъ и проводили время въ пьянствѣ, респутствѣ и святотатствѣ. Они жили *шайками*. Вожди ихъ, 10—15 человѣкъ, въ цѣлой столицѣ пользовались уваженіемъ, какъ знатные и честные люди, въ числѣ которыхъ бывали и персидскіе магнаты (какъ напримѣръ Хайдеръ-Мирза, изъ наввабовъ (князей) сафавидской династіи). Тайное ихъ вліяніе чрезъ своихъ приверженцевъ—отчаянныхъ дармоѣдовъ, бывало такъ велико, что они иногда приводили въ ужасъ цѣлый городъ и даже вытѣсняли губернаторовъ изъ города. Въ Исфагани это случалось нѣсколько резъ; въ Тавризѣ бывали еще худшія событія, какъ напримѣръ волненіе и возстаніе въ 1848 году, о которомъ мы скажемъ, мимоходомъ, ниже.-Еще Фетхъ-Али-Шахъ началъ преслѣдованіе *льутіевъ* въ Исфагани; Мохаммедъ-Шахъ, также принималъ противъ нихъ мѣры, но окончательное ихъ усмиреніе досталось на долю нынѣшняго Шаха, а именно, заботливости умнаго и дѣятельнаго Мирзы Тагкы-Хана въ 1848 и 1849 годахъ.—Слово *льути* часто употребляется и въ ласкательномъ значеніи, въ смыслѣ *умницы*, какъ русскія слова: *демонъ*, *плутъ*, *продувной* и т. п.

[1]) При городѣ *Ганджэ* (Елисаветополь) малолѣтные Манучехръ и Хосревъ съ товарищами, въ 1806-хъ годахъ были взяты въ плѣнъ персіянами; впослѣдствіи они достигли высшихъ государственныхъ почестей. Упомянутый Манучехръ извѣстенъ своими прекрасными качествами. Онъ былъ возведенъ еще Фетхъ-Али-Шахомъ въ важный государственный санъ *Му'темедуд-Даулэ*—опора государства, и умеръ въ качествѣ управителя или генералъ-губернаторе Исфагани, въ царствованіе Мохаммедъ-Шаха (въ маѣ 1847 г.).

Гос. Университет... НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

заніи о бѣгствѣ сектатора. По этому показанію, въ ту пору жителей Исфагани занималъ слухъ объ ученіи Баба. Слышно было, что Бабъ идетъ въ Исфагань; льутіи возрадовались; любопытные ждали съ нетерпѣніемъ; духовные тоже, но съ желаніемъ положить конецъ начинавшемуся противъ нихъ злому умыслу, убіеніемъ Баба. Бабъ, можетъ быть, зналъ все это, но ничего не оставалось ему дѣлать, какъ только прибѣгнуть къ защитѣ. Онъ писалъ къ Манучехръ-Хану письмо слѣдующаго содержанія: «Гонимый всѣми, я прибѣгаю къ вашей защитѣ; жду отвѣта у порога столицы. Не войду въ нее, не получивъ вашего согласія на покровительство» [1]). Му'темедуд-Даулэ Манучехр-Ханъ обрадовался случаю и обѣщалъ Бабу свою защиту, имѣя въ виду, собственнымъ изслѣдованіемъ дѣла, обнаружить ложь, приписываемую Сеидъ-Али-Мохаммеду и тѣмъ положить конецъ ходящему въ народѣ толку; или же принять должныя мѣры, въ случаѣ, если замѣтитъ въ покровительствуемомъ имъ молодомъ человѣкѣ дѣйствительное отступленіе отъ вѣры и чести. Сеидъ въѣхалъ въ городъ. Манучехр-Ханъ помѣстилъ его въ домѣ главнаго исфаганскаго духовнаго лица, гдѣ онъ могъ быть безопасенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и это не могло считаться арестомъ тому, кто искалъ покровительства блюстителя правовѣрія.

Духовный сей, *имамъ Джумъ'а* [1]), предубѣжденный въ рас-

---

[1]) Содержаніе этого письма передано мнѣ достовѣрными людьми, слышавшими это изъ устъ самого Манучехръ-Хана. Г. Севрюгинъ, одинъ изъ отличныхъ оріенталистовъ, живущій нынѣ въ Персіи по дѣламъ службы, въ своей запискѣ о Бабѣ также говоритъ: «Бабъ, не доѣзжая до Испагана, послалъ отъ себя къ тамошнему губернатору письмо, въ которомъ просилъ принять его подъ свое покровительство и защиту, и упомянулъ, что онъ тогда въѣдетъ въ городъ, когда ему въ этомъ не откажутъ».

[2]) Т. е. соборный священнослужитель. Слово *джумъ, а* значитъ *соборъ*, отсюда и пятница, день назначенный для соборнаго богослуженія. Во всякомъ

кольническихъ принципахъ своего гостя, слѣдственно и желая скорѣе подъискаться подъ него, позволилъ къ нему свободный доступъ всякому; но Сеидъ-Мохаммедъ-Али нарочно, или въ самомъ дѣлѣ чистосердечно, отвѣчалъ на всѣ вопросы, ему предложенные, совершенно согласно правиламъ ислама. Однако же, предубѣжденіе городскихъ духовныхъ объ немъ было слишкомъ сильно, чтобы не подозрѣвать въ немъ лицемѣрія. Распустили слухъ, что-Бабъ опасенъ; что къ нему не слѣдуетъ пропускать народъ безъ разбора. — На вопросъ губернатора: въ чемъ можно обвинить Сеида, — отвѣчали, что онъ запрещаетъ куреніе кальяна и питье кофе [1]); что оба эти наслажденія допускаются по обычаямъ и по господствующему закону шіитовъ. Обвиненіе было слишкомъ изысканное, потому что оно отнюдь не касалось догматическихъ правилъ ислама.

Дѣйствительно, Бабъ не курилъ табаку и не пилъ кофе и явно говорилъ, что оба эти дѣйствія вредны для здоровья, а стало быть и *грѣшны*. Въ подобныхъ вопросахъ, касающихся второстепенныхъ правилъ вѣры, къ нему не могли привязаться слишкомъ серьезно, потому что въ народѣ Бабъ имѣлъ уже сильное значеніе, болѣе же въ глазахъ тѣхъ, которые его никогда даже и не видали. Губернаторъ города, находясь между

городѣ есть по одному *имамъ-джумъ'а*. Онъ назначается изъ среды самыхъ благочестивыхъ и приготовленныхъ къ этому дѣлу людей. Вліяніе его очень велико въ городѣ, особенно въ столицахъ.

[1]) Въ исламѣ много прихотей, которыя дозволяются одними духовными и запрещаются другими. Опіумъ, напримѣръ, строго запрещается многими духовными лицами, но употребляется вездѣ, въ особенности въ Персіи. Кальянъ и вообще куреніе табаку въ большомъ употребленіи въ Персіи и въ Турціи, а въ Бухарѣ, какъ вообще между татарами, это воспрещается. Все это зависитъ отъ вліянія мѣстнаго обычая. Самыя строгія духовныя лица и кофе считаютъ прихотью.

народомъ и духовенствомъ, и болѣе опасаясь послѣдняго сословія, рѣшился спрятать Баба во дворцѣ *имарети-садри* и распустить слухъ, что онъ отправленъ имъ по назначенію правительства [1]). Такъ онъ и сдѣлалъ. Сейидъ-Али-Мохаммедъ жилъ въ почетномъ заточеніи до кончины Манучехр-Хана (мая 1847 г.). Правительство постоянно получало объ немъ свѣдѣнія и было довольно умнымъ распоряженіемъ исфаганскаго генералъ-губернатора; но по полученіи извѣстія о кончинѣ послѣдняго, оно немедленно распорядилось тайно вывезти Баба изъ Исфагани, такъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ, и тайно же доставить его въ Тегеранъ. Но требованія Хаджи Мирзы-Аги, перваго министра, исполнить было невозможно: скоро всѣ узнали объ этомъ; начиная отъ Исфагани по дорогѣ до самой шахской столицы распространился слухъ *о несправедливости духовенства и правительства* въ отношеніи къ Бабу; вездѣ слышенъ былъ ропотъ, всюду говорили о неправосудіи.

VII.

Онъ неожиданно въ Тавризѣ.

(Въ началѣ 1848 г.)

На двухъ пружинахъ зиждется—говорили умные люди—жизнь народовъ и царствъ—это *вѣра* и *интересъ*. Дѣло инте-

---

[1]) По показанію персидскаго историка, губернаторъ созвалъ исфаганскихъ ученыхъ для обличенія преступника. Въ назначенный день всѣ они собрались. Засѣданіе было открыто самимъ губернаторомъ; пошли вопросы и допросы и всѣ показанія Баба были совершенно опровергнуты. Его обличили въ невѣжествѣ и расколѣ. Но несмотря на все это губернаторъ оставался пристрастенъ къ Бабу, защитилъ его и скрылъ его отъ духовенства. Но первая часть этого показанія не имѣетъ никакого основанія.

реса бываетъ частное и общее; но дѣло вѣры всегда составляетъ достояніе всего народа. Потому въ первомъ случаѣ совѣсть правительства, тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ законовъ, часто позволяетъ ему быть глухимъ къ воплямъ о правосудіи; а вовторыхъ т. е, когда дѣло идетъ объ общемъ интересѣ или религіи—себялюбіе и осторожность повелѣваютъ ему поступать осмотрительно. Однакожъ и въ этомъ случаѣ расчеты шахскаго великаго визиря оказались ошибочными. Боясь, что появленіе Баба въ Тегеранѣ вызоветъ новые безпорядки,—а ихъ безъ того было уже много отъ его капризовъ и незрѣлой системы администраціи—немедленно измѣнилъ свое распоряженіе, и конвой, сопутствовавшій Баба изъ Исфагани въ Тегерань, близъ города, не доѣзжая до столицы, около 30 верстъ, получилъ приказаніе не показываться въ Тегерань, а ѣхать съ арестантомъ въ *Маку* [1]), гдѣ, по мнѣнію великаго визиря, самозванецъ не могъ выиграть многаго, и макуинцы, изъ любви къ своему благодѣтелю и покровителю, примутъ мѣры къ заглушенію возникшаго безпокойствія.-Неизвѣстно намъ фактически, куда и какъ везли Баба, но мы видимъ его скоро въ Тавризѣ. По разсказамъ однихъ, на дорогѣ въ Маку, Бабъ былъ будто бы остановленъ въ столицѣ Адербиджана для того, чтобы всенародно его обличить и привести самозванца къ раскаянію. Другіе говорятъ, что его привезли туда для той же цѣли *изъ Маку*, куда онъ уже былъ отвезенъ, но нахожденіе его тамъ, на границахъ Россіи, показалось неблагоразумнымъ, потому что оно могло возбудить негодованіе въ нашемъ правительствѣ. Третьи говорятъ, что вмѣсто Маку онъ былъ отвезенъ въ Урмію, гдѣ онъ и находился нѣсколько

---

[1]) Отечество перваго министра на границѣ Адербиджана. Оно получило извѣстность со времени управленія государствомъ этого министра, и многіе макуинцы, нижіе его угодники, возвысились до высокаго значенія въ государствѣ.

времени, а потомъ былъ привезенъ въ Тавризъ. По словамъ же персидскаго историка, Бабъ по распоряженію перваго министра прямо изъ Исфагани отосланъ былъ въ г. *Чегрики*, откуда по повелѣнію Шаха привезенъ въ Тавризъ для обличенія. Но такъ или иначе, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1848 года Бабъ былъ въ самомъ дѣлѣ уже въ Тавризѣ, гдѣ готовились ему увѣщеванія, угрозы и наказаніе.

VIII.

Положеніе дѣлъ въ Тавризѣ. Хаджи-Мулла Юсуфъ.

Въ Адербиджанѣ во имя Баба давно, тайно и явно дѣйствовалъ одинъ изъ усердныхъ его учениковъ, сдѣлавшій черезъ то громкое себѣ имя во всей Персіи и попавшій наконецъ въ руки правительства послѣ ужаснаго кровопролитія въ Мазандаранѣ [1]),—то былъ знаменитый *Мулла-Юсуфъ* Ардебильскій. Онъ нетолько приглашалъ черпь къ расходу въ самомъ Тавризѣ, но въ качествѣ усерднаго миссіонера самъ ходилъ по деревнямъ и проповѣдывалъ тамъ о Бабѣ, какъ о явившемся *имамѣ*—царѣ правовѣрныхъ, какъ объ ожидаемомъ *Сахибуз-Земанѣ*. Успѣхи этого энергичнаго человѣка были такъ велики, что вблизи Тавриза цѣлое селеніе, значительно многолюдное, предалось ему, и всѣ жители стали носить имя *Бабидовъ*. Конечно, и въ самомъ городѣ ихъ было не мало, когда правительство приняло мѣры наказать самозванца, по публичномъ обличеніи его во лжи и тѣмъ оправдать себя передъ народомъ.

Баба продержали на время въ *Хіябанской* части Тавриза. Правительство не считало нужнымъ сдѣлать его недоступнымъ

---

[1]) Объ этомъ см. ниже, во II главѣ.

народу. Приготовляя ему публичную казнь, оно полагало за благоразумное допускать къ нему всякаго любопытнаго, чтобы всякій могъ убѣдиться въ правильности преслѣдованія возмутителя-самозванца на основаніи Шаріата. Потому къ Бабу стекался народъ всѣхъ сословій. Личность арестанта, и его положеніе могли создать сочувствіе къ нему во многихъ людяхъ, убѣжденныхъ въ его невинности и вообще расположенныхъ въ его пользу. Любопытные, болѣе равнодушные, никогда невидавшіе Баба, ничего не вынесли изъ тюрьмы такого, что могло бы расположить ихъ противъ обвиняемаго. Въ городѣ ходили разные толки. Одни говорили, что Бабъ дѣйствительно необыкновенный, сверхъестественный человѣкъ; другіе—что онъ дѣйствительно праведный мужъ; третьи, друзья духовенства и люди нежелающіе безпокойства — что онъ сумасбродный авантюристъ, самозванецъ, душегубецъ. Такъ судили и рядили между собою люди на улицахъ и въ лавкахъ; а *лютіи*, въ свою очередь, помогали той сторонѣ, гдѣ выгода имъ была вѣрнѣе, ощутительнѣе.

Между постоянными посѣтителями Баба находился одинъ извѣстный *Мирза Ахмедъ Богаршахъ*, также изъ Шейхидовъ, мнѣніемъ котораго дорожили и малые и великіе. Когда спрашивали его о Бабѣ, онъ отвѣчалъ: «Бабъ, какъ вы видѣли, больше молчитъ; а когда говоритъ, — говоритъ остроумно и великолѣпно». Такой отвѣтъ ничего не прибавилъ противоположнаго общему выгодному мнѣнію о Бабѣ, напротивъ еще болѣе склонилъ большинство въ его пользу. — Толки продолжались, и чѣмъ дальше, тѣмъ все становилось хуже для правительства. Тайные друзья Баба дѣйствовали неусыпно; въ городѣ вездѣ было волненіе. Правительство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ: Баба перевели въ новое мѣсто, въ домъ *Каземъ-Хана*, сына тогдашняго шахскаго феррашъ-баши, *Исламъ-Хана*. Онъ тамъ былъ запертъ и никто изъ народа не имѣлъ къ нему доступа.

IX.

Испытаніе Баба и первый судъ надъ нимъ.

(Въ половинѣ 1848 г.)

Въ это время нынѣшній шахъ, будучи еще пятнадцатилѣтнимъ юношей, занималъ должность правителя Адербиджана; у него, въ числѣ руководителей, былъ Мирза Тагка-Хаиъ, будущій его первый министръ, который въ дѣлахъ управленія тогда не имѣлъ еще большаго значенія. День ото дня толки о Бабѣ увеличивались; народу казалось подозрительнымъ, что его заперли у царедворца, находившагося въ большой милости у наслѣднаго принца; пошли непріятные разговоры. Наконецъ правительство постановило: собраться духовенству, пригласить въ это собраніе Баба и разобрать дѣло въ присутствіи наслѣднаго принца. Назначенъ былъ для этого день. Главный представитель духовенства, въ лицѣ извѣстнаго Мирзы Ахмеда, счелъ грѣхомъ участвовать въ дѣлѣ, выразивъ свое убѣжденіе преждевременно, что «въ ученіи Баба *все противъ ислама*». Собрались другіе духовные. Передовые изъ нихъ были *Ахундъ Мулла Мохаммедъ Мамеганскій*, извѣстный ученый и велерѣчивый человѣкъ, отличавшійся неоднократно въ схоластическихъ диспутахъ, и *Хаджи Мулла Махмудъ*, наставникъ наслѣднаго принца, впослѣдствіи *Мулла-Баши* [1]), т. е. глава всѣхъ ученыхъ. Засѣданіе открылось подъ личнымъ предсѣдательствомъ принца.

Намъ не извѣстно за достовѣрное, что происходило въ этомъ собраніи. Тутъ, кромѣ духовныхъ и административныхъ лицъ,

---

[1]) Это почетное званіе было дано ему нынѣшнимъ шахомъ, какъ бывшему своему наставнику.

съ ихъ прислугою [1]), никто не былъ приглашенъ; потому-то и ходили различные слухи: одни говорили, что въ отвѣтахъ Баба ничего не нашли противъ догматовъ ислама, что онъ болѣе молчалъ, чѣмъ говорилъ, и когда говорилъ, то говорилъ съ одушевленіемъ, скромно, тихо, но *мистеріозно*, впрочемъ всегда согласно съ духомъ ислама. Другіе говорили и распускали слѣдующее: 1) что Ахундъ-Мулла-Мохаммедъ открылъ засѣданіе вопросомъ Бабу: въ чемъ состоитъ его ученіе? и тотъ отвѣчалъ безъ малѣйшаго размышленія: «*я тотъ самый, котораго вы ожидаете болѣе тысячи лѣтъ* [2])». Ахундъ на эту дерзость (ибо ожидаемый есть послѣдній имамъ Мегдія,—царь ислама и всего міра—Сахибуз-Земанъ. См. выше, въ примѣч. къ п. IV), сказалъ ему: «Не лишь грязи; а если ты тотъ, кого мы ожидаемъ, то покажи намъ хотя одно какое нибудь чудо; потому, что тотъ, кого мы ожидаемъ, долженъ явиться съ чудомъ и онъ самъ долженъ, по писанію, творить чудеса и этимъ доказать истину своего посольства», и проч. и проч. [3]). Бабъ остался будто безотвѣтенъ. 2) Что за этимъ говорилъ Хаджи Мулла-Махмудъ: «Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, ты можешь доказать, что твое ученіе истинно?»—«Кораномъ моимъ», будто бы отвѣчалъ Бабъ, и по желанію присутствовавшихъ прочиталъ нѣсколько отрывковъ изъ этой книги. Преданіе это говоритъ, что сіи риѳмованные отрывки, составленные по образцу дѣйствительнаго Корана, содержали множество грамматическихъ ошибокъ. Слушатели захохотали. Оппонентъ тутъ же составилъ нѣ-

---

[1]) Таковы обычаи въ Персіи: безъ прислуги магнаты ни шагу изъ дома.

[2]) Другіе прибавляютъ къ этому, что онъ сказалъ еще: «Я тотъ, котораго Моисей видѣлъ въ купинѣ неопалимой». Объ этомъ я читалъ, мнѣ помнится, и въ запискѣ г. Мошнина, нашего консула въ Арзерумѣ, также долго находившагося въ Персіи во время гоненія Бабидовъ.

[3]) Это взято мною изъ записокъ г. Севрюгина.

сколько удачныхъ риѳмованныхъ фразъ наподобіе приведенныхъ Бабомъ и, смѣючись, сказалъ: «неужели и это слова Божіи?.. Они, какъ видите, мои экспромтныя произведенія; что же вы скажете больше?...» Бабъ не отвѣчалъ. И 3) что при этомъ врасплохъ сдѣлалъ Бабу одинъ простой грамматическій вопросъ и самъ наслѣдный принцъ, конечно, изъ своихъ уроковъ; но и на это не было отвѣта. — Повѣствованіе Насихут-тавариха объ этомъ диспутѣ содержитъ почти вышесказанное, со многими еще подробностями и прибавленіями.

Но нѣчему этому нельзя вполнѣ вѣрить. Можетъ быть отвѣты Баба были неудовлетворительны; но первое и второе приписанныя ему показанія о своемъ значеніи и о своемъ коранѣ,— если это дѣйствительно правда,—чисто обличаютъ его въ святотатствѣ противъ догматовъ ислама. Слѣдственно, духовенство и правительство, еще разъ искавшіе случая уличить самозванца *публично* (чтобы положить конецъ расколу, или увѣщаніями и убѣжденіями Баба и обращеніемъ его опять въ правовѣріе, или же, въ противномъ случаѣ, торжественнымъ приговоромъ его къ смерти по Шаріату, за отступленіе отъ вѣры)—въ настоящемъ, по ихъ словамъ, *второмъ* случаѣ не удовольствовались бы только однимъ тѣлеснымъ наказаніемъ [1]) и ссылкою преступника [2]), чѣмъ кончилось, въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе о судьбѣ Баба въ этомъ чрезвычайномъ засѣданіи. Поэтому надо думать, что Баба не могли обличить въ отступленіи отъ правовѣрія, и что первые слухи, т. е. постоянное его молчаніе и поступки, характеризующіе приписанную ему *юродивость*, болѣе правдо-

---

[1]) Авторъ персидской исторіи здѣсь желаетъ оправдать дѣйствіе судей тѣмъ, что Баба они считали сумазброднымъ, умалишеннымъ, что однакожъ не спасло его въ третьемъ испытаніи черезъ полтора года.

[2]) По словамъ этого же историка, его сослали опять въ г. Чегрикъ. Но вѣрнѣе, что онъ сосланъ въ Маку.

подобны. Можетъ быть онъ и сказалъ нѣсколько словъ неопредѣлительныхъ, двусмысленныхъ: но по Шаріату нельзя присудить явно къ смерти, когда обвиняемый не говоритъ *ясно* и съ полнымъ сознаніемъ. Впрочемъ, можно вѣрить и тому, что ученики Баба, усердно дѣйствовавшіе во имя его, постоянно внушали ему тѣ мысли о его божественности, которымъ онъ видѣлъ поддержку и въ цѣломъ окружающемъ его вездѣ народѣ.

X.

Его поведеніе въ Маку послѣ ссылки.

Бабъ съ юности своей привыкъ видѣть постоянное къ себѣ обожаніе отъ окружающихъ, и это было, конечно, усладительною пищею его самолюбія. Несмотря на то, что три года сряду онъ не зналъ покоя, терпѣлъ угнетеніе отъ правительства и поруганія отъ духовенства—но все это онъ переносилъ терпѣливо. Обстоятельства были тѣ же и въ Маку, гдѣ теперь Бабъ находился въ ссылкѣ, несмотря на то, что въ первый разъ когда онъ былъ тамъ, персидское правительство — какъ говоритъ одно повѣствованіе — находило его пребываніе на границахъ Россіи неблаговиднымъ: народъ посѣщалъ его болѣе чѣмъ когда либо; не было дня, чтобы не толпились у его дверей любопытные всякаго сословія и возраста.

Общій голосъ приписываетъ Бабу въ этотъ разъ болѣе смѣлости и болѣе откровенности въ разсказахъ о себѣ, о своемъ ученіи. Мы этому вѣримъ, по той естественной причинѣ, что не встрѣтили никакого разногласія въ этомъ показаніи. Притомъ надо замѣтить, что Бабъ и его ученики были слишкомъ убѣждены, что дѣйствительно макуинцы, изъ привязанности и признательности къ своему меценату — великому визирю, сдѣлаютъ то, чего не могло сдѣлать тавризское правитель-

ство, опасавшееся народа. Убѣжденіе ихъ тѣмъ болѣе подкрѣплялось, что комисары великаго визиря еще заблаговременно дѣйствовали въ Маку противъ ожидаемаго тогда Баба. Слѣдственно тутъ его ученикамъ оставалось одно средство: пріобрѣсть расположеніе и любовь большинства черни — и мы должны ожидать здѣсь энергичныхъ дѣйствій даже со стороны самого Баба.

Хотя вопросы, сдѣланные ему изъ любопытства, или нарочно для испытанія, онъ рѣшалъ вообще согласно смыслу существующихъ законовъ, то есть по Шаріату, но безъ страха выражалъ и собственный свой взглядъ на вещи и, ссылаясь на основный принципъ шіитовъ, что *бурганъ* или *худжетъ* [1]) можетъ перемѣнить постановленіе Шаріата по своему собственному воззрѣнію, выдавалъ себя разными намеками за *такого авторитета*. Несмотря на принятыя великимъ визиремъ тайныя мѣры, всеобщая во всемъ томъ краѣ популярноеть Баба давно поселила предубѣжденіе въ его пользу и между макуинцами. Въ настоящемъ же случаѣ личность арестанта, его трогательная рѣчь и вообще жалкое положеніе, въ которомъ онъ находился, сложили все дѣло въ его выгоду, что болѣе придавало ему смѣлости. Даже, говорятъ,—чему мы не вѣримъ—что онъ

---

[1]) *Худжетъ* лексически значитъ *вѣрнѣйшее доказательство*; то же значеніе имѣетъ слово *бурганъ*. Оба они иносказательно употребляются въ смыслѣ *истины*, *истинной власти* и т. п. *Бурганъ* составляетъ, потому, одно изъ именъ Бога.—Монголы, вѣроятно, отсюда называютъ божество *бурганъ*. Пророковъ, имамовъ мусульмане называютъ *худжетъ*; отсюда это имя вошло въ число эпитетовъ послѣдняго ожидаемаго мусульманами имама *Мегди*, котораго полный титулъ есть: *Ал-Худжетуль-якаимъ, Аль Мегди Сахибуз-Земанъ*, т. е. самодержавная истина (владыко) Мегди, хозяинъ (господинъ вѣка, міра), *Худжетъ* также употребляется въ судебныхъ торговыхъ дѣлахъ въ значеніи *акта*.

дѣйствительно тутъ ссылался *на свой коранъ* и въ послѣдніе дни своего пребыванія тамъ сказалъ народу, что онъ тотъ самый *гкаимъ* (т. е. Мегди), котораго они ожидаютъ [1]). Чтобы убѣдить въ этомъ готовыхъ предаться ему изъ жителей Маку и окрестностей, онъ сомнѣнія ихъ рѣшалъ, говорятъ, намеками на невѣрность преданій, дошедшихъ до потомства о разныхъ знаменіяхъ, долженствующихъ предшествовать появленію ожидаемаго имама [2]) .« Духовные частію исказили ихъ—говорилъ будто-бы онъ—и частію дурно поняли.» Но мы повторяемъ свое сомнѣніе въ совершенной справедливости *всего* этого показанія, ибо въ дѣйствіяхъ Баба мы не находимъ явныхъ уликъ въ умышленномъ самозванствѣ. Всѣ эти дополненія мы приписываемъ его ученикамъ.—Какъ бы то ни было, стеченіе праздныхъ жителей Маку и его окрестностей къ Бабу было ежедневно такъ велико, что Бабъ часто отказывался бесѣдовать съ посѣтителями. Разныя молитвы и талисманы (до которыхъ чернь и вообще всѣ персіяне и татары большіе охотники) раздавались ежедневно посѣтителямъ Баба и въ народѣ передавались изъ рукъ въ руки [3]).

---

[1]) Въ запискѣ г. Севрюгина слова Баба приведены цѣликомъ: «Поистинѣ, я тотъ *Гкаимъ*, который обѣщанъ вамъ.» Слово *гкаимъ* значитъ самодержавный, невидимосущій, т. е. Мегди, который невидимо управляетъ судьбами міра.

[2]) По преданіямъ, имамъ гкаимъ Сахибуз-Земанъ: а) долженъ явиться въ Меккѣ; б) предъ его появленіемъ должно быть царство *Деджжаля*—антихриста; в) предъ самымъ появленіемъ Мегдія должно быть сошествіе Іисуса Христа съ четвертаго неба который приготовитъ міръ къ принятію имама! и г) По одному преданію, солнце должно всходить съ запада,—чѣмъ и оканчивается владычество сатаны!...

[3]) Во всемъ этомъ мы полагаемъ виновниками ближайшихъ учениковъ Баба, которые тайными попытками привлекали чернь къ своему мнѣнію и дѣйствовали его именемъ.

XI.

Важная перемѣна. Новое правительство.

Покуда Бабъ находился въ Маку и его ученики неусыпно дѣйствовали вездѣ, въ Персіи совершилось въ то время другое важное событіе: Мохаммедъ-Шахъ скончался (5 сентября 1848 года): пошли, по обыкновенію, безпорядки; нѣсколько времени (около двухъ мѣсяцевъ) прошло въ Тегерани *въ междуцарствіи*; назначено было временное управленіе, состоявшее изъ четырехъ администраторовъ, подъ предсѣдательствомъ жены покойнаго шаха. Наконецъ, послѣ немалыхъ безпокойствій, возведенъ на престолъ законный наслѣдникъ, юный принцъ, правитель Адербиджана, Насыруддинъ-Мирза. Первое благое дѣло, а между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тогда вредное—было бѣгство бывшаго перваго министра, Хаджи-Мирзы-Агкаси. Этотъ хитрый человѣкъ, совѣршенно завладѣвшій волею покойнаго шаха и этимъ обратившійся въ его голосъ, въ его перо, въ его желаніе — само собою разумѣется — не могъ пережить своего счастія. Съ кончиною Мохаммедъ-Шаха онъ немедленно скрылся и направилъ свой путь въ Кербеля, гдѣ, подъ покровомъ «пресвятаго имама», и самый государственный преступникъ можетъ пользоваться совершеніою безопасностію. Вскорѣ онъ кончилъ тамъ свою жизнь, если не отъ угрызеній совѣсти, то отъ угнетающей печали.

Тогда около шести мѣсяцевъ царствовали во всей Персіи ужасные безпорядки. Съ одной стороны возмущали чернь люди властолюбивые, пытаясь воспользоваться, иные княжествомъ, другіе царствомъ и престоломъ; съ другой — *Бабиды*, подъ начальствомъ четырехъ – пяти отчаянныхъ прозелитовъ Баба, въ разныхъ странахъ: въ Адербиджанѣ, въ Иракѣ, въ Мазандаранѣ и въ Хорасанѣ, производили сильное волненіе; съ треть-

ей — духовенство, то дѣйствуя противъ бабидовъ, то, недовольное перемѣною министерства въ Тегерани [1]), приготовляло возстаніе; съ четвертой—сословіе льутіевъ вездѣ, въ особенности въ Испагани, ловило рыбу въ мутной водѣ и производило неслыханные безпорядки.

Въ такое трудное время въ должность перваго министра возведенъ былъ Мирза-Тагкы-Ханъ, нашъ бывшій петербургскій гость въ 1828—1829 году, когда посѣтилъ нашу столицу переидскій принцъ Хозревъ-Мирза. Этотъ умный человѣкъ, основатель всего лучшаго, что до сихъ поръ бросается въ глаза въ послѣднее время въ Персіи, но, къ несчастію, остается въ пренебреженіи, несмотря на всю готовность самого Шаха къ добру и благоустройству своего государства, — этотъ Мирза-Тагкы-Ханъ, котораго несчастный конецъ до сихъ поръ оплакиваютъ его соотечественники, въ молодости своей много путешествовалъ, много видѣлъ и еще болѣе зналъ о европейской цивилизаціи, о болѣе разумной администраціи въ просвѣщенныхъ государствахъ. Только что устроилъ трудное дѣло утвержденія своей власти и независимости при дворѣ Шаха, Мирза-Тагкы-Ханъ принялъ дѣятельныя мѣры къ водворенію тишины и спокойствія въ своемъ отечествѣ. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ его неусыпнаго попеченія—было ослабленіе и уничтоженіе силы бабидовъ, публично распространявшихъ расколъ повсюду въ Персіи. Немедленно сдѣлано распоряженіе о преслѣдованіи бабидовъ, объ арестованіи ихъ вездѣ, гдѣ только они встрѣтятся, въ особенности въ Тавризѣ, гдѣ въ ту пору происходили сидь-

---

[1]) Бывшій первый министръ, самъ будучи изъ званія духовнаго, совершенно избаловалъ духовенство; новый министръ, человѣкъ умный и болѣе всѣхъ администраторовъ Персіи, имѣвшій здравый и даже европейскій взглядъ на вещи, съ перваго раза взялся за ослабленіе, умными мѣрами, власти духовенства.

ные безпорядки. Изслѣдованіе этого дѣла мы оставляемъ до другаго времени, когда будемъ говорить *о бабидахъ*: намъ надо слѣдить здѣсь за самимъ Бабомъ.

XII.

Новыя мѣры противъ злоумышленниковъ.

(Въ исходѣ 1848 г.)

Успокоеніе Тавриза и Испагани и принятіе мѣръ противъ возстанія бабидовъ въ Мазандаранѣ требовали постоянной, напряженной дѣятельности перваго министра. Тутъ не одна только сила могла сдѣлать все, но нужно было и искуство и знаніе дѣла. Мирза-Тагкы-Ханъ еще прежде, когда былъ Амиръ-Низамомъ при наслѣдномъ принцѣ, переформировалъ *Самсамъ Хановой*, отдѣльный *христіанскій полкъ*. Не знали для чего было это, къ чему это могло вести. Изъ бывшихъ опытовъ первый министръ зналъ, что въ его отечествѣ военная дисциплина часто нарушалась отъ разныхъ капризовъ солдатъ, происходившихъ отъ пристрастія и предразсудковъ («мусульмане не должны проливать кровь своихъ единовѣрцевъ», говорили они) и это иногда имѣло сильное вліяніе на преувеличеніе суевѣрія въ народѣ [1]).

---

[1]) Преданіе говоритъ, что во время управленія Хаджи-Мирзы-Агкаси, одного преступника изъ простолюдиновъ муллы приговорили разстрѣлять. Для этого назначенъ былъ взводъ солдатъ; мѣсто казни окружено было народомъ. Сарбазы зарядили ружья холостыми зарядами, увлекаясь тѣмъ, что мусульманина, какого-бы то духовнаго званія онъ ни былъ, не должно лишать жизни. Послѣ выстрѣловъ преступникъ остался, конечно, невредимъ. Народъ, правда это за чудо, со всѣхъ сторонъ бросился къ нему и призналъ его *святымъ*. Наказаніе, однако, кончилось ссылкою его въ свя-

Предвидя строгія мѣры, которыя правительство непремѣнно должно принимать къ искорененію зла, обуявшаго всѣ провинціи Персіи вслѣдствіе возстанія бабидовъ, мудрствованій духовныхъ и проказъ льутіевъ, первый министръ еще усилилъ христіанскій полкъ, единственно для избѣжанія подобныхъ безпорядковъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ лучшая дисциплина была въ христіанскомъ полку и, какъ мы увидимъ далѣе (п. XV), болѣе не было такихъ ослушаній и безпорядковъ [1]).

Скоро Бабъ, послѣ шестимѣсячнаго своего пребыванія въ Маку, былъ перемѣщенъ во владѣніе *Яхя-Хана-Илхани*, шурина покойнаго Мохаммедъ-Шаха [2]) и заключенъ тамъ въ крѣпости *Чегрикъ*. Здѣсь также народъ не оставлялъ Баба. Г. Мошнинъ въ своей запискѣ о Бабѣ говоритъ: «Въ іюнѣ 1850 г. (не въ 1849-мъ ли?) я, по служебнымъ дѣламъ, былъ въ Чегрикѣ и видѣлъ *балаханэ* [3]), съ котораго поучалъ Бабъ. Къ нему стекалось такъ много народа, что слушатели не могли помѣститься во дворѣ, а останавливались на улицѣ и съ наклоненными го-

---

тое мѣсто—въ Кербеля. Въ какой мѣрѣ это справедливо—незнаю; но очень похоже на справедливое, ибо оно въ духѣ мусульманъ.

[1]) Нынѣ этого полка уже не существуетъ: тому особыя политическія причины.

[2]) Сестра этого хана была одна изъ женъ Мохаммедъ-Шаха, отъ которой родился Аббасъ-Мирза, братъ нынѣшняго шаха, спасающійся нынѣ въ Кербеля. Онъ былъ любимецъ покойнаго государя и, по воцареніи нынѣшняго, возведенъ въ званіе Наибус-Салтанатъ; но бывшія интриги при дворѣ шахскомъ, слѣдствіемъ которыхъ позже была плачевная смерть умнаго его министра, Мирзы-Тагкы-Хана, заставили юнаго принца искать спасенія у гроба «пресвятаго Хусейна».

[3]) Мезонинъ или верхній, въ меньшемъ размѣрѣ, этажъ дома съ террасой. Отсюда происходитъ русское слово *балконъ*. NB. Кажется, г. Мошнинъ ошибается въ эпохѣ. Въ 1850 г. Баба не существовало. Его казнили въ 1849 году, 19-го іюля. См. ниже п. XV о казни Баба.

Гос. Университет... НАУЧНАЯ ...

ловами слушали восторженные стихи изъ новаго корана. Бабъ въ скоромъ времени за симъ былъ увезенъ въ Тавризъ на казнь».

Въ это время повсюду говорили о другомъ бунтѣ въ Хорасанѣ, т. е. о возстаніи *Саляра*; говорили объ умноженіи бабидовъ, о рѣзнѣ въ Мазандаранѣ. Значительныя войска были отправлены въ Мешедъ; небольшіе отряды назначены для усмиренія бунтовщиковъ въ Мазандаранѣ. Время было слишкомъ трудное. Мирза-Тагкы-Ханъ почелъ необходимымъ положить конецъ существованію самого Баба, думая этимъ покончить успѣшнѣе дѣло и въ Мазандаранѣ; потому и сдѣлано было распоряженіе о приведеніи самозванца въ Тавризъ, съ повелѣніемъ казнить его.

XIII.

Неправильный судъ надъ Бабомъ и его ученикамн.

(Въ іюлѣ 1849 г.)

Пришла пора казни; она предначертана была изъ тегеранскаго кабинета. Предписано было немедленное исполненіе этого важнаго событія. Сперва велѣно было предложить арестованнымъ отказаться отъ своего убѣжденія, предать проклятію все, что только выражено ими словомъ и дѣломъ, и привесть ихъ къ раскаянію въ своемъ заблужденіи предъ всѣмъ народомъ, во всеуслышаніе; если же они откажутся отъ точнаго исполненія этого, то предать ихъ публичной казни.

Въ день, назначенный для торжественной процессіи [1]), преступниковъ повели по узкимъ улицамъ Тавриза, наполненнымъ

---

[1]) Мы не можемъ опредѣлить его. По показанію автора Насихут-тавариха день казни былъ 27-го шабана (8-го лунnаго мѣсяца) 1265 г.; что, по нашему вычисленію, если не ошибаемся, соотвѣтствуетъ 19-му іюля 1849 г.

народомъ, къ первому главному муджтехиду *Хаджи-Мирзѣ-Багыру*; оттуда къ ахунду *Муллѣ-Мохаммеду-Мамеганскому*. Первый изъ нихъ былъ строгій консерваторъ фанатическихъ повѣрій ислама, а отъ втораго, какъ отъ чтителя *шейхскаго ученія*, могли ожидать болѣе снисхожденія въ приговорѣ къ казни. Но правительство *требовало* ея—и все было приготовлено къ этому. Неизвѣстно, какой разговоръ былъ между преступниками и первымъ муджтехидомъ; говорятъ—никакого, потому что преступники ничего не отвѣчали; но у втораго, т. е. у *Мамегани*, Бабъ только замѣтилъ: «Такъ, *ты* осуждаешь меня на смерть?» Больше съ его стороны не было ни одного слова. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ справедливы нѣкоторыя прибавленія, представленныя въ этомъ случаѣ гг. Севрюгинымъ и Мошнинымъ о насмѣшкахъ надъ Бабомъ со стороны Мамегани [1]), но знаемъ только одно, что надъ Бабомъ не было совершено суда по правиламъ Шаріата, и что духовныя лица, избѣгавшія приговорить Баба къ смерти въ бывшемъ публичномъ диспутѣ въ Тавризѣ, подъ предсѣдательствомъ наслѣднаго принца (см. выше п. 9), теперь еще менѣе имѣли убѣдительныхъ причинъ присудить его къ казни на основаніи Шаріата; почему въ народѣ и сохранилось убѣжденіе, что приготовленная казнь была слѣдствіемъ правительственныхъ распоряженій, въ случаѣ, если обвиненные не откажутся отъ своихъ убѣжденій; а убѣжденія эти никогда не высказывались публично, въ особенности предъ судомъ [2]).

---

[1]) Будто бы онъ сказалъ Бабу: «если ты дѣйствительно *худджетъ* и можешь творить чудеса, то отверни теперь отъ себя смерть и т. п.».

[2]) Выше мы упомянули (см. п. 9), что еслибы Бабъ признался предъ судомъ въ приписанныхъ ему отступленіяхъ отъ догматовъ ислама, то его непремѣнно приговорили бы къ смерти; а мы видимъ, что этого до сихъ поръ не было, несмотря на то, что правительство искало случая придраться къ

XIV.

Поступки его учениковъ.

Вмѣстѣ съ Бабомъ захвачены были два брата, оба ездскіе жители, именемъ *Сейидъ-Хусейнъ* и *Сейидъ-Хасанъ*, неотлучно сопутствовавшіе своему учителю со времени бѣгства его въ Испаганъ подъ покровительствомъ Манучехръ-Хана. Сейидъ-Хусейнъ тогда былъ еще молодой юноша, окончившій полное воспитаніе въ юриспруденціи и вообще въ богословскихъ наукахъ, слѣдственно и отличный знатокъ арабскаго языка. Преданіе говоритъ, что съ первой встрѣчи съ Бабомъ онъ совершенно предался ему, несмотря на то, что учитель своимъ

нему. По словамъ новѣйшаго персидскаго историка, правительство на этотъ разъ окончательно положило предать Баба смерти, если онъ публично не откажется отъ своихъ убѣжденій, и обвиняло въ медленности въ этомъ бывшаго министра Хаджи-Мирзу-Агкаси. Даже пристрастный историкъ Персіи говоритъ, относительно обличенія Баба, что намѣстникъ адербиджанскій приказалъ было устроить *публичное засѣданіе* изъ улемовъ, чтобы судить Баба; но улемы отказались; затѣмъ онъ въ присутствіи трехъ магнатовъ государства и вмѣстѣ съ ними сдѣлалъ нѣкоторые вопросы Бабу и этимъ обличилъ его. Слѣдовало бы, по ихъ мнѣнію, предать его смерти тутъ же; но, дабы тайное это убіеніе не послужило поводомъ къ заблужденію народа, между которымъ могли распространить слухъ, что Бабъ не убитъ, что онъ живетъ *невидимо*, что онъ *исчезъ изъ среды людей* и т. п., эти администраторы рѣшились его отправить съ товарищами *публично*, по многолюднымъ улицамъ, какъ водятъ преступниковъ, къ главнымъ духовнымъ лицамъ для приговора на смерть. Такъ и сдѣлали. Но Бабъ при нихъ и при народѣ, присутствовавшемъ при допросахъ, все «*молчалъ* и *утаилъ свое убѣжденіе*». Однакожъ эти духовныя лица всетаки приговорили его съ товарищами къ смертной казни. Изъ самаго этого изложенія можно видѣть, что въ народѣ имѣли полное право роптать на *неправильность суда* надъ Бабомъ, что и случилось дѣйствительно, и приверженцы Баба этимъ воспользовались.

познаніями стоялъ гораздо ниже ученика. Думаемъ, напротивъ, что Сейидъ-Хусеінъ изъ своихъ видовъ пожелалъ только пользоваться огромнымъ именемъ Баба и, находясь постоянно при немъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, въ свою очередь послужилъ ему и умомъ, и познаніями, и постоянно передавалъ приходящимъ къ Бабу свои мысли и идеи отъ имени олицетвореннаго мнѣа.

Какъ бы то ни было, эти два брата вмѣстѣ съ Бабомъ привезены въ столицу Адербиджана и вмѣстѣ же съ нимъ посажены въ одну темницу, гдѣ находились еще двое изъ его приверженцевъ, заключенныхъ за нѣсколько предъ тѣмъ дней, а именно *Ага-Мохаммедъ-Али* и *Сейидъ-Ахмадъ*. Первый изъ нихъ дѣйствовалъ въ Тавризѣ въ качествѣ *нагиба* со стороны Баба и былъ слишкомъ опасный для духовенства края. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ усердныхъ двигателей ученія Баба и вездѣ дѣйствовалъ съ примѣчательнымъ самоотверженіемъ. Въ его дѣйствіяхъ и словахъ, какъ видно, скрывались иныя мысли, чѣмъ у властолюбивыхъ его собратовъ; онъ думалъ только объ одномъ: это—освобожденіе своего отечества отъ алчности духовенства, отъ угнетенія тирановъ (зелемэ)—и преобразованіе религіи.

Въ изложеніи объ ученіи Бабидовъ мы увидимъ нѣсколько подобныхъ явленій въ числѣ проэлитовъ Баба, этого примѣчательнаго и непостижимаго человѣка; ихъ много и до сихъ поръ въ разныхъ странахъ Персіи, и они тайно дѣйствуютъ въ пользу будущихъ реформъ.

Изъ темницы вышли на казнь пятеро, а на мѣсто казни были приведены только *двое*. Сейидъ-Ахмедъ и двое братьевъ, Хасанъ и Хусейнъ, увидя смерть предъ глазами, отказались отъ Баба. Полиція заставляла ихъ всенародно назвать Баба лжеучителемъ, обманщикомъ и даже плевать ему въ лице.— Здѣсь открывается злоумышленіе Сейидъ-Хусейна, который, какъ

мы замѣтили, хотѣлъ только изъ своихъ видовъ, въ случаѣ удачи, пользоваться именемъ Баба [1]). Этотъ же самый расчетъ вызвалъ его вторично на сцену позже, въ 1852 г., въ Тегерани; но тамъ онъ уже не могъ спастись.

Съ Бабомъ шелъ на смерть его вѣрный ученикъ, упомянутый нами Агка-Мохаммедъ-Али. Его твердость духа и неустрашимость были такъ велики, что они произвели чувство презрѣнія къ противоположнымъ поступкамъ измѣнниковъ даже во врагахъ Баба, желавшихъ его смерти; и, напротивъ, низкое поведеніе неблагодарныхъ этихъ учениковъ во сто разъ возвеличило похвалы герою, приверженцу Баба. Въ то время, когда Сейидъ-Хусейнъ проклиналъ своего учителя и плевалъ ему въ лице, Агка-Мохаммедъ-Али— по общему показанію всѣхъ очевидцевъ и даже по смыслу словъ пристрастнаго персидскаго историка [2])—подходилъ къ своему учителю, почтительно цѣловалъ его руки и торжественно восклицалъ: *«вотъ дверь къ истинѣ; вотъ имамъ* (царь) *ислама!»*

---

[1]) По отреченіи отъ своего учителя Хусейнъ разсказывалъ много небылицъ о Бабѣ, чему никто не вѣрилъ. Одну истину онъ могъ сказать, по нашему, это то, что коранъ Баба весь списавъ имъ; онъ увѣрялъ, что онъ писалъ его подъ диктовку своего учителя, но судя по экземпляру, который у насъ въ рукахъ, мы увѣрены, что большая часть этого корана принадлежитъ собственно его вымысламъ.

[2]) Этотъ историкъ говоритъ: сколько ни старались отвлечь Мохаммеда-Али отъ Баба, но не успѣли. Привели къ нему малолѣтныхъ его дѣтей, чтобы, хотя этимъ вселить въ него сожалѣніе и раскаяніе, но все-таки это ни къ чему не послужило. Онъ только повторилъ: «убейте прежде меня, а потомъ Баба!»

XV.

Казнь.

(19-го Іюля 1849 г.)

Мѣсто казни назначено было на дворѣ сарбазскихъ казармъ; всѣ крыши домовъ и улицы были испещрены зрителями. Привели преступниковъ и приступили къ исполненію приговора.

Говорятъ, въ Персіи когда разстрѣливаютъ преступниковъ, то привязываютъ ихъ къ столбу, лицемъ къ стѣнѣ, т. е. задомъ къ публикѣ, чтобы они не имѣли возможности видѣть приготовленія. Агка-Мохаммедъ-Али торжественно просилъ привязать себя лицемъ къ публикѣ и равнодушно читалъ вслухъ отрывки изъ молитвъ, составленныхъ своимъ учителемъ. Бабъ все время былъ молчаливъ. Прекрасныя черты его лица, стройная осанка, нѣжныя манеры, свѣтло-блѣдное лице, украшенное черною бородою и небольшими усами, правильныя бѣлыя руки и самая его одежда, простая, но опрятная — все это возбуждало къ нему сочувствіе. Надо сказать, что большая часть народа, толпившагося здѣсь, состояла изъ раздраженныхъ ненавистниковъ Баба и бабидовъ. Предъ казнью все время то и дѣло было, что правительство и духовенство распространяли съ прибавленіями—какъ это обыкновенно бываетъ вездѣ—о кровопролитіи, происходившемъ недавно и происходящемъ теперь во многихъ странахъ отечества отъ злобы бабидовъ; въ яркихъ краскахъ разрисовывали вездѣ о безчеловѣчномъ убіеніи «святаго мужа», муджтехида Казвинскаго, по лукавству *женщины*, прозелитки Баба [1]), объ ужасахъ, произведенныхъ бабидами въ

---

[1]) Это Гкурретуль-'Айнъ. Объ этой женщинѣ скажемъ въ главѣ о бабидахъ.

Мазандаранѣ, о ихъ приготовленіяхъ въ Зенджанѣ и т. п. [1]). Стало быть, мало въ народѣ сочувствовали «извергамъ», достойнымъ ужаснаго наказанія. Однакожъ поведеніе двухъ братьевъ-измѣнниковъ, самоотверженіе Агки-Махоммедъ-Али и самое положеніе Баба тутъ же пріобрѣли ему много партизановъ, готовыхъ принять его ученіе; но обстоятельства и время были другія: съ одной стороны—озлобленный духъ большинства народа, подстрекаемаго духовенствомъ противъ бабидовъ; съ другой — страхъ, обуявшій всѣхъ при торжественной казни, удержали вспышку. Казнь совершилась безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій въ отношеніи нарушенія порядка, тишины и распоряженій правительства. Взводъ христіанскаго полка, по данному сигналу, началъ стрѣлять; къ несчастію, первыя пули попали въ веревки, которыми привязанъ былъ Бабъ, и онъ освободился. Шумъ и говоръ раздались повсюду, незнали въ чемъ дѣло; Бабъ вскочилъ, говорятъ, и прибѣжалъ къ народу, будто выдавая совершившееся за чудо. Можетъ быть, онъ успѣлъ бы въ этомъ, еслибы стрѣлки были изъ мусульманъ [2]); но сарбазы-христіане тотчасъ прибѣжали и показали народу перестрѣленныя веревки; опять привязали преступника; застрѣлили

---

[1]) Дѣйствительно, въ это время бывшія смуты въ Мазандаранѣ и приготовленія въ Зенджане или Зенганѣ производили негодованіе въ народѣ противъ бабидовъ—и этимъ правительство желало воспользоваться.

[2]) Несомнѣнно, что еслибы малѣйшее ослушаніе могло быть со стороны сарбазовъ, то произошли бы безпорядки въ пользу преступниковъ. Здѣсь явно выказалась цѣль назначенія христіанскаго полка. Но и тутъ нашлись дипломаты, которые придумали, что на эту казнь сарбазы назначены были изъ христіанъ именно для того, чтобы, въ случаѣ возмущенія, обратить гнѣвъ народа на христіанъ! Несмотря на всю нелогичность этой идеи, нашлись люди, которые тому повѣрили. Причину переформированія самсамъ-ханова христіанскаго полка мы уже изложили выше, п. XII.

сначала Агу-Мохаммедъ-Али, а потомъ и Баба. Казнь совершилась спокойно; народъ разошелся; но многіе унесли съ собою зародышъ будущихъ замысловъ противъ правительства.

Такъ кончилъ свою жизнь, на 37 или 38 году отъ рожденія, злосчастный Бабъ. Въ слѣдующей II-й главѣ мы будемъ говорить о бабидахъ; но въ заключеніе всего вышеприведеннаго, считаемъ нужнымъ выразить, въ нѣсколькихъ словахъ, свое мнѣніе о личности Баба, — что это было за явленіе? По нашему убѣжденію, появленіе Баба было слѣдствіемъ религіознаго волненія, которое существовало во всей Персіи, въ особенности въ Фарсѣ и въ Ираке, вслѣдствіе споровъ между шейхидами съ послѣдователями буквальнаго догматическаго ученія мусульманскаго; а кто были шейхиды?—этимъ мы начнемъ вторую главу нашего повѣствованія.

XVI.

Заключеніе о личности Баба.

Бабъ въ раннюю жизнь, какъ молодой человѣкъ, строгой нравственности и воздержанія, сталъ обращать на себя вниманіе его окружающихъ. Онъ этимъ славился по всему Ширазу и даже въ самомъ Кербеля, гдѣ спасаются молитвами и воздержаніемъ самые благочестивые мусульмане. Сверхъ того, Бабъ одержимъ былъ хандрою и часто предавался своимъ мыслямъ, слѣдственно часто избѣгалъ общества людей и говорилъ очень мало. Присоединимъ къ этому, что Бабъ принадлежалъ къ числу мистиковъ, и всегда замѣчали въ его рѣчи двусмысленности, въ которыхъ онъ никому не давалъ отчета; потому многіе считали его безумнымъ; другіе—шейхиды,—юродивымъ; а юродивыхъ и на востокѣ знаютъ и уважаютъ.

Надо замѣтить, что въ исламѣ, въ особенности между шіитами, единственный путь къ реформѣ есть ученіе *Тариката*. Ни одинъ верховный властитель, своею силою, своимъ умомъ, никогда не въ состояніи сдѣлать тамъ то, что можетъ сдѣлать самый простой человѣкъ орудіемъ Тарикаты. Мы имѣли случай объяснить, что значитъ Тарикатъ и въ чемъ заключается его ученіе (Русское Слово за 1859 г., декабрьская книжка). Здѣсь только скажемъ, что это ученіе, основанное на высшей морали, часто употреблялось во зло властолюбивыми его представителями. Первоначально оно образовало религіозное братство; это братство въ наукѣ создавало школы, въ религіи—секты, въ политической жизни — ополченіе; прозелитизмъ всюдѣ игралъ главную роль, и въ вопросахъ религіозныхъ и религіозно-политическихъ онъ облеченъ былъ всегда фанатизмомъ: коноводы зла всегда, для достиженія цѣли, привязывались къ какой нибудь религіозной идеѣ и обращали ее въ орудіе. Такъ устроилъ себѣ поприще пророческое *Баіезидъ*, основатель секты *Раушени* въ Афганистанѣ, во второй половинѣ XVI-го столѣтія; такъ устроилъ себѣ поприще *имамета* въ Дагестанѣ *Кази-Мулла* въ 1830 году; такъ дѣйствовали въ Персіи, въ разныхъ провинціяхъ ученики Баба и приготовляли тамъ бывшія смуты во имя религіи съ 1842 по 1852 годъ, и такъ ознаменовали свои дѣйствія пролитіемъ крови невинныхъ жертвъ другіе самозванцы въ исторіи ислама, которыхъ имена вызывали на себя проклятія Шаріата. Говоря же собственно о Бабѣ, мы находимъ въ немъ нѣкоторыя начала истиннопрекраснаго, которыя прямо говорятъ въ пользу сознательности нѣкоторыхъ его дѣйствій: онъ въ душѣ былъ моральный человѣкъ, дѣйствовалъ по убѣжденію; онъ постоянно говорилъ о слитіи всѣхъ соотечественниковъ въ одно нравственное общество; говорилъ о необходимости преобразованія въ религіи и въ управленіи краемъ; жаждалъ уничтоженія притѣсненій; наконецъ говорилъ объ улучшеніи судьбы

женскаго пола. Все это говорено имъ однакожь часто въ двусмысленныхъ рѣчахъ, а иногда довольно ясно,—и все это доказываетъ въ немъ духъ пробужденія, духъ реформы. Но въ самомъ ли дѣлѣ онъ выдавалъ себя за Баба, за истиннаго имама, за святаго, и если выдавалъ иногда, то почему онъ это дозволялъ себѣ?—того мы не знаемъ. Думаемъ или ему навязывали эти идеи и отъ его имени передавали ихъ народу его же ученики, или онъ, если въ самомъ дѣлѣ говорилъ что нибудь въ этомъ родѣ, то говорилъ иногда языкомъ *Тариката* и говорилъ только между своими учениками: въ Исламѣ, а въ особенности въ Тарикатѣ, ни почемъ назвать учителя *источникомъ божественныхъ тайнъ*, или *дверью истины* и т. п. Мистицизмъ вѣдь имѣетъ свой языкъ.

Говоря истину, мы до сихъ поръ не знаемъ настоящаго характера Баба. Да и никто его не знаетъ. На него мы смотримъ покуда какъ на олицетворенный миѳъ, во имя котораго дѣйствовали его ученики, которые играютъ главнѣйшую роль въ развитіи политическаго раскола. Само собою разумѣется, что сколько моральнымъ и невиннымъ ни представлять намъ Баба, но избытокъ чувства истинно боготворившихъ его учениковъ къ нему, а въ особенности къ его положенію «въ рукахъ тирановъ»; ихъ выраженія надеждъ своихъ, что «свѣточь народа» скоро будетъ торжествовать надъ всѣми препятствіями — безъ сомнѣнія, должны были иногда вызвать изъ его устъ хотя двусмысленныя фразы, намекающія на подобныя идеи; потому что Баба мы не представляемъ ни фанатикомъ, ни авантюристомъ, а человѣкомъ съ отличными убѣжденіями, получившимъ воспитаніе въ школѣ шейхидовъ, немного знакомымъ съ христіанствомъ и, наконецъ, болѣе или менѣе мечтателемъ и поэтому, можетъ быть, сбившимся съ толку отъ непосредственнаго вліянія на него нѣкоторыхъ близкихъ, но въ душѣ властолюбивыхъ его учениковъ.

*

Во всякомъ случаѣ, однакожь, думаемъ, что появленіе Баба послужитъ со временемъ въ пользу просвѣщенія Ирана. Устройство недавно масонской ложи въ столицахъ Персіи, явное охлажденіе высшаго образованнаго общества къ духовенству, и болѣе или менѣе свобода мышленія и тому подобныя начала хорошаго, по нашему мнѣнію, суть результаты того общаго волненія умовъ, которымъ ознаменовалась Персія въ началѣ второй половины этого столѣтія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бабиды.

Несчастныя событія въ Персіи, о началѣ которыхъ мы упомянули выше, въ біографіи Баба, были слѣдствіемъ тайной борьбы съ всемѣстнымъ деспотизмомъ давно угнетаемой правды. Въ ней замѣтны и энергія, и самоотверженіе людей въ стремленіи ихъ къ свободѣ. Все это выразилось возстаніемъ противъ духовной власти, ропотомъ противъ постоянно тяжкаго деспотизма; но вся эта ужасная панорама представляется намъ въ блѣдныхъ краскахъ, въ такой грубой отдѣлкѣ, съ такимъ отсутствіемъ вкуса и изящества, что съ перваго раза, пожалуй, невольно отворачиваешься отъ нея, не находя достойною вниманія; однакожъ тамъ замѣтны нѣкоторыя черты изъ роднаго намъ элемента, черты, искаженныя кистью непризванныхъ художниковъ, надъ талантомъ которыхъ тяготѣли еще неволя и оковы. Эти-то черты суть слѣды, и дѣйствительные слѣды духа цивилизаціи, которымъ проникнута природа разумнаго существа.

Прежде чѣмъ приступить къ повѣствованію нашему о бабидахъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о *Шейхидахъ*, въ школѣ которыхъ, какъ мы видѣли, Бабъ получилъ образованіе.

1.

Основатель ученія Шейхидовъ. Успѣхи Шейхидовъ.

Появленію Бабидовъ предшествовало появленіе и распространеніе *шейхидовъ*.

Мы уже говорили въ статьѣ «о мюридизмѣ» (Русское Слово, 1859, декабрь, стр. 192), что кромѣ 35-ти орденовъ, имѣвшихъ формальную организацію и по временамъ сильное вліяніе на Востокѣ, тамъ было еще много и другихъ *частныхъ* братствъ. Между ними были и ученые, и литераторы, и поэты, а всѣ они болѣе или менѣе были своего рода философы. Въ ихъ философіи, ихъ поэзіи говорилось *о духовномъ воспитаніи* (иршадъ), *о воспитателѣ* и *воспитанникѣ* (муршидъ, мюридъ), *о пути къ истинѣ* (тарикатъ), *о достиженіи истины* (вусуль), *о самой истинѣ* (хагкыгкатъ). Все это относилось къ знанію Бога и любви къ нему; стало быть тутъ ничего порицаемаго не должно было быть; все это было предметомъ чистаго созерцанія. Но люди сбивались съ пути, когда говорили *о правахъ воспитателя, объ условіяхъ мюридизма, о степеняхъ достиженія истины*—Бога. Были между муршидами такіе, которые въ вѣрованіи народа превышали человѣковъ, ангеловъ и достигали степени божественности: первоначальнымъ поводомъ къ тому всегда была самая строгая жизнь, самоотверженіе и отчужденіе всего мірскаго.

Шейхъ-Ахмедъ, основатель ученія шейхидовъ, былъ изъ арабовъ. Его прозваніе *Легсаи*, сокращенно *ахсаи* [1]) лехсайекій, доказываетъ, что родомъ онъ изъ *Легсы*, главнаго города провинціи *Эль-Хаса*, на юго-западномъ берегу Персидскаго залива. Онъ жилъ въ началѣ этого столѣтія. Своимъ благочестіемъ, строгой жизнью и ученостью сдѣлался извѣстнымъ между соотечественниками и послѣдніе годы жизни провелъ въ Кербеля. Съ юныхъ лѣтъ посвятилъ онъ себя тарикату и на этомъ поприщѣ дошелъ до желаемаго совершенства. Онъ основалъ особую школу въ мистицизмѣ и отовсюду стекались къ нему

[1]) Т. е. изъ имени провинціи *Эль-Хаса*, сперва *эльхасаи*, а потомъ *ахсай*.

ученики: скоро онъ пріобрѣлъ популярность. Но у него не было никакой политической цѣли: онъ изходилъ славу только въ добромъ имени и, можетъ быть, порою увлекался своими убѣжденіями. Идея, которою его ученіе отличалось отъ другихъ, заключалась въ томъ, что *Высочайшее существо собою проникаетъ всю вселенную, которая исходитъ изъ Него, и что всѣ избранники Божіи, всѣ имамы и всѣ праведные суть олицетворенія аттрибутовъ божества*. На этомъ основаніи онъ считалъ всѣхъ *двѣнадцать* имамовъ шіитскаго исповѣданія, начиная съ *Али* и оканчивая *Аль-Мегдіемъ*, олицетвореніемъ 12-ти самыхъ благихъ и самыхъ высшихъ аттрибутовъ Бога [1]); слѣдственно они вѣчны, вездѣсущи и безсмертны. Въ числѣ 12-ти имамовъ Али занимаетъ самое первое мѣсто. Онъ превыше ангеловъ и пророковъ, и хотя ниже Мохаммеда, но какъ выраженіе аттрибута Бога—*даръ дарующій* (гкасимуль-арзагкъ), онъ и выше Мохаммеда.

Хотя такое воззрѣніе совершенно противоположно догматическому ученію имамидовъ-шіитовъ, почему *фагкыхи* (за-

---

[1]) Аттрибуты Бога всѣ равны, всѣ однокачественны—говорятъ мусульмане-схоластики; но въ отношеніи къ понятіямъ людскимъ одни аттрибуты кажутся выше другихъ. Напримѣръ: Богъ гнѣвенъ, Богъ милосердъ; но милосердіе и долготерпѣніе Его превышаютъ Его гнѣвъ. По ученію *Сифатидовъ*, аттрибуты Бога единосущны съ Его высочайшимъ существомъ, слѣдственно *предвѣчны*; но *мутазилиды* не допускаютъ этого и говорятъ: одно только предвѣчно—это высочайшее *существо Бога*; въ противномъ случаѣ, говорятъ они, слѣдовало бы допустить *множество предвѣчныхъ*, — что совершенно противно ученію о *единствѣ* предвѣчнаго. Средины между этими двумя древними школами держатся другіе и говорятъ, что аттрибуты Бога вѣчны *въ Немъ* и нераздѣльны съ нимъ. По ученію же Шейха, аттрибуты Бога, происходящіе изъ Его высочайшаго существа, по Его же волѣ, могутъ быть олицетворены, сливаясь съ духомъ человѣка, изъ него же исходящаго.

конники) и возстали противъ Шейха; но давнишняя склонность Персовъ (перенесшихъ свое буддійское понятіе и повѣрье въ новую религію—мусульманскую) къ ученію о воплощеніи, всегда обнаруживалась и обнаруживается въ ихъ постоянномъ расположеніи къ подобнымъ толкамъ, и это одно всегда служило главнѣйшимъ поводомъ къ успѣхамъ бывшихъ расколовъ въ тарикатѣ.

Ученый, примѣрно-строгой жизни Шейхъ нашъ, въ скоромъ времени окруженъ былъ множествомъ учениковъ и слушателей и число его *муридовъ* [1]) ежедневно увеличивалось: послѣднихъ было очень много въ южной Персіи и въ Пракѣ, гдѣ находились *наибы* или намѣстники муршида, назначенные послѣднимъ для распространенія и покровительства ученія [2]).

II.

Преемникъ Шейхъ-Ахмеда: Шейхъ-Каземъ, учитель Баба.

Шейхъ неожиданно заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Его муриды остались безъ вождя, потому что Шейхъ не назначилъ послѣ себя никого преемникомъ. Надо здѣсь замѣтить, что въ тарикатѣ, какъ вообще въ дѣлѣ религіи, право наслѣдія не существуетъ; или оно передается муршидомъ достойному ученику изъ среды многихъ, или выборъ предоставляется ученикамъ

---

[1]) Подъ учениками мы разумѣемъ его близкихъ учениковъ—муридовъ, которые постоянно окружали его и проповѣдывали его ученіе; подъ слушателями разумѣемъ тѣхъ только, которые посѣщали его лекціи; муридами же — всѣхъ принявшихъ его ученіе въ народѣ, даже тѣхъ, которые никогда не видали его самого. Въ политическихъ возстаніяхъ муридами назывались *войска*, какъ это было недавно въ Дагестанѣ.

[2]) Въ числѣ этихъ наибовъ намъ извѣстенъ впослѣдствіи одинъ изъ персидскихъ сановниковъ въ Кирманѣ, подъ именемъ Керимъ-Ханъ.

и муридамъ. Тутъ пользуются искомою духовною властью лишь тѣ, которые или своими интригами, или своимъ благочестіемъ и воздержною жизнью успѣли пріобрѣсть популярность. Конечно, тутъ важную роль играютъ и умъ, и ученость. Мы это видѣли въ повѣствованіи «о муридизмѣ и Шамилѣ».

По смерти Шейхъ-Ахмеда избранъ былъ на его мѣсто *Шейхъ-Сейидъ-Казем*, одинъ изъ его близкихъ учениковъ; но это не обошлось безъ предварительныхъ непріятностей между соискателями. Когда разныя партіи изъ черни спорили о преимуществѣ своего учителя [1]) и каждый изъ этихъ ожидалъ первенства, Сейидъ-Казем совершенно отказывался отъ чести, не считая себя достойнымъ. Говорятъ, что онъ не притворялся, а дѣйствительно избѣгалъ этой чести; но онъ не могъ избавиться ея: споры продолжались долго, но кончились тѣмъ, что соискатели и спорящіе единодушно избрали скромника.

Вступивъ въ должность муршида, Шейхъ-Сейидъ-Казем утвердилъ бывшихъ наибовъ въ разныхъ странахъ Персіи. Къ нему стекались въ Кербеля новые ученики отовсюду, въ томъ числѣ и нашъ герой, Мирза-Али-Мохэммедъ, какъ мы видѣли это въ началѣ первой главы. Здѣсь мы будемъ говорить о значеніи этого ученика, впослѣдствіи избраннаго муршидомъ. Его образъ мыслей и дѣйствій обратили на него вниманіе, какъ наставника, такъ и товарищей. Юноша самой строгой жизни,

---

[1]) Ближайшіе ученики муршида, имѣя сильное вліяніе въ народѣ, нерѣдко подаютъ поводъ къ соперничеству между ихъ послѣдователями; чернь, безъ всякаго разсужденія, дѣлится на партіи и при малѣйшемъ домогательствѣ учителей образуются враждебныя категоріи людей, что часто вызываетъ сформированіе отдѣльныхъ сектъ. Это не безъизвѣстно даже изслѣдователямъ исторіи христіанскихъ расколовъ.

[2]) Мы имѣли многократные случаи въ описаніи мюридизма упомянуть, что ученіе тариката полно мистицизма и самые послѣдователи этого ученія носятъ названіе *мистиковъ*.

полный простоты и притомъ таинственности въ рѣчахъ и дѣлахъ, не могъ остаться незамѣченнымъ въ кругу мечтателей [1]). Иные, болѣе свѣтскіе и практичные люди, приписывали это сумазбродству; но другіе, большинствомъ, называли его *меджзубъ*—юродивымъ, часто находящимся *въ изступленіи*.

Мирза-Али-Мохаммедъ, говорятъ, посѣщалъ лекціи своего Шейха не постоянно, даже рѣдко, и вообще онъ избѣгалъ людей; но впослѣдствіи, всякій разъ, когда онъ приходилъ слушать своего преподавателя, разговоръ объ немъ оживлялъ всѣхъ: говорили: «вотъ онъ, вотъ таинственное лицо; вотъ прекрасный юноша!» Самъ учитель, по преданію, явно выражалъ къ нему уваженіе и часто говорилъ о немъ двусмысленно. Говорятъ, когда ученики спрашивали своего учителя: кто будетъ послѣ него ихъ муршидомъ?—онъ обыкновенно отвѣчалъ: «вы сами будете искать его и найдете его». Иногда также говорилъ: «онъ между вами». Среди лекцій, когда неожиданно приходилъ Мирза Али-Мохаммедъ и, по своему постоянному обычаю, занималъ мѣсто у самыхъ дверей, учитель иногда также восклицалъ: «вотъ онъ». Но на это покуда никто не обращалъ вниманія. Такъ повѣствуютъ всѣ о первыхъ порахъ жизни Баба.

Мирза Али-Мохаммедъ наконецъ оставилъ Кербеля и возвратился въ свое отечество, въ Ширазъ, гдѣ, какъ мы уже говорили въ его біографіи, онъ былъ встрѣченъ великолѣпно.

При жизни Сейидъ-Казема ученіе шейхидовъ распространилось по всей Персіи: слишкомъ 100,000 муридовъ онъ имѣлъ въ одиномъ только Ираке! Но нигдѣ не было замѣтно важнаго категорическаго разъединенія, которое могло произойдти или отъ сильной религіозной оппозиціи между духовенствомъ, или отъ явнаго политическаго настроенія умовъ противъ правительства. Напротивъ того, въ числѣ почитателей Шейха мы

[1]) Ученіе Тариката полно мистификацій и самые послѣдователи ученія несутъ названіе *мистиковъ*.

видимъ множество правительственныхъ и важныхъ духовныхъ лицъ, которые восхищались его *философіею* [1]) и гордились его именемъ.

III

Начало и успѣхи тайнаго общества Бабидовъ.

1842 — 1846.

Хаджи Сейидъ-Каземъ умеръ послѣ 17-ти-лѣтняго, по другимъ 20-ти-лѣтняго управленія дѣлами шейхидовъ. Какъ онъ не успѣлъ, или, можетъ быть, не хотѣлъ явно назначить послѣ себя преемника, то обществомъ шейхидовъ въ Кербела назначено *четырнадцати* человѣкамъ путешествовать вездѣ, гдѣ только ученіе шейхидовъ имѣло значительное число послѣдователей, *и найдти* того, который, по своимъ достоинствамъ, могъ бы занять мѣсто ихъ *вождя*: это потому, что, какъ мы видѣли во II-мъ пунктѣ, учитель при жизни говорилъ: «вы сами будете искать учителя и найдете его».

Между старшими учениками Сейидъ-Казема находились люди, уважаемые всѣми прочими. Изъ нихъ *Мулла-Хусейнъ-Бушруи*, *Мулла-Хасанъ*, прозванный *Гаухеръ*, *Керимъ-Ханъ* кирманскій и *Мулла-Юсуфъ* Ардебильскій играли важнѣйшія роли. Первый и послѣдній изъ этихъ четырехъ, какъ видно изъ всего, давно мечтали о преобразованіи ученія шейхидовъ, о приданіи ему тайнаго политическаго значенія, имѣя цѣлью ослабленіе власти духовенства и самопроизвола тирановъ. Но ни тотъ, ни другой не имѣли силы, и соисканіе первенства могло служить только яблокомъ раздора между ними. Между тѣмъ имя Мирзы-Али-Мохаммеда пользовалось огромною популярностью и образъ его

---

[1]) Собственно объ ученіи шейхидовъ будемъ кое-что говорить въ послѣдней главѣ этого сочиненія.

жизни, его характеръ и его кротость много давали имъ надежды на успѣхи во имя любимца народа. Въ то время, когда ученики Сейидъ-Казема раздѣлились на партіи, одни признали *халифомъ*, на мѣсто умершаго ихъ муршида, Каджарскаго или Кирманскаго Керимъ-Хана, а другіе Муллу-Хасана, прозваннаго *Гаухеръ*, а третьи предпочитали Муллу-Хусейна. Этотъ хитрый Мулла-Хусейнъ находился въ Ширазѣ. Оттуда онъ писалъ къ своимъ собратьямъ въ Кербеля, что «ни онъ, никто другой недостоинъ званія муршида и что тотъ, который болѣе всѣхъ имѣетъ права на это званіе, долженъ быть непремѣнно тотъ *меджзубъ* (юродивый), на котораго *нѣсколько разъ намеками указывалъ и самъ ихъ учитель Сейидъ-Каземъ* въ часы лекцій *). Я нашелъ его здѣсь въ Ширазѣ и призналъ его достойнымъ имени муршида»... Письмо Муллы Хусейна, отказывавшагося, по ходившей тогда молвѣ, отъ сдѣланнаго ему въ самомъ дѣлѣ предложенія о принятіи имени вождя шейхидовъ, обратило на себя вниманіе многихъ партизановъ шейхскаго ученія. Во множествѣ они собрались въ Ширазѣ, гдѣ Мулла-Хусейнъ уже съ нѣкотораго времени неотлучно находился при Мирзѣ Али-Мохаммедѣ, и избрали послѣдняго своимъ муршидомъ. Другіе же, гораздо меньшіе числомъ ученики этой школы, разошлись, частью къ Керимъ-Хану, частью къ Муллѣ-Хасану.

Поведеніе Мирзы-Али-Мохаммеда постоянно было одно и тоже: какъ мы видѣли въ его біографіи, все также постоянно онъ говорилъ диусмысленно, велъ самую строгую жизнь, былъ несловоохотливъ и часто избѣгалъ людей и даже своихъ учениковъ.

---

*) Намеки были: «онъ (т. е. будущій вашъ учитель) между вами»; да еще слова Шейха: «вотъ онъ» (т. е. вашъ учитель). См. предшествующій II пунктъ.

Не знаемъ, какія убѣжденія были въ это время у Мирзы-Али-Мохаммеда и его учениковъ, но извѣстно то, что его ученики собирались втайнѣ и основали первыя *задачи* своего ученія. Въ какой степени сознательно принималъ участіе въ этихъ планахъ самъ учитель—также не знаемъ. Думаемъ, что вся нравственная сторона этихъ задачъ должна была принадлежать ему; все остальное приложено къ этимъ началамъ постепенно *послѣ*. Мы ни въ чемъ не можемъ обвинить самого Мирзу-Али-Мохаммеда, исключая только того, что онъ назвалъ себя Бабъ—дверью (къ истинѣ). Очень могло статься, что и эту идею навязали ему ученики; впрочемъ и онъ самъ, по слабости человѣческой, могъ увлечься. Одно преданіе говоритъ, что главною причиною сложенія этого названія было то, что на лекціяхъ Сейидъ-Казема Бабъ всегда сидѣлъ у самыхъ *дверей*; а когда онъ принялъ званіе муршида, то тотъ же хитрый Мулла-Хусейнъ напоминалъ объ этомъ и говорилъ: *Кунте бабу ахлиль ильми валь иршади, фа антель-ёну бабуль иршади валь хаккы*—ты былъ дверьми для сословія науки и духовнаго воспитанія (т. е. они входили черезъ тебя въ аудиторію), а теперь ты—дверь духовнаго воспитанія и истины.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ это справедливо, но очень вѣроподобно и бросаетъ тѣнь истины на наше предположеніе, что *секта бабидовъ беретъ свое начало не столько отъ самого Баба, сколько отъ первыхъ его учениковъ, и что Бабъ является тутъ чисто какъ олицетворенный миѳъ, во имя котораго дѣйствовали искатели свободы*.

Число окружающихъ Баба въ это время учениковъ и дѣйствовавшихъ въ его имя никому неизвѣстно; мы видимъ тутъ только пять именъ лицъ, участвовавшихъ въ тайныхъ митингахъ и впослѣдствіи устроившихъ прочное ополченіе бабидовъ,—это Мулла-Хусейнъ Бушруи, Мулла-Юсуфъ Ардебили, Хаджи-Мохаммедъ, Агка-Мохаммедъ-Али и какой-то Сейидъ-Али. Первыхъ

четырехъ мы видимъ постоянно дѣйствующими въ разныхъ странахъ Персіи, а послѣдняго нигдѣ не встрѣчаемъ; г. Севрюгинъ пишетъ, что онъ былъ назначенъ въ Пракъ [1]).

Когда Бабъ оставилъ все и удалился въ Мекку (1843 ?), Мулла-Хусейнъ объявилъ себя его наибомъ (намѣстникомъ) и въ то же время отправился въ Пракъ, назначивъ отъ себя также наибовъ въ разныя страны. Хаджи-Мохаммедъ-Али [2]) отправился еще нѣсколько прежде въ Мазандаранъ, куда черезъ три или четыре года прибылъ и присоединился къ нему Мулла-Хусейнъ изъ Ирака, а потомъ и *Гкурретуль-Айнъ* (п. V) изъ Казвина. Мулла-Юсуфъ и Агка-Мохаммедъ-Али были отправлены въ Адербиджанъ.

У каждаго изъ этихъ главныхъ сподвижниковъ новаго ученія были еще свои союзники, подъ клятвою обязавшіеся нещадить своей крови за имя Баба и неутомимо дѣйствовать въ пользу завѣщанной имъ цѣли. Такъ, въ скоромъ времени, тайное общество бабидовъ возрастало и объ нихъ начали говорить повсюду.

Не забудемъ, что ученіе бабидовъ должно было быть продолженіемъ ученія шейхидовъ и что самъ Бабъ принялъ имя муршида вмѣсто бывшаго учителя Сейидъ Казема; стало быть и

---

[1]) Это должно быть Мулла Шейхъ-Али, который впослѣдствіи является во главѣ тегеранскихъ бабидовъ.

[2]) Его называютъ то Хаджи-Мохаммедъ, то Хаджи-Мохаммедъ-Али; иные говорятъ, что онъ сопутствовалъ Бабу въ его пилигримствѣ въ Мекку, другіе—что онъ только познакомился съ нимъ на пути въ Мекку. Это нѣсколько запутываетъ дѣло, потому что распредѣленіе наибовъ по разнымъ странамъ Персіи было въ отсутствіе Баба, т. е. когда онъ уѣхалъ въ Мекку; если же Хаджи-Мохаммедъ-Али въ ту пору поѣхалъ съ нимъ, то онъ не могъ бы быть въ Мазандаранѣ. Персидскій историкъ говоритъ, что Бабъ не доѣхалъ до Мекки и воротился назадъ. Это болѣе было бы согласно съ дѣломъ; но общій голосъ говоритъ, что Бабъ былъ въ Меккѣ.

въ этомъ онъ не подлежалъ никакому упреку. По съ сформированіемъ новаго ученія происками Муллы-Хусейна и другихъ приверженцевъ Баба, многіе изъ Шейхидовъ, видя въ немъ совершенно другіе элементы, чѣмъ они ожидали, отложились отъ него; въ томъ числѣ *Мирза-Ахмедъ-Баганиаги*, *Сейидъ-Яхъя-Дараби*, *Мулла Мохаммедъ-Мамегани*, и другіе, о которыхъ мы упомянули мимоходомъ въ I-й главѣ. Изъ нихъ первый, какъ мы видѣли въ біографіи Баба (п. VIII), оказывалъ ему кое-какія услуги, второй—сдѣлался тайнымъ муридомъ Баба и впослѣдствіи явно проповѣдывалъ въ его имя и былъ причиною страшныхъ безпорядковъ и кровопролитія, о которомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ (см. п. XIX); послѣдній, къ удивленію Баба, согласился на приговоръ его къ смерти (гл. I, п. XIII). Послѣ этого Шейхиды, непринявшіе ученія приписаннаго Бабу, разошлись и они болѣе не составляютъ особой отдѣльной секты, какъ это было прежде. Хотя мы встрѣчаемъ и теперь нѣкоторыхъ ученыхъ, держащихся этой доктрины, но они не имѣютъ большаго значенія.

IV.

Вліяніе Сейидъ-Хуссейна на Баба; его характеръ.

(1847 г.)

Когда правительство начало принимать мѣры къ преслѣдованію Баба и бабидовъ, его ученики разбѣжались, но тайно имѣли съ нимъ сношеніе. Мулла-Хусейнъ, въ главѣ тайнаго общества, успѣлъ составить значительное число муридовъ въ Ираке, Мазандаранѣ и Хорасанѣ. Бабъ въ это время былъ въ Испагани и тамъ предались ему двое, весьма вредные по своимъ замысламъ, прозелитовъ, а именно два брата: Сейидъ-Хусейнъ и Сейидъ-Хасанъ, о которыхъ мы упомянули въ XIV пунктѣ I-й

главы. Мы считаемъ не лишнимъ здѣсь подробнѣе поговорить объ одномъ изъ этихъ братьевъ, и именно о Сейидъ-Хусейнѣ, весьма примѣчательномъ ханжѣ-интриганѣ, подобныхъ которому людей мы нерѣдко встрѣчаемъ въ исторіи расколовъ и реформъ

По словамъ г. Севрюгина, оба брата были изъ жителей Езда. Сейидъ-Хусейнъ, девятнадцатилѣтній юноша, учился въ Мешедѣ и потомъ поѣхалъ съ братомъ путешествовать, съ цѣлію усовершенствоваться. Въ Испагани они сошлись съ Бабомъ и уже не разлучались до конца жизни Баба.

Сейидъ-Хусейнъ, во время пребыванія своего съ Бабомъ, успѣлъ совершенно овладѣть своимъ учителемъ. Онъ отъ его имени писалъ письма къ его прозелитамъ, поощрялъ ихъ къ строгому исполненію своихъ обязанностей, писалъ коранъ Баба, отрывки изъ него разсылалъ муридамъ; раздавалъ молитвы и талисманы посѣтителямъ Баба ; однимъ словомъ, неотлучно находился съ нимъ до его казни. Этотъ человѣкъ вкрался въ такую довѣренность къ Бабу, что послѣдній нѣсколько разъ указывалъ на него намеками въ своихъ увѣщаніяхъ, въ своихъ двусмысленныхъ изреченіяхъ, которыя впослѣдствіи причислены къ корану, носящему его имя. Сейидъ-Хусейнъ постоянно заботился объ умноженіи числа Бабидовъ; имѣлъ тайное сношеніе съ жителями Испагани, а потомъ Тавриза, Маку и крѣпости Чегрика, и всегда былъ посредникомъ между Бабомъ и его посѣтителями.

Если, въ самомъ дѣлѣ, Бабъ увлекся почестями, оказанными ему прозелитами и народомъ, и въ своихъ двусмысленныхъ рѣчахъ назвалъ себя имамомъ и воплощеннымъ божествомъ , въ чемъ его обвинили мусульмане, то онъ этимъ обязанъ, по нашему мнѣнію, только своимъ близкимъ ученикамъ, въ особенности же Муллѣ-Хусейну и этому Сейидъ-Хусейну. Мы не знаемъ о личномъ знакомствѣ этихъ двухъ главнѣйшихъ сподвижниковъ *бабизма*, но знаемъ о постоянно-тайной между

ими перепискѣ. По заточеніи Баба Мулла-Хусейнъ съ другими наибами дѣйствовали отъ его имени въ Пракѣ, Мазандаранѣ, Хорасанѣ и Адербиджанѣ, но Сейидъ-Хусейнъ, неотлучно находясь при Бабѣ, направлялъ его дѣйствія къ общей цѣли. Какая была эта общая цѣль? Низверженіе-ли ислама, созданіе-ли новой религіи, новаго раскола, или она имѣла чисто политическій характеръ, клонилась къ общей реформѣ?—все это было темно, неопредѣленно. Тутъ всего этого было понемногу; всѣ эти начала таились въ смѣси, подъ заглавіемъ *бабизма*, и всякій вождь, при первомъ благопріятномъ случаѣ, могъ бы приложить къ дѣлу тотъ или другой принципъ, разработывая его сообразно съ своими видами, согласно съ духомъ своего времени. Но основаніемъ всего, какъ это обнаруживается послѣ, было общее стремленіе главнѣйшихъ двигателей раскола къ ослабленію и уничтоженію власти духовенства и правительства. Даже неудачи бабидовъ и несчастные результаты ихъ дѣйствій, о которыхъ мы будемъ говорить здѣсь, представляютъ не мало данныхъ, на которыхъ мы основываемъ свои предположенія. Но измѣна Сейидъ-Хусейна удаляетъ его въ нашемъ мнѣніи отъ всякаго благороднаго принципа; видно только одно: онъ хотѣлъ составить себѣ впослѣдствіи партію изъ фанатиковъ и чрезъ это проложить себѣ дорогу къ религіозно-верховной власти, имѣя въ виду, какъ понятно изъ многихъ мѣстъ корана и молитвъ имъ составленныхъ во имя Баба, поощреніе невѣжества, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на умы слѣпыхъ приверженцевъ.

V.

Успѣхи бабидовъ. Примѣчательная проездка.

Пока преслѣдовали Баба въ Испагани, Тавризѣ и Маку *), муриды его постепенно умножались тайно; въ Хорасанѣ и

*) См. гл. I, п. VI—X.

Мазандаранѣ успѣшно дѣйствовали упомянутые выше Бушруи и Хаджи-Мохаммедъ; въ Пракѣ, сперва подъ руководствомъ Муллы-Хусейна, а потомъ одинъ, и необыкновенно усердно, распространялъ это ученіе Шейхъ-Али [1]); въ Тавризѣ и его окрестностяхъ проповѣдывали бабизмъ Мулла-Юсуфъ и Ага-Мохаммедъ-Али. Здѣсь успѣхи Муллы-Юсуфа были такъ велики, что цѣлое селеніе *Милянъ* приняло это ученіе.

Въ Казвинѣ дѣйствовала *женщина*. Услышавъ объ ученіи бабидовъ, а главное, что женщины, по этому ученію, пользуются одинаковыми правами съ мужчинами, и *не должны закрывать лица*,—примѣчательная по своему происхожденію, образованію и красотѣ, дѣвица,—является на сцену въ ту самую пору, когда еще Мулла-Юсуфъ, за два года до того, съ успѣхомъ преподавалъ въ Пракѣ. Она была дочь извѣстнаго казвинскаго *муджтехида* Хаджи-Мохаммедъ-Салиха, невѣста [2]) муджтехида Ахунда-Хаджи-Мохаммедъ-Таѓы бараганскаго; слѣдственно, по одному своему положенію чтимая въ женскомъ полѣ между своими соотечественниками.

Когда природа надѣляетъ женщину энергіею и судьба даетъ ей поприще, то отъ нея ожидай чудесъ!... Въ Европѣ поле просторно для женщины, но въ Азіи, въ исламѣ... вотъ вопросъ! Кажется, что̀ можетъ тутъ сдѣлать женщина и самая умнѣйшая?!... Посмотримъ, однакожъ, какъ воодушевляетъ женщину и тамъ самосознаніе, какое у ней является самоотверженіе... Нѣтъ, въ самоотверженіи женщина всегда и вездѣ стоитъ на первомъ

---

[1]) Этотъ господинъ также былъ изъ учениковъ Шейхъ-Ахмеда и Сейидъ-Казема. Съ самаго начала появленія бабидовъ, онъ былъ усерднымъ сподвижникомъ этого ученія. Онъ не переставалъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ до истребленія бабидовъ въ Тегеранѣ въ сентябрѣ 1852 года. Какъ мы увидимъ ниже, онъ былъ коноводомъ тегеранской партіи.

[2]) По словамъ автора Насихут-тавариха—*жена* Муллы Мохаммеда, *сына* Муллы Мохаммедъ-Таѓы.

планѣ... Хочу сказать какой твердый, непоколебимый духъ, какую твердую волю въ нее вселяетъ идея *о свободѣ!*... Героиня наша, *Гкурретуль-Айнъ* (что значитъ *свѣтъ очей*), иначе *Тагирэ* («чистѣйшая») начинаетъ переписку съ Муллою Юсуфомъ; видится съ нимъ тайно и принимаетъ отъ него новое ученіе во имя Баба *). Въ Казвинѣ скоро узнаютъ объ этомъ; ни увѣщанія, ни угрозы, ни слезы ея родныхъ, ни презрѣніе враговъ, ни что не удерживаетъ ее. Безъ покрывала проповѣдуетъ она любовь къ Бабу и его ученію и въ скоромъ времени составляетъ значительное общество. Такъ въ Казвинѣ явились двѣ партіи: одна, подъ грознымъ вліяніемъ старыхъ консерваторовъ, сильнѣе прежняго держалась мрачныхъ предразсудковъ ислама; другая, увлеченная «свѣтомъ очей», защищала новое ученіе.

Какъ *женщина* или *дѣвица*—это слабое созданіе въ Персіи, а въ особенности въ такомъ городѣ, каковъ Казвинъ, гдѣ сила духовенства всегда играла огромную роль, гдѣ *улемы* числительностію и значеніемъ своимъ обращали на себя вниманіе правительства и народа—какъ здѣсь женщина могла въ такомъ скоромъ времени составить сильную партію «еретиковъ?» Вотъ вопросъ, который озадачилъ даже и новѣйшаго персидскаго историка, *Супехра!* Въ самомъ дѣлѣ небывалый примѣръ! Историкъ старается объяснить это такъ: дочь казвинскаго муджтехида была необыкновенно образована, даже учена; она владѣла превосходнымъ даромъ слова и во главѣ всѣхъ этихъ достоинствъ блистала ея неописанная красота; вотъ отчего, говоритъ историкъ, она успѣла окружить себя толпою обожателей. — Такъ могъ объяснить это необыкновенное проявленіе пристрастный мусульманинъ. Но на этихъ «обожателей»

*) Какъ видно изъ словъ другихъ, въ томъ числѣ и автора персидской исторіи — до Гкурретуль-Айнъ ученіе Баба дошло изъ другихъ источниковъ: она переписывалась съ Бабомъ и Муллою-Хусейномъ.

женщина имѣла *духовное* вліяніе: въ нихъ она создала убѣжденіе, хотя и допустимъ, что при условіи образованности и даже учености дочери муджтехида, красота ея могла оказать ей огромныя услуги. Этимъ орудіемъ, которымъ природа, какъ говорятъ, снабдила ее такъ щедро, она могла идти противъ огня и меча: вездѣ ей должны были уступать, всюду ей долженъ былъ быть открытъ путь. Она снимала покрывало съ своего лица не для того, чтобы этимъ попирать законъ цѣломудрія и скромности, такъ глубоко вырѣзанный на скрижали шаріата и суевѣрія народнаго; но для того, чтобы своимъ взоромъ усилить вдохновеніе рѣчи, обращенной къ любознательнымъ и любопытнымъ. Эта рѣчь была противна тому исконному принципу, который такъ долго держалъ свободу въ оковахъ, красоту за вѣчной занавѣской; слѣдственно тутъ необходимо было сильное вдохновеніе; а кто незнакомъ съ очарованіемъ и силою слова изъ устъ прелестной женщины! Притомъ «свѣтъ очей» словомъ и дѣломъ выражала не безстыдство или нарушеніе закона женекой скромности, но сознательное внушеніе о добродѣтели своего рода: *о свободѣ*. Между тѣмъ новизна проявленія могла приманить къ ней ежедневно толпы любопытныхъ; краснорѣчивыя слова изъ устъ ея, безъ сомнѣнія должны были плѣнять умы любознательныхъ. Мы знаемъ, что всякій разъ окружающая ее толпа расходилась въ восторгѣ; одни лишь строгіе ханжи отворачивались отъ нея, удивляясь смѣлости ея рѣчи.

Дочь муджтехида называлась обыкновеннымъ женскимъ именемъ, *Зерринъ-Таджъ* (значитъ *златовѣнечная*); ея поклонники, пораженные ея красотою, звали ее разными названіями; сперва ее звали *Бадруд-дуджа* (полный мѣсяцъ черной ночи), потомъ *Шамсуз-зоха* (солнце въ меридіанѣ), а послѣ всего *Гкурретуль-айнъ* (свѣтъ очей), которое названіе и осталось за ней на всю жизнь и упоминается въ коранѣ бабидовъ; въ народѣ же ее звали *Тагирэ* «чистѣйшая».

Бабиды, муриды Гкурретуль-Айнъ, день ото дня умножались въ Казвинѣ. Наконецъ одинъ именитый муджтехидъ этого города, родственникъ Гкурретуль-Айнъ, всѣми мѣрами старался отклонить ее отъ ереси, но ни что не помогло. Озлобленный глава ислама публично тогда предалъ проклятію Баба и его ученіе, но заплатилъ за это своею жизнью: ночью, когда муджтехидъ шелъ, по своему обычаю, до разсвѣта, въ мечеть, трое изъ бабидовъ напали на него и убили. Это ужасное въ исламѣ обстоятельство [1]) произвело волненіе во всемъ городѣ. Преступники были схвачены и преданы смерти; убитаго признали святымъ [2]). Поступокъ убійцъ былъ слишкомъ противозаконенъ, чтобъ допустить малѣйшую защиту противъ мстителей. Гкурретуль-Айнъ не могла далѣе оставаться въ Казвинѣ; съ своими искренними партизанами она отправилась и присоединилась къ хорасанскимъ бабидамъ. О судьбѣ ея мы будемъ говорить послѣ.

XI.

Категорическое ополченіе бабидовъ въ Мазандаранѣ.

1848 — 1849.

Мазандаранъ и Хорасанъ всегда славились склонностію

---

[1]) Читатели, надѣемся, знакомы съ значеніемъ муджтехидовъ: эти власти управляютъ духовнымъ царствомъ ислама; ихъ числомъ немного и всякій изъ нихъ имѣетъ мукаллидовъ (т. е. послѣдователей его мнѣній и предписаній въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ.—См. Шераіуль-Ислямъ, выпускъ 1. Спб. 1862, стр. IX, п. VII. 3), такъ что вся Шіитская Персія подчинена духовному управленію этихъ муджтехидовъ и даже самъ Шахъ и весь его дворъ.

(2) Этого муджтехида также называютъ Хаджи-Мохаммедъ-Такгы. Его величаютъ теперь эпитетомъ Шехиди-салисъ, т. е. третьимъ мученикомъ послѣ Аль-Мекки, автора Лъумъ'а и Зейнуддина, автора Шерхуль—лъумъ'а (толкованіе на предыдущее). Оба они были славные законовѣдцы шіитовъ.

своихъ жителей къ религіознымъ распрямъ и суевѣрію; притомъ географическое ихъ положеніе, отдѣляющее ихъ отъ центра управленія, всегда много содѣйствовало успѣхамъ всякаго рода религіознаго ополченія. Бабизмъ родился въ Ширазѣ, усилился въ Ираке, но первое ополченіе бабидовъ сформировалось въ Хорасанѣ и усилилось въ Мазандаранѣ. Въ этой странѣ, какъ мы говорили, давно дѣйствовалъ Хаджи-Мохаммедъ-Али. Много муридовъ собралось около него еще до успѣховъ Муллы-Юсуфа въ Адербиджанѣ. Еще слишкомъ за три года до кончины Мохаммедъ-Шаха, Хаджи Мохаммедъ-Али является тамъ дѣйствующимъ лицомъ; также почти за два года до кончины этого государя мы видимъ еще Муллу-Хусейна въ Хорасанѣ, куда онъ поспѣшилъ изъ Ирака, чтобы содѣйствовать Хаджи-Мохаммеду-Али. Этотъ Хаджи-Мохаммедъ-Али, своимъ званіемъ муджтехида, сперва пріобрѣлъ большое значеніе въ Мазандаранѣ, а потомъ оказался бабидомъ [1]). Его дѣятельность, какъ въ Ираке, такъ въ Хорасанѣ и Мазандаранѣ, была одинаково неутомима. Съ одной стороны онъ, съ другой Мулла Хусейнъ, въ разныхъ мѣстахъ не-только распространяли «ученіе Баба» между черную, но даже не страшились приглашать къ принятію этого ученія и самыхъ сильныхъ людей изъ духовенства и царедворцевъ. По словамъ персидскаго историка Супехра, Мулла Хусейнъ,

---

[1]) Иные думаютъ, что этотъ Хаджи-Мохаммедъ-Али вовсе не былъ муджтехидомъ, а пользовался въ народѣ именемъ своего тёски, мазандаранскаго дѣйствительнаго муджтехида. Персидскій историкъ утверждаетъ, что будто этотъ записной бабидъ въ молодости жилъ въ услуженіи у мазандаранскаго муджтехида такого же имени (т. е. Хаджи-Мохаммедъ-Али), пріобрѣлъ тамъ кое-какія познанія и деньги и отправился въ Мекку; на пути встрѣтился съ Бабомъ, увлекся его ученіемъ и совершенно предался ему. Послѣ возвращенія изъ Мекки съ именемъ Хаджи-Мохаммедъ-Али онъ поселился въ Баръ-фурушѣ (въ Мазандаранѣ) и заодно дѣйствовалъ съ Муллою-Хусейномъ. (См. для соображенія стр. 54, примѣч. 2).

когда онъ былъ въ Ираке, открыто и смѣло пригласилъ къ ученію Баба: а) *въ Исфагани*, — самого генералъ-губернатора, Манучехръ-Хана [1]); б) перваго, по своимъ познаніямъ, муджтехида персидскаго, Хаджи Муллу Мохаммеда Неракинскаго, *въ Кашанъ*; в) самого персидскаго Шаха и его перваго министра Хаджи-Мирзу-Агаси, *въ Тегерани*, представивъ этимъ послѣднимъ письма отъ имени Баба! Нетолько что дерзость Муллы-Хусейна оставалась безнаказанной, но успѣхи его въ обращеніи къ «ученію Баба» нѣкоторыхъ, въ это же время, персидскихъ знаменитостей, придавали ему непобѣдимую смѣлость, съ которою онъ такъ открыто дѣйствовалъ и на будущее время. Наприм. въ Исфагани онъ сдѣлалъ прозелитомъ Баба одного изъ извѣстныхъ тамъ духовныхъ лицъ, *Муллу-Мохаммеда-Таки* Гератскаго, который въ мечетяхъ всенародно провозглашалъ высшее духовное владычество Баба [2]). Въ Кашанѣ онъ обратилъ одного богатаго купца, именемъ *Хаджи-Мирзу-Джана;* въ Мешедѣ онъ пріобрѣлъ одного знаменитаго ученаго шейхида, имѣвшаго въ народѣ огромное значеніе, а именно *Муллу-Абдуль-Кадира* Ездскаго; въ Нишабурѣ, наконецъ, одного славнаго Муджтехида, *Муллу-Али-Асгара*, что однакожъ окончательно произвело волненіе въ народѣ! Тогда только мѣстное начальство приняло мѣры къ преслѣдованію Муллы-Хусейна. По приказанію Хамзы-Мирзы, главнокомандующаго хорасанскою арміею, онъ былъ арестованъ; но этотъ арестъ продолжался не долго: во время бунта мешедскаго [3]) онъ спасся бѣгствомъ.

---

[1]) Персидскій историкъ даже подозрѣваетъ, что этотъ генералъ-губернаторъ сочувствовалъ ученію Баба. (См. главу 1, п. V.)

[2]) См. Насихут-тавариха въ III томѣ, въ описаніи происшествій 1264 г.

[3]) Этотъ бунтъ былъ въ августѣ 1848 года. Онъ былъ слѣдствіемъ дурнаго распоряженія упомянутаго Хамзы-Мирзы и тайныхъ интригъ извѣстнаго Садыра (см. гл. 1, въ концѣ п. XII; гл. II, п. XIII. 1).

Пользуясь положеніемъ дѣлъ, Мулла-Хусейнъ продолжалъ свои дѣйствія. Написавъ письмо къ Хаджи-Мохаммедъ-Али и къ Тагирэ, казвинской героинѣ, онъ направилъ свой путь для соединенія съ ними. Онъ ѣздилъ изъ города въ городъ по Хорасанской провинціи и умножалъ своихъ прозелитовъ. Когда онъ прибылъ съ своими приверженцами въ городъ *Міямингъ* [1]), то къ нему немедленно присоединились 36 человѣкъ изъ городскихъ жителей. Ободренный такимъ успѣхомъ, онъ съ бо́льшей еще энергіей началъ проповѣдывать во имя Баба и этимъ возстановилъ противъ себя тамошнее духовенство. Дѣло не могло обойтись безъ раздора. Раздраженные жители Міямина, подстрекаемые духовенствомъ, напали на еретиковъ и послѣ непродолжительной, но горячей схватки, вытѣснили ихъ изъ города. Это была *первая* стычка бабидовъ въ Хорасанѣ. Разбитый, по малосильности, Мулла-Хусейнъ направилъ путь въ *Шахрудъ* [2]). Здѣсь также онъ не встрѣтилъ ласки и отправился съ своими приверженцами къ городу *Бастамъ* [3]), гдѣ расположился, въ 14 верстахъ отъ города, въ деревнѣ *Хусейнъ-Абадъ* и успѣшно продолжалъ свои дѣйствія.

Это было въ эпоху кончины Мохаммедъ-Шаха (въ сентябрѣ 1848 г.). Какъ обыкновенно, въ междуцарствія бываютъ большіе безпорядки въ Персіи, Мулла-Хусейнъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая воспользоваться ими. Онъ вторично писалъ въ Мазандаранъ на имя Хаджи-Мохаммедъ-Али и въ Казвинъ, самой Гкурретуль-Айнъ о соединеніи своихъ силъ въ одномъ мѣстѣ и потому совѣтовалъ имъ къ извѣстному времени собраться къ *Барѳ-фурушу*, главному городу въ Мазандаранѣ.

---

[1]) Городокъ по дорогѣ къ границамъ Табаристана, около 140 верстъ къ востоку отъ Астрабада.

[2]) Городъ въ 50 верстахъ отъ Міямина.

[3]) Древній городъ, нынѣ мѣстечко, вблизи отъ Шахруда, къ сѣверу.

Въ ту пору пути сообщенія тамъ были гораздо труднѣе, чѣмъ нынѣ; да и теперь въ этихъ мѣстахъ изъ одного города въ другой, когда между ними разстояніе не болѣе 200 верстъ, письма ходятъ въ 8, 9 дней. Это, конечно, очень много, когда предположить правильное и безостановочное сообщеніе; но этого тамъ не бываетъ: письма посылаются *не по почтѣ*, а черезъ частныхъ людей; эти, на своемъ пути, останавливаются по дѣламъ на промежуточныхъ станціяхъ и привалахъ, и доставляютъ письма иногда цѣлымъ мѣсяцемъ позже обыкновеннаго срока! Этому пересталъ я удивляться съ тѣхъ поръ, какъ услышалъ отъ одного вице-адмирала, что лѣтомъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ частныя письма черезъ Лондонъ иногда скорѣе можно получить, чѣмъ зимою обыкновеннымъ путемъ. Это была конечно шуточка съ его стороны, но она основана на трудности сообщенія зимою между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Дѣло не въ этомъ. Письма коноводовъ бабизма посылались съ нарочными коммисарами, которые совершали свой путь съ караванами.

Въ эту пору Хаджи-Мохаммедъ-Али былъ на пути къ Барфурушу. Около шести мѣсяцевъ предъ симъ (въ апрѣлѣ или маѣ 1848 г.), когда онъ съ своими прозелитами былъ еще на пути изъ Ирака въ Хорасанъ, къ нему дошла вѣсть о возстаніи въ Казвинѣ и успѣхахъ Гкурретуль-Айнъ. По слухамъ, Хаджи зналъ, что примѣчательная прозелитка съ своими приверженцами выѣхала изъ Казвина для соединенія съ хорасанскими бабидами. По расчетамъ ли своимъ, или по предварительнымъ свѣдѣніямъ, онъ направилъ путь навстрѣчу ей и настигъ ее невдалекѣ отъ города Бастама, въ мѣстечкѣ Бедештъ. Описанію свиданія Гкурретуль-Айнъ съ Хаджи-Мохаммедъ Али персидскій авторъ придаетъ романическій характеръ. Его разсказы сопутствуютъ *двухъ влюбленныхъ*, — этихъ проповѣдниковъ *соціализма* и *коммунизма* до утвержденія царства

Баба [1]), —до той поры, покуда они не разлучаются вслѣдствіе преслѣдованія нѣкоторыхъ молодыхъ людей изъ массы народа, частью имѣвшихъ свои виды на красавицу-миссіонерку и частью изъ ненависти къ соблазну. Послѣдніе, по словамъ того же историка, въ главѣ волонтеровъ вездѣ гонятъ бабидовъ и грабятъ ихъ имущества [2]). Какъ бы то ни было, мы знаемъ, что Хаджи-Мохаммедъ-Али отправляется въ Бар-фурушъ, а Гкурретуль-Айнъ, съ своими приверженцами, скрывается въ глубину Мазандарана и продолжаетъ тамъ свои энергичныя дѣйствія, путешествуя изъ мѣста въ мѣсто, изъ деревни въ деревню.

Когда Хаджи въ Бар-фурушѣ узналъ о приближеніи Муллы-Хусейна, онъ собралъ всѣхъ своихъ приверженцевъ. Мы не знаемъ ихъ числа; только знаемъ, что къ нимъ присовокупилось еще 300 человѣкъ изъ жителей Бар-фуруша тотчасъ по прибытіи Муллы-Хусейна. Это привело въ ужасъ духовенство края. Знатнѣйшіе изъ нихъ неиначе выходили изъ своихъ домовъ, какъ вооруженными. Достаточное число стрѣльцовъ (туфенкчи) оберегали ихъ дома и внѣ дома, когда они выходили въ мечеть или для посѣщенія друзей. Скоро пошли безпорядки въ городѣ. Послали жалобы губернатору мазандаранскому (тогда еще Ханляръ-Мирза исправлялъ эту должность) и просили защиты. Жители города изъ купцовъ, торговцевъ, земледѣльцевъ, стра-

---

[1]) Покуда царство Баба еще не объемлетъ весь свѣтъ—будто говорили они,—покуда не будетъ новыхъ правилъ духовной и гражданской жизни, отъ имени Баба всѣ бабиды свободны отъ Шаріата; все между ними общее: и имущество, и жены. Очевидцы разсказываютъ это иначе. *Гкурретуль-Айнъ* при самомъ Хаджи встала и говорила бабидамъ: «вы свободны отъ Шаріата до установленія царства Баба и его законовъ; покуда поступайте по правиламъ, начертаннымъ самимъ Богомъ на скрижали вашей совѣсти; предавайтесь всякому благому, избѣгайте всякаго зла; вы составляете братство; все дѣлите между собою по-братски».

[2]) Насихут-таварихъ, т. III, описаніе происшествій 1264 года.

шились послѣдствій, въ особенности теперь, когда послѣ междуцарствія повсюду господствовали безпорядки, когда всякій гражданинъ и земледѣлецъ заботились лишь о самомъ себѣ и о своей собственности.

Мазандараиское начальство не могло еще принять рѣшительныхъ мѣръ. Покуда дѣло кончилось тѣмъ, что оно просило бабидовъ оставить городъ и отдѣлившись отъ городскихъ жителей, чуждыхъ ихъ ученія, переселиться куда нибудь въ окрестности. Мулла-Хусейнъ согласился и всѣ бабиды, числомъ слишкомъ 400 человѣкъ, оставили городъ и расположились у горы *Савадѣ-Кухѣ*, на югѣ Баль-фуруша; расположились по рѣкѣ Талярѣ, около 30 верстъ отъ этого города и 10 верстъ отъ Шейхъ-Теберси, гдѣ бабиды укрѣпились впослѣдствіи. Скоро губернаторъ Мазандарана, Ханляръ-Мирза, былъ вызванъ правительствомъ въ столицу. Пользуясь этимъ случаемъ, Мулла-Хусейнъ опять переселился съ бабидами въ городъ; но эта неожиданность привела городскихъ жителей въ смущеніе; начались разнорѣчивые толки, происки и раздоры. Главный духовный сановникъ *Сайдулъ-Улема* просилъ у ларжанскаго военачальника помощи. Прислано было 300 стрѣлковъ подъ командою маіора Мохаммедъ-Бека.

Это было начало открытаго дѣйствія бабидовъ въ Мазандаранѣ. На первыхъ порахъ они, впрочемъ, защищая себя, опрокинули преслѣдователей своихъ, воспользовались достаточной добычей, укрѣпились въ каравансараѣ, прилегающемъ къ самому городу, у *Себзэ-Мейдана* и заключили мирный договоръ съ жителями города.

Начальство все это время было равнодушнымъ зрителемъ всего, что происходило въ его глазахъ. Оно не принимало строгихъ мѣръ потому будто, что не получало приказанія изъ столицы; а въ угнетенномъ народѣ ненавистники существовавшаго порядка говорили, что оно пользовалось подарками отъ

бабидовъ и не трогало ихъ. Но это продолжалось не очень долго. Когда подтвердились слухи о воцареніи новаго Шаха, ларджанскій Сардарь, Аббасъ-Кули-Ханъ, изъ усердія предупредить новое правительство, прибылъ съ своими войсками въ Бар-фурушъ. Мулла-Хусейнъ этого не ожидалъ и видя несоразмѣрность своихъ силъ къ сопротивленію регулярнымъ персидскимъ войскамъ, готовъ былъ отступить. Но Сардарь, имѣя единственное желаніе отличиться чѣмъ нибудь въ глазахъ новаго правительства и вовсе не намѣреваясь воевать, предложилъ Муллѣ-Хусейну оставить занятое укрѣпленіе и идти съ своими бабидами куда имъ угодно. Этого только и надо было Муллѣ-Хусейну. Онъ изъявилъ желаніе направить путь свой въ Али-Абадъ, границу Ларджанскаго округа. Аббасъ-Кули-Ханъ удовольствовался этимъ и назначилъ отрядъ вооруженной конницы, чтобъ проводить бабидовъ до назначеннаго мѣста. Конные, исполнивъ порученіе, возвратились назадъ; бабиды расположились въ окрестностяхъ Али-Абада. Здѣсь нѣкто *Хосревъ-Бекъ* собралъ волонтеровъ и, съ намѣреніемъ силою или обманомъ опрокинуть бабидовъ и воспользоваться ихъ имуществомъ, неожиданно напалъ на Муллу-Хусейна. Но храбрый предводитель отчаянныхъ бабидовъ самъ выѣхалъ навстрѣчу деракому Хозревъ-Беку. Волонтеры были разбиты на-голову близъ города *Сари* и предводитель ихъ былъ убитъ ударомъ меча Муллы-Хусейна. Эта побѣда, говоритъ персидскій историкъ, совершенно одушевила бабидовъ.

Въ это время всѣ первые сановники Мазандарана отправились въ Тегеранъ съ поздравленіями къ юному Шаху. Страна оставалась безъ попеченія. Мулла-Хусейнъ не терялъ времени. Невдалекѣ отъ города Сари, вблизи гробницы Шейхъ-Таберси, онъ укрѣпился.

Пользуясь страхомъ, обуявшимъ жителей окрестныхъ селеній и безпечностью мѣстнаго начальства, Мулла-Хусейнъ въ

скоромъ времени устроилъ сильное укрѣпленіе, употребивъ на работы самихъ жителей деревень и селъ; собралъ достаточное количество запасовъ всего нужнаго и успѣлъ дождаться партіи бабидовъ изъ Ирака и Адербиджана, подъ предводительствомъ Муллы-Юсуфа [1]). Этотъ знаменитый сподвижникъ бабизма, узнавъ о преслѣдованіи своихъ собратовъ на пути изъ Хорасана въ Мазандаранъ, поспѣшилъ туда черезъ Иракъ съ достаточнымъ числомъ отчаянныхъ прозелитовъ, оставивъ въ Адербиджанѣ на своемъ мѣстѣ какого-то *Акбера Гкумскаго*. Вѣроятно присоединились къ нимъ и приверженцы Гкурретуль-Айнъ [2]). Хаджи-Мохаммедъ-Али уже давно былъ здѣсь, какъ мы видѣли выше. Онъ, по своему сану муджтехида, впослѣдствіи занималъ между ними первое мѣсто въ духовномъ отношеніи, такъ что Мулла-Хусейнъ и послѣ Мулла-Юсуфъ, повидимому, подчинялись ему. Но главное распоряженіе дѣломъ было покуда въ рукáхъ Муллы-Хусейна, который все это время является, въ полномъ смыслѣ слова, великимъ героемъ и великимъ администраторомъ. Такъ прошли три мѣсяца безпрепятственно, пока бабиды успѣли укрѣпиться вблизи Сари.

---

[1]) Странно, что въ Насихут-таварихѣ мы не находимъ ни слова объ этомъ предводителѣ адербиджанскихъ бабидовъ.

[2]) Объ этомъ нигдѣ ничего не сказано. Гкурретуль-Айнъ — говоритъ персидскій историкъ — энергично распространяла бабизмъ въ Мазандаранѣ. Куда же дѣвалась ея партія въ это время? объ этомъ ни слова. Объ ней только еще разъ говоритъ историкъ, позже въ дѣлахъ Тегерана. Какъ-бы то ни было, партія этой примѣчательной проповѣдницы бабизма должна была соединиться съ мазандаранскими бабидами. Очевидцы говорятъ: Самой *Тахиръэ* или *Гкурретуль-Айнъ* вовсе не было въ дѣлѣ Хорасанскомъ и что она, послѣ разставанія съ Хаджи-Мохаммедъ-Али, скрывалась въ Мазандаранѣ. См. немного повыше, стр. 66.

VII.

Мѣры новаго правительства.

1848.

По водвореніи новаго правительства въ Тегерани, первыя заботы его были обращены на Адербиджанъ, какъ на ближайшую къ столицѣ и опасную страну. Бабъ, какъ главная причина (по мнѣнію правительства) всего бѣдствія, заключенъ въ крѣпость *Чегрикѣ*; а тавризскому начальству предписано немедленно усмирить жителей *Миляна*. Скоро получено было повелѣніе придать Баба казни, потому что въ народѣ говорили, что и жители Миляна, подъ предводительствомъ *Акбера Гкумскаго*, тайно закупаютъ оружіе и заготовляютъ боевые снаряды, чтобы возстать на защиту Баба. Но послѣ Муллы-Юсуфа милянцы упали духомъ. Али-Акберъ не имѣлъ ни твердости харахтера, ни достаточной энергіи, чтобы поддержать духъ жителей этого селенія; между тѣмъ рѣшительныя мѣры новаго министра противъ бабидовъ привели въ раскаяніе многихъ принявшихъ новое ученіе безъ всякаго внутренняго сознанія. По словамъ г. Севрюгина, «тавризское начальство послало въ Милянъ приказаніе перехватать всѣхъ «бабинцевъ»; но большая часть ихъ разбѣжалась, а тѣхъ, которые были приведены въ городъ (Тавризъ), послали къ главному муджтехиду *Мирзѣ-Ахмеду*, и по осмотрѣ нашли у нихъ талисманы и молитвы, розданныя имъ Бабомъ (по нашему—Сеидъ-Хусейномъ, отъ имени Баба) [1])». Нѣкоторые изъ милянцевъ,

---

[1]) Два изъ такихъ талисмановъ я имѣю у себя въ рукахъ; они доставлены мнѣ бывшимъ воспитанникомъ нашего факультета, г. Мельниковымъ, нѣсколько лѣтъ жившимъ въ Персіи по дѣламъ службы.

по словамъ же г. Севрюгина, съ перваго раза раскаялись въ своемъ заблужденіи, а упорныхъ привели къ этому раскаянію палками, такъ что всѣ они, и даже самый закоснѣлый муридъ Баба, Акберъ Гкумскій, нетолько поклялись отвергнуть новое ученіе, но даже произносили на Баба проклятія.

Не такъ счастливо кончилось дѣло въ Мазандаранѣ. Здѣсь бабиды вели себя иначе. У Хаджи-Мохаммедъ-Али съ Муллою-Хусейномъ, какъ мы видѣли, въ скоромъ времени образовался отрядъ отчаянныхъ удальцовъ. Онъ состоялъ, говорятъ, изъ 700 храбрѣйшихъ фанатиковъ, надежно вооруженныхъ и въ изобиліи снабженныхъ съѣстными припасами. По описанію персидскаго историка, равно какъ и по разсказамъ очевидцевъ, во все время, проведенное мазандаранскою знатью въ поздравленіяхъ новаго Шаха и въ празднествахъ, бабиды успѣли выстроить цѣлую крѣпость кругомъ самой гробницы Шейхъ-Табарси. Крѣпость эта съ двумя воротами, съ югового ст. и зап. стороны состояла изъ земляного вала съ 12-ю башнями, вышиною отъ 3 до $3^1/_4$ сажени. Каждая изъ нихъ стояла отъ другой въ разстояніи отъ 100 до 120 саженъ, и онѣ могли защитить другъ друга во время нападенія непріятеля. Башни эти были подкрѣплены земляною насыпью, утвержденною сваями и заваленною лѣсомъ, съ бойницами. Вся же крѣпость снаружи была кругомъ подкрѣплена отличною земляною насыпью, оканчивающеюся внизу довольно глубокимъ рвомъ, окружающимъ всѣ укрѣпленія, шириною въ 10 футовъ и снабженнымъ водою изъ ближайшихъ рѣчекъ.

Самая ограда гробницы въ срединѣ пространства, обведенной валомъ, съ принадлежащими къ ней смежными постройками, служила цитаделью; она въ разныхъ мѣстахъ была подкрѣплена земляными насыпями съ потаенными подземельными помѣщеніями. Всѣ жители крѣпости, достаточно вооруженные, занимали пространство кругомъ цитадели въ домикахъ и лачужкахъ. Надъ рвомъ предъ каждыми воротами находились подвижные мосты

для выхода изъ крѣпости по ночамъ. По словамъ Супегра, на что полагаться нельзя и которыя противны описанію очевидцевъ, между стѣною цитадели и внутренней какой-то земляной насыпью, на всемъ пространствѣ были, въ разныхъ мѣстахъ, извѣстныхъ *только жителямъ*, вырыты глубокія ямы съ остроконечными сваями и орудіями; ямы эти были слегка покрыты и были совершенно незамѣтны; онѣ были приготовлены съ цѣлью, что если непріятель ворвется въ крѣпость, то чтобы ему погибнуть въ этихъ ямахъ.

Тотъ же историкъ говоритъ, что Мулла-Хусейнъ, энергичными своими дѣйствіями, успѣлъ приманить къ себѣ множество прозелитовъ изъ деревенскихъ жителей, такъ что у него въ крѣпости было будто двѣ тысячи человѣкъ, хорошо вооруженныхъ и съ достаточными запасами [1]). Роль духовнаго владыки игралъ тутъ Хаджи-Мохаммедъ-Али. Чтобы придать ему важное значеніе, прибавляетъ Супегръ, Мулла-Хусейнъ звалъ его «*высочайшею особою*» (хазрети-аала); преклонялъ предъ нимъ колѣна и скрывалъ его отъ взора людей, какъ святыню. Когда Хаджи-Мохаммедъ-Али показывался гдѣ нибудь, всѣ падали предъ нимъ ницъ и никто не осмѣливался поднять головы, покуда онъ ие приказывалъ. И этимъ Мулла-Хусейнъ сосредоточилъ всѣ вѣрованія своихъ бабидовъ въ словѣ духовнаго владыки, такъ что одинъ намекъ съ его стороны достаточенъ былъ для того, чтобы всякому изъ нихъ броситься въ огонь и въ воду.

Вмѣстѣ съ предписаніемъ тавризскому начальству о казни Баба и усмиреніи жителей Миляна, послано было приказаніе и

---

[1]) См. Насихут-таварихъ, т. III, въ описаніи происшествій 1264 года. Дѣйствительно жители близлежащихъ деревень были въ полномъ повиновеніи бабидовъ и содѣйствовали имъ какъ въ постройкѣ укрѣпленій, такъ и въ доставленіи имъ припасовъ; но это происходило болѣе отъ страха, чѣмъ отъ внутренняго сочувствія къ ученію бабидовъ

мазандаранскому начальству объ усмиреніи тамошнихъ мятежниковъ; но результатъ былъ плачевный. мазандаранскіе магнаты, живя въ столицѣ, увѣрили Шаха, что горсть бабидовъ не стоитъ того, чтобы отправить противъ нихъ регулярное войско. «Мы своими средствами, говорили они, сладимъ съ ними и скоро положимъ конецъ временной вспышкѣ». Такъ судятъ и рядятъ всегда и вездѣ жители столицъ о внутреннихъ дѣлахъ государства, когда они вовсе съ ними незнакомы. Шахъ согласился. Скоро въ мазандаранѣ было сдѣлано распоряженіе о сборѣ охотниковъ противъ бабидовъ. Изъ трехъ округовъ этой провинціи было собрано около 750 человѣкъ храброй конницы. «Войско, выступившее противъ нихъ—говоритъ г. Севрюгинъ—послѣ двухъ или трехъ нападеній, видя, съ какимъ ожесточеніемъ дерутся бабинцы, почти все разбѣжалось». Въ этомъ дѣлѣ, говоритъ персидскій историкъ, милиція была истреблена окончательно; предводители охотниковъ убиты рукою Муллы-Хусейна и даже жители деревни, въ которой спасались бѣгущіе Персіяне, разорены и деревня предана огню. Очевидцы называютъ эту деревню *Ферахиль* и говорятъ, что ее сожгли ошибкою, принимая ее за другую, которая называется *Васекс*. Дѣло въ томъ, что жители Ферахиль много содѣйствовали бабидамъ и даже нѣкоторые изъ нихъ тайно приняли ученіе ихъ; поэтому Мулла-Хусейнъ употребилъ всѣ усилія, чтобы утушить пожаръ, но ничего не могъ сдѣлать.

Эта побѣда вдвое одушевила бабидовъ и придала имъ неописанную храбрость. Слухъ о ней распространился по всей провинціи и страхъ объялъ всѣхъ. Г. Севрюгинъ прибавляетъ, что въ это время говорили въ Мазандаранѣ, что нельзя никакому войску одолѣть Муллу-Юсуфа [1]): при храбрости предво-

[1]) Все, что у г. Севрюгина приписывается Муллѣ-Юсуфу. въ Мазандаранѣ приписываютъ *Муллѣ-Хусейну*. По моему мнѣнію, дѣло состо-

дительствуемой имъ толпы, по словамъ народа, онъ обладалъ еще знаніемъ дѣлать золото.

Неудачи заставили правительство принять другія мѣры, болѣе сильныя и болѣе надежныя. По повелѣнію Шаха, немедленно выѣхалъ въ Мазандаранъ *Мегди-Кули-Мирза*. Онъ долженъ былъ, по предначертанному плану, собрать отряды: *хазарэ-джарибскій*, подъ начальствомъ *Мустафы-Хана*, *ларидженскій*, подъ командою *Аббасъ-Кули-Хана;* окружить мятежниковъ и не оставить «ни одного живаго». Таково было повелѣніе Шаха [1]). Мегди-Кули-Мирза, по назначенію, выѣхалъ сопровождаемый большой свитой. Около исхода декабря 1848 г. онъ прибылъ въ Мазандаранъ и расположился на правомъ берегу рѣчки Севадъ-Кухъ, въ деревнѣ Васексъ, на виду бабидовъ съ восточной стороны крѣпости. Здѣсь къ нему собрались назначенныя регулярныя и нерегулярныя войска, кромѣ лариджанскаго, числомъ по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе бабидовъ. Время было холодное и снѣжное. Персидскій принцъ считалъ горсть бабидовъ ничтожною и мало заботился о приготовленіи къ дѣлу. Какъ онъ, такъ и все войско заботилось лишь о томъ, чтобъ защитить себя отъ холода и потому предалось покою. Было сдѣлано лишь одно распоряженіе: не давать осажденнымъ имѣть сообщенія съ окрест-

---

ятъ въ томъ, что Мулла-Юсуфъ, какъ предводитель адербиджанскихъ и иракскихъ бабидовъ, былъ болѣе извѣстенъ въ Тегеранѣ и въ Тавризѣ. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ могъ явиться на сцену въ Мазандаранѣ послѣ убіенія Муллы-Хусейна на три или четыре дня, какъ главный военачальникъ всѣхъ бабидовъ мазандаранскихъ. Персидскій же историкъ *Супехръ*, какъ мы упомянули, вовсе не говоритъ о Муллѣ-Юсуфѣ.

[1]) Это по словамъ персидскаго историка, который, въ описаніи мазандаранскаго дѣла, очень превозноситъ подвиги бабидовъ и говоритъ безпристрастно, конечно съ цѣлью нравоученія для персидскихъ воиновъ, которые обыкновенно на словахъ удивительно какъ храбры, а въ дѣлѣ, если не трусы, то по крайней мѣрѣ болѣе расчетливы, чѣмъ мужественны.

ными деревнями. Бабиды, однакожъ, видя огромное количество войска, пришли было въ отчаяніе; но храбрый вождь успокоилъ ихъ обѣщаніемъ несомнѣнной побѣды. Между тѣмъ единодушіе и дисциплина [1]) осажденныхъ вполнѣ поддерживали общій духъ. Кругомъ обложенные врагами, ожидавшими минуты расплоха и, повидимому, лишенные возможности сообщенія, слѣдственно и доставленія себѣ на будущее время жизненныхъ припасовъ, своею непоколебимою твердостью они удивляли главнаго предводителя шахова отряда.

Мегди-Кули-Мирза продолжалъ свою беззаботную жизнь и ожидалъ, что бабиды, лишась съѣстныхъ припасовъ, или сдадутся добровольно, или умрутъ съ голода. Но бабиды не умирали и не сдавались: днемъ они были незамѣтны; по ночамъ дѣлали вылазки и доставляли себѣ продовольствіе; имъ помогала въ томъ темнота ночей и способствовали, изъ страха или сочувствія, поселяне ближайшихъ деревень, откуда они добывали въ большомъ количествѣ и рисъ и масло, чтобы варить себѣ *чилавъ* — любимую пищу [2]).

---

[1]) Для лучшаго сохраненія дисциплины—говоритъ г. Севрюгинъ — распоряжено было, чтобы тѣ изъ бабидовъ, которые стояли еще на первой ступени вѣрованія и назывались *мутезельзелинъ* (буквально: *шаткіе* т. е. несовершенно увѣровавшіе), повиновались безусловно распоряженіямъ убѣдившихся въ бабизмѣ и носившихъ оттого названіе *мутесаддыкинъ*.

[2]) Въ Мазандаранѣ *чилавъ* составляетъ ежедневную, любимую пищу жителей, какъ каша у русскихъ. Чилавъ и похожъ на кашу; но разница въ томъ, что варится изъ риса. У простолюдиновъ онъ варится на нѣсколько дней и употребляется въ пищу холодный. Въ рабочую пору поселяне берутъ его съ собою въ поле и только имъ однимъ питаются. Такой чилавъ у нихъ называется *хете*. Странно случайное сходство и въ названіи съ *кашей*.

*

VIII.

Первая вылазка бабидовъ.

(Въ началѣ 1849 г.)

Прошло полмѣсяца безъ малѣйшаго успѣха для осаждавшихъ. Въ лагерѣ ожидали еще часть лариджанскаго войска. Бабиды, считая время удобнымъ, рѣшились сдѣлать вылазку и до прибытія новой силы чѣмъ нибудь кончить дѣло. Лагерь дремалъ на другой сторонѣ рѣки Таляръ. Мегди-Кули-Мирза, правитель Мазандарана, съ двумя другими принцами, а именно Султанъ-Хусейнъ-Мираою и Давудъ-Мирзою, и съ своими приближенными и людьми, занимали главную квартиру въ упомянутой выше деревнѣ Васексъ, невдалекѣ отъ лагеря. Въ темную ночь, бабиды, въ числѣ 300 человѣкъ, сохраняя глубокую тишину, вышли изъ своего укрѣпленія и, переплывъ рѣку, направили путь къ этой деревнѣ Все спало. Мулла-Хусейнъ и даже самъ Хаджи-Мохаммедъ-Али сопутствовали охотникамъ. Чтобы предупредить тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ, они обошли его и направили путь свой съ лариджанской дороги, пославъ напередъ нѣсколько конныхъ съ приказаніемъ распустить слухъ, что лариджанское войско приближается и что они передовые этого войска. При помощи этой хитрости всѣ 300 человѣкъ бабидовъ безпрепятственно приблизились и окружили главную квартиру принца, которую тотчасъ же и зажгли. Захваченные дымомъ и пламенемъ искали спасенія и попадали на ножи и кинжалы противниковъ. Говорятъ, что въ *Васексѣ* въ тюрьмѣ находилось въ эту пору отъ 8 до 10 бабидовъ; они были захвачены полиціею на пути ихъ къ Шейхъ-Теберси и, не зная кто они такіе, по одному подозрѣнію ихъ арестовали. Въ роковую ночь эти эмигранты спаслись бѣгствомъ и присоединились къ бабидамъ: оказалось что они часть иракскихъ про-

зелтовъ и между ними былъ знаменитый *Мулла-Юсуфъ!*— Мегди-Кули-Мирза спасся бѣгствомъ чрезъ заднія двери; другіе же два принца были такъ обожжены, что умерли на третій день; вся прислуга была перерѣзана, а деревня, ограблена и сожжена. По совершеніи этого ужаснаго дѣла, бабиды невредимо возвратились въ свою крѣпость.

Читатель невольно спроситъ: что же дѣлали сарбазы, это регулярное войско? Отвѣтъ на это выпишу изъ показанія персидскаго историка *Супехра*. Когда Мулла-Хусейнъ окружилъ спящую главную квартиру — говоритъ онъ, — то предъ самымъ приступомъ къ дому, гдѣ находились принцы съ приближенными, онъ велѣлъ двумъ или тремъ изъ своихъ скакать къ самому лагерю и съ ужасомъ и воплями кричать, что принцъ Мегди-Кули-Мирза (главнокомандующій) убитъ со всѣми его окружавшими. Вѣстники должны были выдавать себя за передовыхъ дариджанцевъ, только что прибывшихъ въ главную квартиру. Хитрый предводитель бабидовъ хорошо зналъ, что этотъ слухъ въ темную ночь приведетъ въ ужасъ и жителей деревни, и храбрыхъ сарбазовъ. Онъ и не ошибся. Мигомъ эта вѣсть облетѣла весь лагерь. Не успѣли опомниться, какъ пламя охватило квартиру главнокомандующаго и почти всю деревню. Отчаяніе обуяло всѣхъ; къ тому же вой собакъ, вопли поселянъ и притворные крики бабидовъ во сто кратъ увеличивали страхъ сарбазовъ и нукеровъ. Имъ казалось, что весь свѣтъ обратился въ бабидовъ, что они окружены десятками тысячъ ихъ и что при свѣтѣ пожара врагъ обратитъ лагерь словно въ мишень и будетъ дождить въ нихъ мѣткими пулями. Судя по описанію *Супехра*, никакой лагерь любой европейской арміи такъ исправно и проворно не могъ бы исполнить своей обязанности при неожиданной *тревогѣ*, какъ исполнилъ ее персидскій: только на этотъ разъ она состояла въ томъ, чтобы каждому спасти свою жизнь. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ уже на мѣстѣ

лагеря не осталось ни одной живой души. Сарбазы и нукеры разсыпались по всѣмъ направленіямъ, оставивъ свое имущество и свои запасы въ жертву. Многіе изъ нихъ, говоритъ историкъ, убѣжали въ одѣхъ рубашкахъ.

Между тѣмъ бабиды продолжали дѣло грабежа; и когда уже было довольно свѣтло, они, предъ глазами шахскаго войска потянулись изъ лагеря съ имуществомъ побѣжденныхъ къ своему укрѣпленію и никто имъ не препятствовалъ. Персидскій историкъ, вѣроятно, насмѣхаясь надъ испуганнымъ войскомъ, юмористически продолжаетъ свой разсказъ, говоря, что случайно на пути бабидовъ, между лагеремъ и рѣкой, очутились 600 человѣкъ изъ разбѣжавшихся полковъ. При видѣ бабидовъ они нетолько не думали о томъ, чтобы преградить имъ дорогу, но *«быстрѣе вѣтра и молніи»* убѣжали съ ихъ пути, и Мулла-Хусейнъ съ своими товарищами, среди бѣлаго дня, торжественно добрался до своей крѣпости и исчезъ изъ глазъ удивленныхъ зрителей! Въ этомъ дѣлѣ бабиды потеряли 30 человѣкъ и Хаджи-Мохаммедъ-Али былъ слегка раненъ въ лицо.

Теперь мы послѣдуемъ за принцемъ, главнокомандующимъ или правителемъ Мазандарана, спасшимся бѣгствомъ, и въ этомъ будемъ руководствоваться также указаніями персидскаго историка. Мы сказали уже, что принцъ спасся чрезъ заднія двери. Около $3^1/_2$ верстъ бѣжалъ онъ безъ оглядки посреди грязи, по холоду. Никто не замѣтилъ его. Наконецъ, утомленный, изнеможенный, онъ встрѣтилъ поселянина, ѣхавшаго верхомъ по своему дѣлу на простой лошадкѣ, безъ сѣдла и безъ уздечки. Къ счастію поселянинъ узналъ принца, посадилъ его на свою лошадь и привезъ въ скотный сарай, гдѣ принцъ убѣдился, что и на голыхъ доскахъ можно отдыхать съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ онъ отдыхалъ на богатыхъ коврахъ и пуховыхъ подушкахъ. Поселянинъ, оставивъ принца, поскакалъ извѣстить о немъ и въ скоромъ времени пріѣхали къ нему сарбазы и нукеры, и

увезли его въ деревню *Кади-Келя*. Переночевавъ тутъ, они на другой день поспѣшили въ городъ Сари. Событіе это привело городскихъ жителей въ такой ужасъ,—прибавляетъ персидскій историкъ,—что, несмотря на холодъ и снѣгъ, они взяли свои семейства и скрылись въ горы.

IX.

Вторая вылазка бабидовъ.

Смерть Муллы-Хусейна.

(Въ началѣ Февраля 1849 г.)

Мегди-Кули-Мирза рѣшился не продолжать теперь войны съ бабидами и жилъ въ г. Сари. Въ эту пору прибылъ запоздалый Аббасъ-Кули-Ханъ съ своимъ лариджанскимъ войскомъ, и вѣроятно услышавъ о происходившемъ и желая поправить свою ошибку въ медленности, прямо осадилъ бабидовъ и о своемъ дѣйствіи доиесъ принцу въ утѣшительныхъ, по своему убѣжденію, фразахъ; но онѣ состояли изъ чистаго хвастовства, надъ которымъ персидскій историкъ не могъ не забавляться. «Вотъ я окружилъ крѣпость этихъ ничтожныхъ людей и не нуждаюсь въ помощи. Если вашему высочеству угодно позабавиться, то пожалуйте къ намъ и посмотрите, какъ мы будемъ воевать.» Правитель Мазандерана, недавно самъ думавшій о бабидахъ также легко, какъ теперь думалъ лариджанскій *сардарь*, но горькимъ опытомъ убѣдившійся въ своей ошибкѣ, испугался *«утѣшительнаго»* донесенія: онъ велѣлъ немедленно поспѣшить на помощь къ лариджанцамъ *афганскому* отряду подъ начальствомъ Мухсинъ-Хана; *ашрефскимъ* стрѣлкамъ подъ командою Мохаммедъ-Керимъ-Хана и *савадкухской* милиціи подъ предводительствомъ Хэлилъ-Хана. Скоро всѣ эти войска явились къ Аббасъ-Кули-Хану. Послѣдній небрежно стоялъ насупротивъ

крѣпости бабидовъ, съ западной стороны, и не принималъ никакихъ мѣръ ни для осады, ни для обороны себя въ случаѣ вылазки осажденныхъ; а первая вылазка ихъ была еще слишкомъ свѣжа въ памяти прибывшихъ на помощь ларидженцевъ! На сдѣланный ему вопросъ, почему онъ до сихъ поръ не дѣлаетъ *сенгера* (укрѣпленія) противъ осажденныхъ, отвѣтъ былъ: для чего сенгеръ?—укрѣпленіемъ служатъ ларидженцамъ ихъ груди».—Такимъ надменнымъ представленъ Аббасъ-Кули-Ханъ персидскимъ историкомъ! Что же было слѣдствіемъ всего этого?

Мулла-Хусейнъ, замѣтивъ нѣкоторыя движенія въ лагерѣ шахскаго войска, сперва подозрѣвалъ въ этомъ какой нибудь маневръ; увидѣвъ же скоро у своихъ стѣнъ давно жданныхъ ларидженцевъ, убѣдился въ своемъ предположеніи и ожидалъ результата; но ничего не воспослѣдовало; между тѣмъ онъ занялся исправленіемъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ своихъ укрѣпленіяхъ. Увидѣвъ же послѣ опять движеніе въ лагерѣ и приближеніе огромной массы войска, Мулла-Хусейнъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ строго приказалъ своимъ бабидамъ хранить мертвую тишину и, при случаѣ, по временамъ просить о пощадѣ. Чрезъ это гордый Аббасъ-Кули-Ханъ пришелъ къ тому убѣжденію, что враги, утомленные долговременной осадой, при видѣ столь многочисленнаго войска, скоро совсѣмъ сдадутся ему; поэтому онъ былъ столько же неумолимъ, сколько небреженъ. Прошла цѣлая недѣля; Мулла-Хусейнъ ожидалъ удобной минуты. Въ одинъ изъ первыхъ дней февраля, въ 2 часа ночи, когда сѣла луна и ночной мракъ объялъ всю природу, «когда весь лагерь, по обыкновенію, спалъ глубокимъ сномъ и даже по домашнему, въ постеляхъ» (такъ говоритъ историкъ), Мулла Хусейнъ съ 400-ми отчаянныхъ пѣшихъ и достаточнымъ числомъ конныхъ сдѣлалъ вылазку. Лагерь шахскаго войска расположенъ былъ по номерамъ, въ извѣстномъ порядкѣ. Ихъ было четыре и они занимали значительное пространство съ востока

къ западу; послѣдній номеръ занимало лариджанское войско и тутъ находилась главная квартира сердаря Аббасъ-Кули-Хана. Мулла-Хусейнъ велѣлъ 400 пѣшимъ стрѣлкамъ врасплохъ напасть на первый въ порядкѣ предстоящій номеръ лагеря, не давать нукерамъ опомниться, выгѣснить ихъ оттуда и заставить ихъ смѣшаться съ сарбазами слѣдующаго за нимъ номера, и такимъ образомъ продолжать атаку, доколѣ будетъ возможность. Самъ же онъ съ конницею незамѣтно объѣхалъ лагерь и сталъ въ тылъ непріятеля съ тѣмъ, чтобы преградить дорогу бѣгущимъ. Бабиды не теряли времени; по данному сигналу началась атака съ неописаннымъ мужествомъ. Проснувшіеся, увидя смерть на носу, опрометью пустились бѣжать; за ними гнались отчаянные бабиды съ криками побѣды. Войска 2 номера, въ просонкахъ, думая что на нихъ летитъ непріятель, начали стрѣлять въ своихъ собратьевъ; но видя упорное стремленіе, пустились въ бѣгство въ такомъ же безпорядкѣ; тутъ очередь дошла до войскъ 3 и 4 номера. Персидскій историкъ говоритъ, что всѣ войска персидскаго лагеря бѣжали предъ стрѣлками бабидовъ, «словно какъ стадо барановъ предъ волкомъ!» Темнота ночи и дымъ ружейныхъ выстрѣловъ препятствовали персіянамъ различать своихъ сарбазовъ и между ними началась продолжительная рѣзня. Съ тылу атаковалъ разстроенныхъ сарбазовъ съ конницей Мулла-Хусейнъ. Непріятель не понималъ что это за бѣдствіе. *Храбрый* лариджанскій *сердарь* тутъ увидѣлъ ужасы, которымъ онъ прежде не вѣрилъ. Едва-едва онъ спасъ себѣ жизнь бѣгствомъ.

Такъ бабиды привели въ смятеніе многочисленное персидское войско, опрокинули его, ограбили, сожгли все и возвратились обратно съ добычею. Сколько убито непріятелей — неизвѣстно; но бабидовъ, по показанію персидскаго историка, легло 80 человѣкъ и достаточное число ранено; изъ этихъ раненыхъ, по показанію очевидцевъ, 30 человѣкъ умерли по воз-

вращеніи въ крѣпость; слѣдственно, судя по этому. убитыхъ сарбазовъ и нукеровъ должно было быть по крайней мѣрѣ вчетверо больше.

Но самая чувствительная потеря. со стороны бабидовъ состояла въ этомъ дѣлѣ въ смерти ихъ храбраго вождя, Муллы-Хусейна (4 февр. 1849 г.). Его ранили изъ одного укрѣпленія пулями двое, Мирза-Керимъ-Ханъ и Ага-Мухаммедъ-Хасанъ, одинъ за другимъ, въ то время, когда онъ возвращался. Тому благопріятствовалъ для нихъ свѣтъ отъ огня, разложеннаго въ стоянкѣ бабидовъ; его узнали и неожиданныя двѣ пули, одна за другой, поразили его въ плечо и въ грудь. Персидскій историкъ удивляется здѣсь присутствію духа и твердости воли этого примѣчательнаго человѣка. Онъ не упалъ, говоритъ историкъ, и не теряя присутствія духа, приказалъ своимъ въ полномъ порядкѣ продолжать путь въ укрѣпленіе. Даже послѣдователи его будто не замѣтили что онъ раненъ! У самыхъ воротъ крѣпости однакожъ онъ не могъ удержаться и упалъ. Тутъ онъ собралъ всѣхъ приближенныхъ и поручилъ ихъ всѣхъ Хаджи-Мохаммедъ-Али, внушая имъ строгое повиновеніе этому «верховному владыкѣ» и продолженіе праваго дѣла подъ его предводительствомъ и по мудрымъ его совѣтамъ.

Въ это время говорили въ Мазандаранѣ — прибавляетъ г. Севрюгинъ, что этотъ фанатикъ, умирая, велѣлъ похоронить себя *стоймя*, для того, будто бы, что черезъ сорокъ дней онъ явится въ *Зенганѣ* [1]). Персидскій историкъ также говоритъ, что Мулла-Хусейнъ умирая обѣщался воскреснуть черезъ 14 дней. Обѣ басни взяты, вѣроятно, изъ того, что по ученію послѣдователей Баба, души умершихъ, въ особенности *святыхъ*, переселяются въ другія тѣла также святыхъ и добрыхъ людей,

---

[1]) См. ниже дѣло при Зенганѣ.

или, по крайней мѣрѣ, невидимо сообщаются ихъ душамъ. На этомъ основаніи Мулла-Хусейнъ самыхъ близкихъ къ нему учениковъ называлъ именами святыхъ имамовъ и пророковъ,—говоря, что въ нихъ переселены, или къ ихъ душамъ невидимо пріобщены души этихъ пророковъ или святыхъ! Слѣдственно у бабидовъ свое ученіе о спиритуализмѣ и имъ не пришлось бы за этимъ ѣздить въ Парижъ!

X.

Третья вылазка бабидовъ.

(Въ Февралѣ 1849 г.)

Хаджи-Мохаммедъ-Али, игравшій до сихъ поръ роль духовнаго владыки, предъ которымъ преклонялъ колѣна даже и самъ Мулла-Хусейнъ для поддержанія его моральнаго вліянія на прозелитовъ, теперь самъ долженъ былъ принять на себя имя военнаго предводителя и администратора [1]). Въ этомъ онъ успѣлъ не хуже своего предшественника; потому что бабиды и душою и тѣломъ были преданы ему и вѣрили его словамъ и обѣщаніямъ. Притомъ же Хаджи-Мохаммедъ-Али съ такимъ же хладнокровіемъ и присутствіемъ духа участвовалъ почти во всѣхъ вылазкахъ, какими ознаменовалъ себя его предшественникъ. Напримѣръ, всѣ знали какъ онъ пренебрегалъ собою и ни одного раза не жаловался и даже не поморщился отъ раны, которую онъ получилъ недавно въ лицо и которая до сихъ поръ его мучила.

---

[1]) По словамъ нѣкоторыхъ, онъ назначилъ на мѣсто Муллы-Хусейна адербиджанскаго Муллу-Юсуфа, который играетъ важную роль въ это время въ запискѣ г. Севрюгина. Но персидскій историкъ вовсе объ немъ умалчиваетъ. Потому-то мы предпочитаемъ на этотъ разъ слѣдовать за изложеніемъ историка.

Утромъ, послѣ ночной вылазки, когда бабиды, возвратившись, занимались погребеніемъ тѣла своего храбраго вождя и другихъ умершихъ, въ слѣдствіе тяжелыхъ ранъ, собратовъ своихъ, Аббасъ-Кули-Ханъ сдѣлалъ также распоряженія о сборѣ и преданіи землѣ, по шаріату, тѣлъ падшихъ на полѣ сраженія воиновъ. Цѣлый день былъ проведенъ въ этихъ занятіяхъ. Тѣла убитыхъ бабидовъ также лежали покуда на общемъ полѣ битвы. Принципъ гуманности особаго рода фанатическаго ученія внушилъ ларіджанскому сердзрю приказать снять головы съ этихъ несчастныхъ труповъ, числомъ 80, и разослать, по варварскому обычаю, по всѣмъ городамъ провинціи, чтобы *этимъ успокоить* раздраженныхъ жителей, которые отъ страха *давно лишились покоя и счастія!* Сдѣлавъ это Аббасъ-Кули-Ханъ къ вечеру тронулся съ войсками къ Сари, чтобы тамъ соединиться съ Мегди-Кули-Мирзою.

Изувѣрство за изувѣрство—таковъ законъ фанатизма. Бабиды ночью вышли, чтобы прибрать тѣла своихъ убитыхъ собратовъ и предать ихъ землѣ. Увидавъ ихъ обезглавленными, они, не теряя времени, вырыли изъ земли трупы убитыхъ враговъ, сняли съ нихъ головы, насадили ихъ на острые длинные шесты и унизали ими все пространство поля сраженія, а тѣла, запаливъ сильнымъ огнемъ, оставили на съѣденіе собакамъ и гіеннамъ! Это зрѣлище могло быть замѣчено только на другое утро; но непріятельскаго лагеря уже не было, и первый, кто замѣтилъ это, былъ самъ правитель мазандаранскій, прибывшій черезъ 5 — 6 дней къ этому мѣсту съ свѣжими отрядами изъ города Сари.

Отъ Сари, города, въ которомъ отдыхалъ послѣ постыднаго бѣгства правитель Мазандарана и главнокомандующій тамошними войсками, до Шейхъ-Таберси, гдѣ происходила битва, не болѣе 35 верстъ. Мегди-Кули-Мирза, не зная все это время что дѣлается въ лагерѣ шахова войска и по собственному опыту

опасаясь неудачныхъ послѣдствій, еще наканунѣ послѣдней ночной битвы оставилъ городъ и съ достаточнымъ числомъ свѣжаго отборнаго войска направилъ свой путь прямо къ мѣсту сраженія. Онъ торопился, говоритъ историкъ, и вѣроятно по этому-то, отъѣхавъ не болѣе 7 — 8 верстъ, расположился для отдыха въ мѣстечкѣ *Сюрхэ-Келяй*. Здѣсь онъ провелъ ночь. На другой день, отъѣхавъ еще нѣсколько, онъ получилъ депешу отъ Аббасъ-Кули-Хана слѣдующаго содержанія: «Посылаю вашему высочеству нѣсколько головъ убитыхъ нами бабидовъ. По вашей милости у насъ благополучно».—Историкъ увѣряетъ насъ, что Аббасъ-Кули не писалъ о настоящемъ положеніи дѣла и посланному строго приказалъ умолчать о томъ, потому что онъ боялся *испугать* войска главнокомандующаго, боялся, что они *отъ страха разбѣгутся!* Дѣйствіе вполнѣ достойнее причины! Что же заключилъ изъ всего этого Мегди-Кули-Мирза? Онъ думалъ что коварный подчиненный его, Аббасъ-Кули-Ханъ, объ остальномъ молчитъ потому, что надѣется скоро покорить бабидовъ и желаетъ удержать за собою имя героя—побѣдителя и заслужить шахскую милость. Этотъ инстинктъ вообще всѣхъ великихъ по имени людей, которые гребутъ жаръ чужими руками, заставилъ правителя мазандаранскаго поторопиться и съ другой стороны неожиданно осадить бабидовъ, имѣя въ виду ту политику, что если онъ даже найдетъ ихъ покоренными, то будетъ имѣть право приписать себѣ честь войны какъ главнокомандующій.—Персидскіе полки тянулись по дорогѣ къ Али-Абаду; Мегди-Кули-Мирза верхомъ съ своей свитой ѣхалъ впереди. Когда они дошли до переправы черезъ Кара-Су [1]), принца догналъ нарочный отъ Аббасъ-Кули-Хана, который особо, по секрету, былъ посланъ, чтобы сообщить главнокомандующему о

*) Рѣчка, впадающая у Али-Абада въ рѣку Таляръ, въ 4—5 верстахъ отъ Таберси.

бѣдствіи шахова войска, увѣдомляя его высочество, что онъ снялъ лагерь, опасаясь худшихъ послѣдствій.

Это злополучное извѣстіе совершенно разстроило принца: его планъ не удался, его надежды рушились. Онъ велѣлъ направить путь на мѣстечко Кея-Куля. Здѣсь ночью его высочество собралъ военный совѣтъ. Разсуждали долго: иные говорили въ пользу продолженія осады, другіе противъ нея. Наконецъ какой-то голосъ сказалъ: «Вотъ два раза бабиды разбили шахское войско; теперь страхъ насъ обуялъ всѣхъ. Если они разобьютъ насъ и въ третій разъ, тогда придется Шаху проститься съ Мазандараномъ. Лучше всего собрать достаточное число войскъ, идти на непріятеля въ полной дисциплинѣ, производить правильную осаду сообразно съ существующими правилами блокадъ». —Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ; но войска требовали отдыха. Четыре дня назначено для этого, на пятый день крѣпость бабидовъ была уже окружена. Тутъ первое, что привело въ ужасъ главнокомандующаго—это изувѣрство бабидовъ надъ тѣлами убитыхъ сарбазовъ и нукеровъ! Картина была отвратительная: обгорѣлые, безглавые трупы лежали изуродованные волками и гіеннами; ряды обезображенныхъ человѣческихъ головъ, насаженныхъ на длинные шесты, поселяли отвращеніе и ужасъ въ зрителяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вопіяли о мести. Принцъ не могъ оставаться вблизи этого мѣста; онъ подвинулся къ деревнѣ *Кашта*, въ 4 верстахъ отъ Шейхъ-Таберси. Здѣсь присоединился къ принцу Аббасъ-Кули-Ханъ съ своими войсками. Три дня проведено въ обсужденіи плана осады; затѣмъ по распоряженію главнокомандующаго выстроены въ разныхъ пунктахъ противъ крѣпости бабидовъ башни и укрѣпленія, проведены траншеи и мины и всѣ укрѣпленія заняты достаточнымъ числомъ людей и орудій и по всѣмъ направленіямъ поставлены сильные караулы для предупрежденія неожиданнаго нападенія.

Прошло не мало времени, и осажденные не имѣли никакого сообщенія съ жителями близлѣжащихъ деревень; начали терпѣть нужду. Еще мѣсяцъ — и тогда имъ пришлось бы умирать съ голоду; между тѣмъ укрѣпленія кругомъ крѣпости ежедневно умножались; отъ безпрерывныхъ выстрѣловъ изъ этихъ укрѣпленій разными зажигательными снарядами погибали люди и горѣли временныя лачуги въ крѣпости. По словамъ историка одинъ гератскій артиллеристъ шахскаго войска выдумалъ какой-то снарядъ, начиненный горючими веществами, въ родѣ ракеты, который навѣсно могъ летѣть около 250 саженъ; этими ракетами всѣ жилища бабидовъ были сожжены, такъ что отъ огня и выстрѣловъ спасались въ подземельяхъ. Осажденнымъ трудно было бороться. Они рѣшились на отчаянное средство и выжидали благопріятнаго случая. Въ самомъ близкомъ пунктѣ на западѣ Шейхъ-Таберси строилась башня, которая, своимъ положеніемъ и величиною, могла быть слишкомъ опасною для осажденныхъ. Ее строилъ *Бала-Рустакскій Джафаръ-Кулиханъ*, изъ Хазаръ-джериба, по словамъ историка, лучшій инженеръ во всемъ войскѣ. Предъ тѣмъ, какъ это укрѣпленіе было доведено до окончанія, снабжено нужными орудіями, укомплектовано войскомъ, бабиды, въ числѣ 200 человѣкъ, ночью устремились туда и заняли его. Хаджи-Мохаммедъ-Али приказалъ своимъ стрѣлкамъ и артиллеристамъ изъ крѣпости защищать непріятельскую дорогу справа и слѣва къ этому укрѣпленію, чтобы этимъ дать время и возможность своимъ молодцамъ исполнить возложенное на нихъ порученіе. Вылазка была удачна; бабиды заняли укрѣпленіе, убили 30 сарбазовъ и одного изъ начальствующихъ лицъ, именно *Тахмасъ-Кули-Хана*, смертельно ранили самого *Джафаръ-Кули-Хана* и до основанія разоривъ укрѣпленіе, безпрепятственно возвратились назадъ. Уронъ бабидовъ въ этомъ дѣлѣ состоялъ изъ 2-хъ убитыхъ и 4-хъ тяжело раненыхъ.

Третье печальное и постыдное событіе возбудило волненіе въ шахскомъ войскѣ. Многіе выражали неудовольствіе противъ распоряженій главнокомандующаго. Историкъ обвиняетъ его въ лѣности тамъ, гдѣ нужна была дѣятельность и расторопность, въ поспѣшности тамъ, гдѣ нужно было беречь войска и дать имъ отдыхъ. Сверхъ того его самолюбіе поглощало всякое чувство сожалѣнія и человѣколюбія—говорили Сарбазы, и историкъ вмѣстѣ съ ними обвиняетъ его въ слѣдующемъ поступкѣ. Джафаръ-Кули-Ханъ, получивъ тяжелыя раны, немедленно былъ отправленъ начальникомъ ближайшаго укрѣпленія въ городъ Сари для излеченія. Принцъ, узнавъ объ этомъ, долго разсердился на такое самовольное распоряженіе, что велѣлъ воротить больнаго съ половины дороги. Несчастнаго привезли назадъ и онъ въ ту же ночь умеръ: въ смерти его обвинили принца. Но мы въ этомъ не вполнѣ сочувствуемъ персидскому историку, если вся вина обвиненнаго состоитъ только въ этомъ. Не говоря о томъ, что главнокомандующій имѣлъ полное право взыскать за самовольное распоряженіе, мѣра имъ принятая здѣсь о непопущеніи Джафаръ-Кули-Хана въ городъ Сари, гдѣ и безъ того жители томились отъ безпокойства, а теперь съ нетерпѣніемъ ожидали благопріятнаго извѣстія о покореніи Шейхъ-Таберси, вѣроятно и почти несомнѣнно была основана на той мысли, чтобы не дать еще причинъ къ новымъ безпокойствамъ и волненіямъ между жителями города.— Какъ бы то ни было, но удачная вылазка бабидовъ и въ этотъ разъ посѣяла страхъ и волненіе между осаждавшими и цѣлые мѣсяцы прошли въ бездѣйствіи.

XI.

Новыя мѣры правительства.

Неудача бабидовъ въ четвертой вылазкѣ.

(Въ маѣ 1849 г.)

Безпрестанныя неудачи въ Мазандаранѣ привели правительство въ отчаяніе. Вѣроятно Шахъ сомнѣвался въ вѣрноподданническомъ чувствѣ мазандаранцевъ и подозрѣвалъ измѣну. Онъ грозилъ, говоритъ историкъ *Супехръ*, омыть мечъ въ крови мазандаранцевъ и совершенно истребить ихъ! «Вотъ четыре мѣсяца, говорилъ Шахъ въ гнѣвѣ, какъ мазандаранскія войска не могутъ сладить съ горстью мятежниковъ, запершихся въ Шейхъ-Таберси! Мы думали что наши войска, по одному нашему слову, бросятся въ огонь и въ воду и не покажутъ тылу ни львамъ, ни крокодиламъ, между тѣмъ выходитъ, что такое долгое время они проводятъ въ постыдныхъ уступкахъ какой нибудь безпорядочной толпѣ мятежниковъ и въ праздности; и мазандаранская знать поджигаетъ огонь мятежа и безпорядка, видя въ ихъ продолженіи собственную пользу и путь къ нашему благоволенію!» Этими угрозами Шахъ выражалъ мысль, что «*средоточіе могущества всего міра*» не станетъ кланяться мазандаранской знати, прося ее укротить мятежъ бабидовъ, а сочтетъ всѣхъ ихъ равномѣрно мятежниками и изъ мести предастъ огню и мечу всю провинцію, вмѣстѣ съ бабидами, такъ что свѣтъ подумаетъ, что Мазандарана никогда не существовало!» Трепеща шахскаго гнѣва, всѣ царедворцы «преклонили главы умиленія къ землѣ» и просили о пощадѣ; военная администрація обязалась во что бы то ни стало уничтожить бабидовъ.»

Какъ ни льстиво описаніе этого момента шахскаго гнѣва, но оно доказываетъ, что возстаніе бабидовъ въ Мазандаранѣ сильно тревожило столицу. Назначили въ походъ *Сулейманъ-*

Хана-Афшара, одного именитаго въ современной исторіи Персіи генерала. Его Шахъ назначилъ лишь въ помощь своему дядѣ [1]), принцу правителю мазандаранскому; ибо уваженіе родственныхъ связей почти вездѣ одинаково занимаетъ первое мѣсто въ *консидераціи*, а въ Персіи и Богъ велѣлъ это; да и куда дѣвать этихъ мирзъ «*сзади*», когда ихъ почти столько же сколько мирзъ «*спереди*» [2])? Мегди-Кули-Мирза продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ; но главное распоряженіе дѣломъ осады, равно какъ и разбирательство причинъ такого долгаго замедленія со стороны мазандаранскихъ властей въ усмиреніи мятежниковъ, было возложено на Сулейманъ-Хана.

Мы не знаемъ обидился ли Мегди-Кули-Мирза этимъ назначеніемъ, но мы все-таки видимъ его дѣйствующимъ лицомъ и въ продолженіи остальнаго времени осады бабидовъ.—Слухъ о новомъ назначеніи, какъ видно, много ободрилъ шахское войско. Оно успѣло уже отдохнуть. Все занятіе его заключалось лишь

---

[1]) Мегди-Кули былъ сынъ покойнаго Аббасъ-Мирзы, стало быть братъ (только отъ разныхъ матерей) Мохаммедъ-Шаха, отца нынѣ царствующаго Насыруд-динъ-Шаха.

[2]) Слово мирза, сокращенное отъ *мирз-задэ*, значитъ рожденный отъ *мира*, а *мирз* по арабски сокращено изъ *амирз*, что значитъ повелитель, владыка и т. п. Въ новой исторіи Востока *амирз* употребляется въ смыслѣ *генерала, полководца*; а *мирз*—вмѣсто *Сейидз*—остается только титуломъ потомковъ пророка Мохаммеда. Мирза-же въ средней исторіи Востока значило—*князь* и князьями перешли къ намъ татарскіе *мурзы* (мирзы и мурза—одно и то же). Въ Персіи въ послѣднее время, и именно съ прошлаго столѣтія, мирзою началъ называться безъ разбора всякій дворянинъ и недворянинъ, грамотный и неграмотный. Слѣдствіемъ этого было то, что правительство, для различія между мирзами-самозванцами и мирзами-князьями, распорядилось и строго приказало, чтобы у послѣднихъ перенесть титулъ «*спереди* къ *заду*» т. е. съ начала имени въ конецъ его. Съ тѣхъ поръ всѣ *шахзады*, т. е. настоящіе принцы, отличаются этимъ перемѣщеніемъ слова *мирза* къ концу

въ прегражденіи осажденнымъ путей сообщенія съ жителями окрестныхъ селеній; осажденные же не имѣли средствъ къ новой вылазкѣ и занимались только исправленіемъ своихъ укрѣпленій.

Прошло мѣсяцъ или болѣе времени. Наконецъ, съ прибытіемъ новаго генерала начались неудачи и несчастія бабидовъ. По его распоряженію приступили къ самой правильной осадѣ, противъ которой осажденнымъ нельзя было бороться, въ особенности при такомъ множествѣ непріятельскаго войска. Выстроены новыя укрѣпленія, проведены новыя траншеи и мины; все было готово къ атакѣ. Въ назначенный для этого день шахское войско, распоряженіемъ Сулейманъ-Хана, выстроилось на четырехъ пунктахъ въ правильныя колоны; двѣ мины съ восточной и западной сторонъ крѣпости были совершенно го-

---

своего имени. Сверхъ того въ этомъ перемѣщеніи правительство нашло двѣ стороны приличія: а) выраженіе *личности* особы высокаго происхожденія должно занимать *первое* мѣсто предъ выраженіемъ его титула; б) въ турко-татарской дипломатіи, столь сильной на Востокѣ со временъ Гелагу-Хана, выраженіе титула (Каанъ, Ханъ, Бекъ или Бей) всегда *слѣдуетъ* за выраженіемъ личности, т. е. собственнаго имени. Второе, т. е. подражаніе турко-татарской дипломатіи тѣмъ болѣе принято въ руководство, что нынѣ царствующая династія *каджарская* принадлежитъ турскому происхожденію. На этомъ основаніи и слово *шахъ* (государь) у Каджаридовъ ставится послѣ собственныхъ именъ, какъ наприм. Мохаммедъ-Шахъ, Насируд-динъ-Шахъ; тогда какъ у Сефевидовъ это было наоборотъ: Шахъ-Аббасъ, Шахъ-Исмаилъ и т. п. На этомъ же основаніи измѣняетъ свое значеніе слово *ага* въ Персіи: оно просто значитъ *господинъ* (monsieur), когда находится *предъ* собственнымъ именемъ, и *князь* второй степени, *послѣ* собственнаго имени. И такъ Мирза-Аббасъ или Ага-Аббасъ значитъ господинъ Аббасъ (только мирза здѣсь немного болѣе значитъ чѣнъ *ага*); Аббасъ-Мирза значитъ *принцъ* Аббасъ (сынъ или внукъ царскій); Аббасъ Ага — князь или дворянинъ Аббасъ.

Нынѣ этихъ мирзъ *въ концѣ*, т. е. персидскихъ принцевъ, происходящихъ отъ Фетхъ-Али-Шаха, считается до 400 человѣкъ.

*

товы. По сигналу эти мины должны были быть взорваны и, вмѣстѣ съ этимъ, всѣ четыре колоны должны были броситься въ штыки на крѣпость. Наступилъ моментъ и сигналъ данъ: мина съ восточной стороны произвела взрывъ такъ удачно, что стѣна крѣпости съ земляною насыпью, на протяженіи 50 аршинъ, взлетѣла на воздухъ; но мина съ западной стороны не причинила никакого вреда, потому что она не была доведена вплоть до стѣны. Несмотря на это, колоны двинулись и съ крикомъ «Аллахъ» бросились съ восточной стороны въ обрушившіеся промежутки; но сильный огонь бабидовъ, которые съ неописаннымъ самоотверженіемъ сами стремились навстрѣчу войскамъ, удержалъ ихъ; пошла рукопашная рѣзня. Здѣсь историкъ описываетъ храбрость нѣкоего Мирзы-Керимъ-Хана [1]), одного изъ офицеровъ шахскаго войска, который, презирая опасность, съ знаменемъ въ рукахъ, занялъ одну башню бабидовъ и за нимъ поспѣшили было и другіе офицеры и сарбазы; но опять распоряженіе главнокомандующаго помѣшало имъ довершить начатое дѣло. Мегди-Кули-Мирза, видя большой уронъ въ шахскомъ войскѣ, велѣлъ трубить отбой, и всѣ осаждающіе, вопреки желанію военачальниковъ, были принуждены оставить приступъ.

Въ лагерѣ опять заговорили о новомъ постыдномъ поступкѣ главнокомандующаго. Въ военномъ совѣтѣ положили—было на другой день повторить приступъ; но вѣрнѣйшій слухъ о бѣдственномъ положеніи осажденныхъ перемѣнилъ обстоятельства дѣла; говорили: еще нѣсколько дней, и бабиды будутъ просить о пощадѣ, и въ самомъ дѣлѣ такъ случилось. Голодъ и болѣзни довели осажденныхъ до отчаянія; данное обѣщаніе Хаджи-Мохаммедъ-Али ни съ которой стороны не сбывалось. Три года про-

[1]) Это одинъ изъ двухъ офицеровъ, которые нанесли смертельныя раны Муллѣ-Хусейну (см. выше въ концѣ п. IX).

повѣдуя ученіе Баба, онъ обѣщалъ своимъ послѣдователямъ побѣды и блаженства; но вмѣсто того день ото дня ихъ положеніе становилось хуже и хуже. Многіе роптали, но никто не смѣлъ явно выразить свое мнѣніе: смерть висѣла надъ головою всякаго, кто осмѣливался выразить сомнѣніе.

Не прошло трехъ дней, какъ нѣкто *Ага-Ресулъ*, одно изъ начальствующихъ лицъ бабидовъ, успѣлъ имѣть тайное свиданіе съ главнокомандующимъ и вымолить прощеніе какъ ему, такъ и всѣмъ тѣмъ, которые вмѣстѣ съ нимъ оставятъ крѣпость и прибѣгнутъ къ пощадѣ. Сдѣлавъ это, онъ ночью вышелъ изъ крѣпости съ 30 человѣками и спокойно направилъ путь къ шахскому войску. Когда онъ приблизился, то неизвѣстно, съ коварною-ли цѣлью, или въ самомъ дѣлѣ отъ невѣдѣнія, лариджанскіе нукеры напали на нихъ и убили какъ Агу-Ресуля, такъ и многихъ другихъ; остальные принуждены были искать спасенія въ обратномъ бѣгствѣ въ крѣпость; но они жестоко ошиблись: Хаджи-Мохаммедъ-Али велѣлъ имъ отрубить головы за измѣну. Однакожъ несмотря на коварство съ одной стороны и строгость съ другой, довольно значительное число осажденныхъ вошли въ тайные переговоры съ персидскими войсками и ночью оставили крѣпость и спаслись бѣгствомъ. Въ числѣ ихъ явился къ главнокомандующему извѣстный Риза-Ханъ, давно принявшій ученіе Баба, присоединившійся къ мятежникамъ и находившійся до сихъ поръ въ крѣпости. Правитель Мазандарана хотя пощадилъ его съ приближенными, но передалъ ихъ, до поры до времени, подъ надзоръ одного изъ своихъ военачальниковъ, по имени *Гади-Хана* [1]).

Въ крѣпости остались только такіе бабиды, которые клялись

---

[1]) По другому преданію, болѣе вѣрному Риза-Ханъ оставался въ крѣпости до самаго конца; онъ вышелъ вмѣстѣ съ Хаджи-Мохаммед-Али и былъ коварно убитъ въ числѣ прочихъ Бабидовъ.

быть вѣрными своему призванію и совершенно простились съ жизнію во славу своего ученія. Числомъ ихъ было теперь не болѣе 300 человѣкъ. Они не имѣли ровно никакихъ жизненныхъ запасовъ и питались травою и мясомъ издохшихъ своихъ лошадей. Очевидцы говорятъ, что часто приходилось бабидамъ искать себѣ пищи въ норахъ мышей и крысъ. По словамъ историка, они вырыли изъ земли и употребили въ пищу даже трупъ коня, принадлежавшаго ихъ падшему герою, Муллѣ-Хусейну. Этотъ конь за нѣсколько времени предъ симъ издохъ отъ смертельной раны и бабиды считали его слишкомъ священнымъ, чтобы не предать его землѣ съ надлежащимъ почетомъ! Такое безъисходное положеніе внушило бабидамъ мысль сдѣлать четвертую вылазку, хотя вопреки всѣхъ вѣроятій на удачу. Выбрали для этого начало первой стражи ночи, когда мусульмане обыкновенно занимаются совершеніемъ всеночной молитвы (начиная чрезъ полчаса по закатѣ солнца и до 10 часовъ ночи). Самое близкое укрѣпленіе, гдѣ стояла батарея *Мирзы-Абдуллы*, на западъ отъ крѣпости, внезапно пришло въ ужасъ, когда на вершинѣ башни раздался голосъ: «я здѣсь, за мною, братья!» Это былъ одинъ изъ бабидовъ. Люди въ это время молились. Оставивъ *намазъ*, всѣ бросились къ оружію и первымъ дѣломъ, за которое они взялись, была защита узкой дороги къ укрѣпленію, по которой успѣли пробраться только три бабида. Она состояла изъ временнаго моста на глубокомъ рвѣ, окружающемъ самое укрѣпленіе. Сюда не иначе можно было попасть какъ только этимъ путемъ. Бабиды, числомъ неизвѣстно сколько, оставивъ крѣпость, незамѣтно пробрались до этого мѣста. Они бы вполнѣ достигли цѣли, если бы не горячая голова перваго отчаяннаго влѣзшаго на башню. Какъ скоро мостъ былъ снятъ, то остальнымъ бабидамъ не было уже возможности попасть въ укрѣпленіе. Между тѣмъ тревога вызывала людей отовсюду; бабидовъ преслѣдовали до ихъ крѣпости: вездѣ ихъ били и гнали, такъ

что ихъ на мѣстѣ осталось около 80 убитыхъ. Изъ трехъ, забравшихся въ укрѣпленіе, одинъ, который занималъ вершину башни, удерживалъ свой постъ все время, покуда происходила ужасная рѣзня; его не брала ни пуля, ни мечъ; наконецъ и онъ былъ убитъ посредствомъ обмана.

Въ этомъ дѣлѣ уронъ шахскаго войска также былъ значителенъ.

XII.

Истребленіе Бабидовъ посредствомъ обмана.

(Въ іюлѣ и августѣ 1849 г.).

Новая потеря въ шахскомъ войскѣ не могла не тревожить какъ главнокомандующаго, такъ и его помощника, Сулейманъ-Хана-Афшара. Они ужасались шахскаго гнѣва, ужасались потому, что враги могли преувеличить дошедшій до столицы слухъ и обвинить предъ раздраженнымъ уже шахомъ военное начальство въ новой мнимой измѣнѣ. Рѣшились на другой день, во чтобы то ни стало, ворваться въ крѣпость къ бабидамъ и истребить ихъ.

Съ другой стороны осажденные, видя приготовленія, не имѣли никакой надежды на малѣйшій успѣхъ; они были тѣ же голодные, тѣ же утомленные, а числомъ вдесятеро слабѣе прежняго. Рѣшились умереть съ честью. Но Хаджи-Мохаммедъ-Али теперь разсуждалъ не такъ, и на это онъ имѣлъ новый поводъ. Цѣль его и его собратовъ, вождей бабидовъ, сподвижниковъ ученія Баба, состояла не въ однихъ героическихъ подвигахъ жизни; они желали достигнуть благихъ цѣлей черезъ реформу въ управленіи, черезъ уничтоженіе власти гнуснаго духовенства. Въ это время дошли слухи о сборахъ бабидовъ въ городѣ *Зенганѣ*, гдѣ преподавалъ ученіе Баба еще болѣе примѣчательный человѣкъ, подъ именемъ *Мулла-Мохаммедъ-*

Али. Хаджи, потерявъ всю надежду сдѣлать что нибудь въ Мазандаранѣ, гдѣ уже и народъ пересталъ сочувствовать его положенію, теперь мечталъ о средствахъ присоединенія къ Зенганскимъ братьямъ. На этомъ основаніи онъ вошелъ въ переговоры съ правителемъ Мазандарана. «Много пролилось крови—писалъ онъ принцу;—пора прибѣгнуть къ миру. Вы можете побѣдить насъ, но эта побѣда будетъ стоить вамъ гораздо больше потерь, нежели вы ожидаете. Лучше позвольте намъ разойтись, и мы даемъ слово вамъ, что разойдемся по домамъ и спокойствіе водворится въ Мазандаранѣ.» Мегди-Кули-Мирза согласился на предложеніе, но въ душѣ утаилъ другую мысль. Онъ писалъ: «Если вы покоритесь и не отвергнете шіитскаго исповѣданія *имамидско-исна-ашаридскаго* [1]), то и ваша жизнь и ваше имущество принадлежатъ вамъ; они тогда, по законамъ нашимъ, непрекосновенны.» Неизвѣстно, справедливо ли указаніе историка объ этомъ условіи, но говорятъ что было нѣчто въ этомъ родѣ и составленъ былъ письменный актъ, скрѣпленный и подписанный самимъ главнокомандующимъ и его свитой. Въ знакъ благоволенія своего правитель Мазандарана отправилъ, по придворному персидскому обычаю, одну изъ своихъ верховыхъ лошадей для главы новыхъ друзей, увѣдомивъ его, что какъ для его высокостепенства, такъ и для всей его свиты и его людей, готовы особенныя ставки, невдалекѣ отъ лагеря шахскаго войска.

Утромъ другаго дня Хаджи-Мохаммедъ-Али съ своими муридами въ полномъ вооруженіи выѣхалъ изъ крѣпости; онъ сидѣлъ на присланномъ ему борзомъ конѣ, за нимъ ѣхали главные его военачальники, и остальные бабиды въ числѣ 214 человѣкъ, съ обнаженными мечами шли у стремянъ ихъ въ полномъ порядкѣ. Встрѣча была великолѣпная. Почетнымъ пріемомъ

---

[1]) См. гл. III. отд. I. п. 4—5.

этого главы бабидовъ и ласковымъ обращеніемъ съ его спутниками, хитрый принцъ такъ обнадежилъ ихъ въ искренности своего обѣщанія, что всѣ они были очарованы. Ничего не оставалось, какъ только *вѣрить слову* и—сложить оружіе. Этого только и ожидали. Вдругъ, по данному приказанію, въ лагерѣ перерѣзали всю свиту Хаджи-Мохаммеда, исключая самого его, и нѣкоторыхъ его военачальниковъ; потомъ окружили бабидовъ, схватили всѣхъ и тутъ же предали ужаснымъ мученіямъ. По словамъ г. Севрюгина, ихъ, въ числѣ 300 человѣкъ, облили нефтью и сожгли живьемъ. [1]) Не пощадили также и Риза-Хана и нѣкоторыхъ другихъ, недавно добровольно передавшихся главнокомандующему. Хаджи-Мохаммедъ-Али и нѣкоторыхъ изъ главныхъ лицъ, въ числѣ шести человѣкъ, оставили для публичной казни, которая и совершена была надъ ними послѣ въ Баръ-Фурушѣ, главномъ городѣ Мазандарана. По словамъ г. Севрюгина, Мулла-Юсуфъ былъ привязанъ къ пушкѣ и разстрѣлянъ [2]). Такъ позорно кончилась судьба бабидовъ въ Мазандаранѣ.

Въ это же время, говорятъ, была схвачена героиня бабидовъ, *Гкурретулъ-Айнъ* (только намъ не извѣстно гдѣ) и привезена въ Тегеранъ, гдѣ отдана была подъ надзоръ Кедянтера или оберъ-полиціймейстера Махмудъ-Хана [3]). Тутъ она находилась до эпохи истребленія бабидовъ въ Тегерани и во всей Персіи въ 1852 году, когда и ее тайно предали смерти.

---

[1]) По словамъ персидскаго историка, имъ всѣмъ перепороли животъ и спаслось только весьма малое число. Одно другаго стоитъ!

[2]) Мы говорили уже что въ персидскомъ историкѣ мы не нашли Муллу-Юсуфа въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ Мазандаранѣ. (см. стр. 73 въ примѣчаніи).

[3]) Г. Мошнинъ ошибочно думаетъ, что Махмудъ-Ханъ былъ тотъ самый, который находился въ Петербургѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ со стороны Шаха съ 1851 года (въ это время онъ пріѣхалъ съ чрезвычайнымъ

XIII.

Дѣла Зенгана.

Въ одно и то же почти время съ окончаніемъ мазандаранскаго дѣла былъ казненъ въ Тавризѣ Бабъ (19 іюля 1849 года). Разсѣянные тамъ и сямъ адербиджанскіе и иракскіе бабиды тайно помышляли о возстаніи. Разбѣжавшіеся милянскіе муриды частію, мало-по-малу присоединились къ мазандаранскимъ бабидамъ и сдѣлались жертвами въ описанномъ нами печальномъ дѣлѣ, частію же съ иракскими муридами собрались въ *Зенджанѣ* или *Зенганѣ*, городъ въ Иракъ-Аджамѣ (около 46 долг. и 36—50 сѣв. шир., на 50 верстахъ къ сѣв. западу отъ Султаніэ), имя котораго останется навсегда памятно въ исторіи революцій въ Персіи. Сюда же стекались постепенно бабиды и изъ другихъ мѣстъ Ирака и тайно составляли планъ будущихъ дѣйствій противъ правительства и духовенства. Персидскій историкъ первоначальные успѣхи ученія Баба въ этомъ древнемъ городѣ, и причину сбора туда изъ разныхъ мѣстъ праздношатающихся бабидовъ, относитъ къ слабости характера жителей города, извѣстныхъ своею склонностію къ предразсудкамъ. Какъ бы то ни было, но еще въ началѣ царствованія Насыруд-динъ-Шаха мы видимъ въ Зенганѣ быстрое распространеніе этого ученія.

Прежде описанія Зенганскаго дѣла, считаемъ не лишнимъ

посланникомъ въ качествѣ *совѣтника* и съ 1853 года оставался здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ) по 1855 годъ. Того звали Махмудъ-Ханъ-Гкарагузлю, а тегеранскаго келянтера — просто Махмудъ-Ханъ; да притомъ я знаю навѣрное, что это совершенно разныя личности. Келянтеръ въ началѣ 1861 года, вслѣдствіе многихъ злоупотребленій, приписанныхъ ему справедливо или несправедливо, лишился шахской милости и самой жизни; Гкарагюзлю же съ 1859 по 1862 годъ занималъ въ Тегеранѣ должность министра коммерціи, а нынѣ шахскимъ полномочнымъ посланникомъ въ Лондонѣ.

сказать о нѣкоторыхъ вообще благопріятныхъ для успѣха бабидовъ обстоятельствахъ въ этомъ городѣ.

1. Безпорядки въ Хорасанѣ.

Кромѣ усмиренія бабидовъ въ разныхъ мѣстахъ и льутіевъ въ Исфагани и въ Тавризѣ, новому персидскому правительству предстояло въ то время (въ сентябрѣ и октябрѣ 1848 г.) еще важное политическое дѣло; это—походъ въ Хорасанъ и утушеніе тамъ возникшаго возстанія *Саляра*. Это дѣло, начавшееся еще во время несчастнаго управленія Хаджи-Мирзы-Агаси, стоило Шаху большихъ издержекъ и многихъ трудовъ, такъ что позже оно поневолѣ должно было отвлечь вниманіе перваго министра, Мирзы-Таѓи-Хана отъ внутреннихъ безпорядковъ въ государствѣ, ибо хорасанскій бунтъ могъ грозить опасностью, и даже грозилъ ею престолу юнаго Шаха. Подробность этого дѣла была бы неумѣстна здѣсь и притомъ она много отвлекла бы насъ отъ программы настоящей нашей задачи; упомянуть объ немъ намъ нужно было только для того, чтобы сказать оно много способствовало успѣхамъ бабидовъ. Въ это время зенганскіе муриды почти безпрепятственно могли приготовиться къ возстанію.

2. Примѣчательное лице.

За нѣсколько лѣтъ до распространенія ученія Баба, одинъ изъ муджтехидовъ, въ религіозныхъ спорахъ высказалъ весьма дерзкое, неслыханное до той поры мнѣніе, что «вина не должно считать нечистымъ или поганымъ (нэджесъ) веществомъ, и что бы оно считалось таковымъ, того не видно ни изъ Корана, ни изъ преданій.» — Здѣсь надо замѣтить, что муджтехиды часто расходятся въ мнѣніяхъ относительно чистоты или нечистоты, позволительности или непозволительности, говоря

о предметахъ физическаго міра. Цѣлыя главы въ началѣ всякой религіозно-юридической книги (фигкхъ) трактуютъ объ этомъ подъ общимъ заглавіемъ *техаретъ*. Напримѣръ *свинья, собака, невѣрный, кровь, мертвое тѣло, вино и все хмѣльное* суть поганы, прикосновеніе къ нимъ воспрещается. Если изъ означенныхъ жидкостей капля попадетъ на одежду мусульманина, или платье его коснется собаки, свиньи и невѣрнаго, когда есть влажность въ платьѣ или въ этихъ предметахъ, то мусульманинъ не иначе можетъ совершить молитву, какъ по положенномъ очищеніи. Торгъ погаными предметами и употребленіе ихъ также запрещается. Напримѣръ, нельзя ни ѣсть свинины, ни пить вина, равно какъ нельзя ни продавать, ни покупать ихъ. Но нѣкоторые вопросы по сему предмету подлежатъ спору: куреніе табаку, употребленіе опіума, продажа и покупка выдѣланной кожи и т. п. — иными дозволяется, а иными воспрещается. Вся премудрость духовныхъ, къ сожалѣнію, состоитъ въ подобныхъ спорахъ и разсужденіяхъ [1]). Но о чистотѣ и позволительности вина до сихъ поръ никто не осмѣлился выговорить ни слова.

Противъ дерзкаго возстало все духовенство, но ничего не могло сдѣлать, потому что самъ онъ былъ признанный авторитетъ, и между тѣмъ похвальное его слово пріобрѣло ему многихъ прозелитовъ изъ любителей вина, которыхъ на Востокѣ не мало. Этого ученаго звали *Мулла-Мохаммедъ-Али*. Онъ кончилъ курсъ ученія въ Мазандаранѣ у знаменитаго во всей Персіи муджтехида, по имени *Шерифуль-Улема*. Пріобрѣвъ тамъ званіе муджтехида же, онъ переселился въ Зенганъ и здѣсь началъ проповѣдывать о новомъ своемъ ученіи. Споры продолжались; появились брошюры и цѣлые трактаты. Мудж-

---

[1]) См. наприм. *Шерагуль-Ислямъ*. первый выпускъ. изд. въ С. Петербургѣ въ 1862 г., ст. 1—4. Таже гл. III. этой статьи отдѣленія 1 пунктъ 5.

техидова партія умножилась; молва переходила изъ слоя въ слой мусульманскаго общества и произвела смятеніе. Муджтехидъ твердо, непоколебимо боролся съ бурею и, руководимый истиною, вынесъ изъ нея еще драгоцѣнную жемчужину мысли — что *въ природѣ ничего нѣтъ нечистаго!* Сколько истина эта ни была противна мусульманскому фанатизму и вѣковымъ предразсудкамъ, но многіе увлеклись ею, многіе исповѣдывали ее. Скоро собралось къ муджтехиду множество своего рода пуританъ, отдѣлившихся отъ общей массы фанатиковъ. Но въ это время начало распространяться ученіе бабидовъ. Персидское правительство сначала взялось за этого муджтехида. Это было въ исходѣ 1846 или въ началѣ 1847 года. Покойный Шахъ велѣлъ привесть его изъ Зенгана, гдѣ онъ надѣлалъ столько шума и передать его подъ надзоръ келянтеру Махмудъ-Хану. Однакожъ во время междуцарствія мы опять видимъ его въ Зенганѣ, но не тѣмъ уже, чѣмъ-былъ прежде, а самымъ дѣятельнымъ и самымъ твердымъ бабидомъ. Полагаемъ, что онъ, увидя въ основномъ ученіи Баба и цѣли бабидовъ, много родныхъ ему элементовъ и, при томъ, желая воспользоваться возрастающею во всей Персіи славою Баба, почелъ выгоднымъ, для достиженія общей цѣли, принять названіе бабида и присоединиться въ Зенганѣ къ этой партіи. Дѣйствительно это и случилось и онъ былъ принятъ бабидами съ искреннимъ торжествомъ. Историкъ *Супехръ*, по своему описывая бѣгство его изъ Тегерана въ это смутное время, подробно говоритъ объ этомъ торжественномъ пріемѣ. Не много времени надо было для того, чтобы такой энергичный человѣкъ, какимъ является Мулла-Мохаммедъ-Али, пріобрѣлъ первенство между зенганскими бабидами.

Обратимся къ своему повѣствованію. Скоро слухъ о безпокойствахъ въ Мазандаранѣ разнесся повсюду. Зенганъ нахо-

дился почти на половинѣ пути отъ Тавриза къ Тегерани; жители города, до этого еще раздѣленные на двѣ части—шіитовъ и болѣе или менѣе тайныхъ бабидовъ, сперва жили въ тишинѣ и спокойствіи. Послѣдніе всячески старались увеличить число почитателей Баба, «страдающаго—по ихъ словамъ—отъ безчеловѣчья за истину и вслѣдствіе злобы необузданнаго духовенства»,— и въ этомъ успѣли. Многіе изъ жителей близь-лежащихъ селеній скоро присоединились къ бабидамъ. Мулла Мохаммедъ-Али, въ главѣ всѣхъ бабидовъ, теперь открыто началъ проповѣдывать. Пользуясь слабостію губернатора Амиръ-Арсланъ-Хана [1]), его безпечностью и недальновидностью, а еще болѣе увлеченіемъ правительства въ дѣлахъ Мешеда, и между тѣмъ, не теряя надежды на успѣхи мазандаранскихъ своихъ собратовъ, онъ началъ тайно закупать и складывать въ одно мѣсто оружіе, боевые снаряды и съѣстные припасы. Бабиды постепенно умножались; жители города, почти на-половину принявшіе новое ученіе, равно какъ и жители близь-лежащихъ сёлъ, всѣ единодушно поклялись защищать свое убѣжденіе, свою свободу и независимость отъ духовенства до послѣдней минуты жизни [2]). Все шло безпрепятственно и согласно ожиданію. Но первыя непріятности начались между ними съ согражданами ихъ, шіитами Зенгана.

---

[1]) По словамъ г Мошинина, зенганскій губернаторъ самъ старался продолжить бѣдственное положеніе города, находя въ томъ свою личную выгоду.

[2]) Персидскій историкъ возводитъ число всѣхъ бабидовъ до 15.000 человѣкъ; но въ Зенганѣ болѣе 12.000 человѣкъ нѣтъ жителей, половина которыхъ были шіиты и мы не знаемъ, чтобы въ деревняхъ было такое количество муридовъ, какъ наприм. отъ 6 до 9 тысячъ. По другимъ извѣстіямъ всѣхъ бабидовъ въ Зенганѣ въ это время было не болѣе 7.000 человѣкъ.

XIV.

Первые безпорядки и открытое возстаніе бабидовъ въ Зенганѣ.

(Въ Маѣ 1849 г.)

Политика Муллы-Мохаммедъ-Али состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было мѣрами умножить число послѣдователей ученія Баба, поселить въ своихъ мурндахъ любовь и самоотверженія и приготовить сильное ополченіе для нужнаго времени. Онъ мало зналъ о настоящемъ положеніи дѣда въ Мазандаранѣ, объ участи Баба въ Адербиджанѣ; между тѣмъ долго онъ старался ободрить всякаго ближняго и дальняго, изъ своихъ, чтобы ни словомъ ни дѣломъ не давать повода къ упадку духа. Но и Мулла-Мохаммедъ-Али былъ воспитанникъ персидскихъ обычаевъ и азіатскаго тщеславія: несмотря на все желаніе покуда избѣгать по возможности ссоръ и кровопролитія, онъ не могъ преодолѣть себя.

Мулла-Мохаммедъ-Али не иначе ходилъ по городу и неиначе ѣздилъ въ близь-лежащія деревни, какъ съ многочисленною вооруженною свитою; его окружали постоянно отъ 600 до 1000 человѣкъ. Этого требовали частью восточное великолѣпіе, а частью и осторожность, потому что Амиръ-Арсланъ-Ханъ получилъ тайное предписаніе арестовать главу Бабидовъ и препроводить его въ столицу; а это было ему уже хорошо извѣстно. Между тѣмъ желаніе защитить честь своей прислуги доходитъ въ Персіи до страсти; въ Шекспирѣ Король Лиръ не сильнѣе чувствовалъ ее. Бывавшимъ въ Персіи извѣстно, что большая часть ссоръ и дракъ между персидскими магнатами происходитъ изъ-за прислуги; она начинаетъ, а господа оканчиваютъ. Въ Зенганѣ случилось то же. Одинъ изъ прислуги Муллы-Мохаммедъ-Али поссорился съ кѣмъ-то изъ противной партіи городскихъ жителей, вступился полицейскій чиновникъ и по приказанію

губернатора виновнаго посадили въ тюрьму. Мулла-Мохаммедъ-Али горячо заступился за свою прислугу и изъ этого вышли ужасные безпорядки, окончившіеся стычкой и возстаніемъ.

Мулла-Мохаммедъ-Али велѣлъ своимъ муридамъ во что бы то ни стало выручить посаженнаго. Всѣ бабиды вооружились и мигомъ окружили тюрьму. Губернаторъ для защиты послалъ свои войска; бабиды опрокинули ихъ, освободили всѣхъ заключенныхъ вмѣстѣ съ посаженнымъ своимъ собратомъ и обратились въ пылу гнѣва на городскихъ жителей противной партіи, поднявшихъ оружіе на нихъ, убили множество людей разнаго званія и пола, разграбили ихъ имущества и предали огню ихъ жилища. Месть разсвирѣпѣвшихъ муридовъ надъ шіитами была слѣдствіемъ давнишнихъ угрозъ послѣднихъ. Подстрекаемые своими духовными къ защитѣ правовѣрія, они давно питали ненависть къ бабидамъ и эта ненависть часто выражалась въ ихъ словахъ и поступкахъ. Но доселѣ муридовъ удерживалъ ихъ грозный повелитель; теперь же и онъ присоединился къ нимъ.

Эта побѣда ободрила бабидовъ. Мулла-Мохаммедъ-Али велѣлъ всѣмъ имъ совершенно отдѣлиться и составить правильное ополченіе. Они заняли главные кварталы города и приступили къ укрѣпленію. Нѣсколько дней прошло въ приготовленіяхъ. Глава бабидовъ, радуясь господствующему духу самоотверженія между своими муридами, почелъ нужнымъ ввести между ними возможную дисциплину. Изъ преданныхъ ему людей, въ распорядительности и благоразуміи которыхъ онъ былъ увѣренъ, онъ составилъ себѣ родъ штаба и назначилъ военачальниковъ. Въ скоромъ времени у него образовалось возможно-правильное военное управленіе и, по словамъ персидскаго историка, явилась даже артиллерія и своего рода литейная!

Губернаторъ Зенгана, видя всѣ эти приготовленія, не надѣялся на свои силы; онъ послалъ гонцовъ въ столицу съ извѣстіемъ о случившемся и просилъ о помощи. Покуда пра-

вительство успѣло принять мѣры, бабиды достаточно укрѣпились, и Мулла-Мохаммедъ-Али помышлялъ уже о пріобрѣтеніи недоступной, по мнѣнію жителей, цитадели, въ самой срединѣ города, подъ именемъ *Кальаи-Али-Мерданъ-Ханъ*. Онъ надѣялся, что укрѣпясь здѣсь, онъ выдержитъ самый сильный напоръ шахскаго войска, въ случаѣ неудачи въ открытомъ полѣ. Между тѣмъ ему дали знать объ ожиданіи губернатора, что скоро изъ столицы поспѣшатъ къ нему на помощь. Не теряя времени, онъ приготовился къ осадѣ. Въ четвергъ, 27 мая 1849 года. онъ сдѣлалъ первую атаку; но его встрѣтили какъ городскіе жители, такъ и войска, находившіяся въ распоряженіи Амиръ-Арсланъ-Хана. Въ этотъ день былъ кровопролитный бой и съ обѣихъ сторонъ легло значительное число людей. 28 мая уже ни жители, ни войска не могли противустоять, и крѣпость была взята бабидами. — Послѣ этого подвига мы видимъ у Муллы-Мохаммедъ-Али достаточно правильное военное управленіе: у него были и *генералы* и *военачальники*. Тщеславіе внушило главѣ бабидовъ мысль вытѣснить изъ города и окрестностей всю власть и одному господствовать въ околодкѣ, или, яснѣе сказать, составить отдѣльное управленіе и основать *начало княжества* бабидовъ. Онъ приказалъ одному изъ своихъ военачальниковъ, Мирзѣ-Салиху представить къ нему живаго или мертваго Амиръ-Арсланъ-Хана и для этого далъ ему отрядъ самыхъ отчаянныхъ муридовъ. Въ воскресенье, 30 мая, домъ губернатора былъ окруженъ; но изъ отрядовъ персидскаго войска, въ разныхъ пунктахъ оберегавшихъ городъ, поспѣшили на помощь Амиръ-Арсланъ-Хану три военачальника съ своими нукерами. На узкой улицѣ Зенгана завязался рукопашный бой; съ крышъ домовъ, которые были недоступны бабидамъ, начали въ нихъ стрѣлять; ни храбрость, ни отчаяніе не помогли бабидамъ; ихъ начальникъ былъ убитъ и они должны были уступить.

Неудача заставила бабидовъ позаняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ. Послѣ пяти-шестидневныхъ утомительныхъ трудовъ, они отдыхали и между тѣмъ продолжали умножать свои укрѣпленія и припасы. Губернаторъ города ожидалъ помощи.

XV.

Прибытіе новыхъ войскъ.

Непоколебимость бабидовъ и ихъ подвиги.

(Іюнь—августъ 1849 г.)

Слишкомъ двѣ недѣли прошли безъ дѣйствій. Бабиды сильно укрѣплялись и умножали свои *сенгеры* (укрѣпленія). По свидѣтельству историка, въ августѣ мѣсяцѣ у нихъ было 48 отлично-укрѣпленныхъ сенгеровъ. Сверхъ того всякая изба сама по себѣ составляла укрѣпленіе и всѣ онѣ имѣли внутреннія сообщенія, такъ что бабидамъ не-для-чего было выходить даже и на улицу.

14 іюня, по повелѣнію Шаха, *Хемсэскій* кавалерійскій полкъ, подъ командою *Садруд-Даулэ*, прибылъ изъ Султаніэ въ Зенганъ; 12-ю днями позже подоспѣли *Фирузъ-Кухскій*, *Мерагинскій*, *Шахсевенскій* и *Афшарскій* военачальники съ своими отрядами, двумя 6-ти фунт. пушками, двумя мортирами и 50-ю артиллеристами, и около 26 іюня расположились и укрѣпились противъ бабидовъ. Начались приготовленія къ атакѣ передовыхъ укрѣпленій бабидовъ, а именно сенгера *Мешеди-Пири* и сенгера *Мирзы-Фереджуллаха*. Какъ ни были сильны и неустрашимы бабиды, но они не могли устоять противъ правильной военной атаки; и какъ ни слабо военное искуство въ персидскихъ полкахъ сравнительно съ нашими, но все-таки оно должно было взять верхъ надъ непріятелемъ, совершенно лишеннымъ всякаго рода военнаго искуства. Около 11 іюля

укрѣпленіе *Мешедъ-Пири* взлетѣло на воздухъ. Со всѣхъ сторонъ бросились въ атаку и заняли это мѣсто; но бабиды дрались отчаянно и уронъ со стороны Персіянъ былъ такъ чувствителенъ, что они возвратились. Прошло 9 дней. Прибытіе на помощь новаго войска оживило ихъ. Мустафа-Ханъ Каджарскій, по распоряженію правительства, поспѣшилъ сюда съ своимъ полкомъ (16-мъ Шекакскимъ полкомъ) и прибылъ въ то самое время, когда осаждавшіе колебались повторить-ли имъ атаку. Ободрившись теперь, они ожидали новаго распоряженія: ибо говорили, что Мустафа-Ханъ имѣлъ съ собою особое шахское повелѣніе. Въ военномъ совѣтѣ онъ объявилъ, что во что-бы то ни стало надо истребить бабидовъ, и что въ этомъ состоитъ воля его пославшаго.—4 августа, рано утромъ, шахскія войска, съ свѣжими силами и въ порядкѣ, двинулись противъ втораго укрѣпленія бабидовъ, именно противъ сенгера Фереджуллаха. Несмотря на превосходство осаждавшихъ, бабиды дѣйствовали неустрашимо. На первыхъ порахъ мина, подведенная шахскими инженерами, сильно повредила укрѣпленіе и отъ взрыва взлетѣло на воздухъ 20 бабидовъ; но это не отняло бодрости у осажденныхъ. Семь дней удерживали они свои мѣста, но въ восьмой должны были оставить этотъ сенгеръ и перебраться въ другія укрѣпленія. Въ этомъ дѣлѣ Персіяне потеряли много сарбазовъ и нукеровъ и лишились двухъ изъ своихъ военачальниковъ. Потеря со стороны бабидовъ состояла изъ 26-ти убитыхъ и 3—4 плѣнныхъ. Два дня съ обѣихъ сторонъ, говоритъ Супехръ, были назначены для отдыха.

Бабиды потерявъ свои два укрѣпленія, не унывали; они знали, что эти укрѣпленія, почти разрушенныя, не могутъ послужить непріятелю точкой опоры; знали и то, что непріятель теперь не станетъ часто прибѣгать къ стрѣльбѣ изъ пушекъ и мортиръ, опасаясь, что этимъ онъ можетъ повредить, въ случаѣ неудачи, и другія части города, населенныя шіитами. На этомъ

основаніи они надѣялись долго выдержать осаду и, имѣя довольно достаточные запасы всего необходимаго, были увѣрены въ успѣхѣ; не страшно было для нихъ даже превосходство непріятельскаго войска, почти ежедневно умножавшагося.

14 августа, вновь прибывшее еще подъ начальствомъ Мохаммедъ-Аги и Касимъ-Бека войско, въ соединеніи съ прочими полками, выстроилось для новой атаки. Съ ранняго утра началась перестрѣлка. Цѣлый день оба непріятели продолжали битву съ перемѣннымъ счастіемъ. Но Мулла-Мохаммедъ-Али, замѣтивъ, что непріятельская сила слишкомъ превосходна, и что къ осаждающимъ присоединилось еще миожество городскихъ жителей, велѣлъ поджечь зенганскій рынокъ. Хитрость удалась, вѣтеръ благопріятствовалъ; къ вечеру весь рынокъ былъ въ огнѣ. Жители оставили поле сраженія и бѣжали спасать свое имущество; войско стремилось на пожаръ, чтобы частью грабить, кто что можетъ, а частью чтобы подать руку помощи. Въ это время, по приказанію Муллы-Мохамедъ-Али, нѣсколько сотенъ охотниковъ вышли изъ своихъ укрѣпленій, напали на разсѣявшееся войско непріятеля и произвели между ними неожиданное опустошеніе. Въ этотъ вечеръ городскіе жители потерпѣли отъ пожара большіе убытки, а шахскія войска значительный уронъ; бабидовъ тоже легло миожество. Непріятели разошлись для отдыха и новыхъ приготовленій.

XVI.

Новый Бабъ. Кровопролитное дѣло.

(Августъ—ноябрь 1849 г.)

Такъ отчаянно защищались бабиды около трехъ мѣсяцевъ. Счастливо для правительства, но несчастливо для бабидовъ кончилось между тѣмъ дѣло въ Хорасанѣ: Мешедъ покорился.

Бывшій тавризскій генералъ-губернаторъ Мохаммедъ-Ханъ получилъ шахское повелѣніе — въ исходѣ августа выступить съ сильнымъ отрядомъ и значительной артиллеріей противъ зенгаискихъ бабидовъ; между тѣмъ одно за другимъ приходили извѣстія объ истребленіи бабидовъ въ Мазандаранѣ и казни самого Баба въ Тавризѣ. Бабиды, до сихъ поръ непоколебимые, начали ослабѣвать духомъ; тутъ взяло верхъ надъ ихъ энергіей утомленіе отъ долгаго упорства и истощеніе силъ. Многіе изъ близлежащихъ селеній, принявшіе ученіе Баба, увидя эту перемѣну, оставили городъ и разошлись. Мулла-Мохаммедъ-Али не терялъ духа; замѣтивъ безпорядокъ между своими подчиненными и боясь, что одно имя казненнаго уже Баба недостаточно, чтобы поддержать ихъ энергію, началъ проповѣдывать, что хотя не стало одного Баба, но провидѣніе послало на его мѣсто другаго, и что онъ точно такой же посланный небомъ для защиты правды, каковымъ былъ Сейдъ-Али-Мохаммедъ [1]), и для возбужденія храбрости и самоотверженія въ приближенныхъ, обѣщалъ имъ все, что они ожидали отъ имени Баба, обѣщалъ имъ въ награду власть надъ всѣмъ міромъ. Чего не можетъ сдѣлать осязаемый интересъ у практическихъ людей, то можетъ создать обманъ воображенія, мечта у суеверныхъ. Новый Бабъ силою своего краснорѣчія и личнымъ самоотверженіемъ поселилъ такую вѣру въ своихъ подчиненныхъ, что ничто не казалось

---

[1]) По всему можно замѣтить, что какъ Бабъ, такъ и другіе философы новаго, искаженнаго впослѣдствіи ученія, которое въ своихъ началахъ очень сходно съ христіанизмомъ, не считали себя или кого другаго *единственными дверьми* къ истинѣ: по ихъ убѣжденію всякій человѣкъ можетъ дойти до высшей степени созерцанія истины и быть бабомъ (дверьми къ истинѣ). Смоленскій философъ, о которомъ будемъ говорить ниже въ III главѣ, также считаетъ себя бабомъ. См. его 2-е письмо ко мнѣ во 2 отдѣленіи III главы нашего повѣствованія въ приложеніи къ I пункту.

имъ невозможнымъ. Они дѣлали новыя пушки [1]), умножали боевые снаряды и, говорятъ, даже дѣлали порохъ [2]).

Вскорѣ пришли еще новыя войска. Мохаммедъ-Ханъ получилъ болѣе человѣколюбивую инструкцію перваго министра, по возможности, избѣгать кровопролитія и постоянно дѣйствовать миролюбивымъ путемъ. Но, къ несчастію, подобныя мѣры не могли бы помочь дѣлу, потому что примѣръ коварства мазандаранскаго начальства слишкомъ громко повторялся въ повсемѣстной молвѣ. Бабиды сосредоточили свои силы въ одномъ кварталѣ, а всѣ другія зданія частію сломали, частію сожгли; окопались глубокимъ рвомъ съ насыпью надъ нимъ большаго земляного вала и приготовили все возможное къ сопротивленію, устроивъ до 20-ти новыхъ укрѣпленій или батарей; сверхъ того, каждый занимаемый ими домъ, былъ полонъ огнестрѣльными орудіями, которыя стояли и въ окнахъ, и даже на крышахъ.

Въ исходѣ августа шахскіе свѣжія войска, въ числѣ 3000 человѣкъ, въ соединеніи съ прежними, двинулись противъ укрѣпленій бабидовъ. Улица *Гюльшенъ* была занята вновь прибывшимъ полкомъ *Насырійэ*; 16-й Шекакскій полкъ стоялъ въ резервѣ для помощи ему; прочія войска занимали назначенные Мохаммедъ-Ханомъ посты. Въ извѣстный часъ начали атаку. Одно мужество и отчаяніе бабидовъ не могло бы противиться столь превосходнымъ силамъ. Глава бабидовъ опять прибѣгнулъ

---

[1]) По истребленіи зенганскихъ бабидовъ найдены были у нихъ, между прочимъ, и пушки своего издѣлія: онѣ сдѣланы были изъ свертковъ полосоваго желѣза, съ желѣзными скобами снаружи и сварены довольно удачно. По словамъ персидскаго историка литейною бабидовъ управлялъ Хаджи-Каземъ калькутскій; онъ дѣлалъ только желѣзныя пушки. Жители окрестныхъ съ нимъ деревень втайнѣ доставляли имъ все, что только могло послужить осажденнымъ къ пользу.

[2]) О порохѣ подтверждаетъ г. Мошнинъ. Но въ народѣ говорили что бабиды порохъ тайно покупали у самихъ сарбазовъ непріятельскихъ.

къ хитрости. Историкъ Супехръ довольно наивно указываетъ на фактъ, который покрываетъ посрамленіемъ шахское войско. «Храбрый» полкъ, носящій имя самого Шаха (Насыріїэ, т. е. Насырскій), выставленъ имъ какъ куча крестьянскихъ мальчишекъ, съ жадностью кидающихся на улицахъ или дворахъ на брошенные имъ пряники! Мы повторяемъ слога этого историка, ни мало не желая острить или сказать что нибудь колкое.. Мулла-Мохаммедъ-Али, видя, что дѣло плохо, говоритъ Супехръ, приказалъ бросать изъ окошекъ и съ крышъ домовъ что ни попало, изъ денегъ или домашней утвари. Вмигъ это было сдѣлано на протяженіи всей улицы. Полкъ занялся добычей и пришелъ конечно въ совершенный безпорядокъ. Въ это время, по данному знаку, бабицы напали на «храброе» шахское войско, разбили и прогнали его, когда Мохаммедъ-Ханъ ожидалъ совершенной побѣды! Правовѣрные должны были отступить.

Мохаммедъ-Ханъ рѣшился войдти въ переговоры съ главою бабидовъ. «Много пролилось мусульманской крови, писалъ онъ Муллѣ-Мохаммедъ-Али; лучше намъ окончить дѣло миролюбно.» Въ эту пору, по пути черезъ Зенганъ, ѣхалъ въ Тифлисъ извѣстный генералъ Азизъ-Ханъ (впослѣдствіи важное лицо въ качествѣ военнаго министра въ Тегерани) съ поздравленіемъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Всероссійскаго престола (нынѣ благополучно царствующаго Его Императорскаго Величества) съ благополучнымъ прибытіемъ въ Закавказскій край. Этотъ умный, какъ единогласно отзываются объ немъ, человѣкъ также поддерживалъ мнѣніе Мохаммедъ-Хана и всѣми мѣрами склонялъ бабидовъ къ миру. То же самое дѣлалъ и Мирза-Хасанъ-Ханъ, начальникъ штаба военнаго министра и родной братъ перваго министра Мирзы-Тагки-Хана, возвращавшійся по пути черезъ Зенганъ изъ Тавриза въ столицу. Но бабиды не вѣрили: всѣмъ уже извѣстна была участь мазандаранскихъ бабидовъ, сдѣлавшихся жертвою обмана.

номъ количествѣ; а продолжительная осада грозила голодною смертью. Притомъ осажденнымъ объявлено было, что кто вслѣдствіе искренняго раскаянія, пожелаетъ спастись, то таковые могутъ пробраться изъ крѣпости только по извѣстной дорогѣ, гдѣ имъ никто мѣшать не будетъ.—Осада продолжалась около двухъ мѣсяцевъ; запасы осажденныхъ поистощились; но они не теряли духа. Даже ихъ жены и дѣти обратили на себя вниманіе враговъ: Феррухъ-Ханъ не могъ не выразить своего удивленія при видѣ энергической ихъ дѣятельности, ихъ самоотверженія, и выставлялъ ихъ въ примѣръ шахскимъ сарбазамъ!

Въ это время Феррухъ-Ханъ получилъ одобрительное письмо отъ своего министра. Онъ хвалилъ его дѣйствія и обѣщалъ неожиданныя награды когда онъ явится обратно съ удовлетворительнымъ извѣстіемъ. Ободренный этимъ честолюбивый Ханъ усилилъ *міры предпринятой осады* и, готовый на всякій подвигъ, ждалъ случая.

Мулла-Мохаммедъ-Али, не видя никакого исхода дѣла и считая всякую вылазку совершенно невозможною, въ третій разъ прибѣгнулъ къ хитрости. Во первыхъ онъ велѣлъ сдѣлать фальшивое движеніе въ одномъ изъ передовыхъ своихъ укрѣпленій. Цѣлые дни переносили туда разные будто снаряды, груды мѣшковъ разной величины. Непріятель заключилъ, что тутъ все богатство бабидовъ. Въ этомъ укрѣпленіи вдругъ былъ сдѣланъ ночью взрывъ. Ближайшій отрядъ шахскаго войска, увидѣвъ это и

водопроводныхъ каналовъ; вода проводится къ басейнамъ или ключамъ, устроеннымъ въ разныхъ удобныхъ пунктахъ города и отсюда жители пользуются ею вволю. Во время осады городовъ запереть источники воды и засорять водопроводы—старинное обычное дѣло на Востокѣ: потому-то водопроводы и источники эти всегда составляютъ предметъ глубокой тайны для постороннихъ и, при осадѣ, непріятель первымъ долгомъ считаетъ употребить всѣ мѣры къ открытію этой тайны.

притомъ бѣгущихъ въ безпорядкѣ изъ укрѣпленія бабидовъ, думалъ, что взрывъ сдѣланъ своими, и, не теряя времени сдѣлалъ приступъ съ крикомъ: Аллахъ, Аллахъ!, съ цѣлью прежде всѣхъ занять укрѣпленіе и воспользоваться добычей.

Во вторыхъ, незадолго передъ тѣмъ, Мулла-Мохаммедъ-Али подослалъ двухъ изъ своихъ близкихъ муридовъ къ Феррухъ-Хану, поручивъ имъ стараться обманомъ приманить его въ городъ съ отрядомъ войска. Эти, поздно вечеромъ, по дорогѣ, назначенной для «*желающихъ спастись бѣгствомъ*», невредимо вышли изъ города и съ притворнымъ видомъ раскаянія пробрались къ Феррухъ Хану. Съ цѣлью, чтобы поощрить другихъ осажденныхъ примѣромъ ласки и гостепріимства, въ чемъ бабицы постоянно сомнѣвались и потому еще недавно отвергли миролюбивое предложеніе Мохаммедъ-Хана, Феррухъ-Ханъ принялъ «бѣглыхъ» милостиво и великодушно. Подосланные играли свою роль отлично: проклинали свою жизнь и свое заблужденіе, описывали страхъ и ужасъ, которые держатъ въ порядкѣ муридовъ кровожаднаго деспота и просили о мести. «Всѣ осажденные готовы, говорили они, измѣнить тирану при первой возможности, но они связаны своими семействами, дѣтьми, а главное опасеніемъ неминуемой смерти себѣ, женамъ и дѣтямъ въ случаѣ малѣйшаго подозрѣнія.»—Содержаніе письма перваго министра къ честолюбивому Феррухъ-Хану было слишкомъ увлекательно; онъ все это время думалъ о томъ, какъ бы ему одному отличиться въ глазахъ Мирзы-Тагки-Хана. Онъ распрашивалъ «бѣглыхъ», нѣтъ-ли средства къ избавленію несчастныхъ жертвъ и нѣтъ ли какого нибудь пути къ этому? «Бѣглые» долго думали. «Близъ самыхъ воротъ казвинскихъ,» говорили они, «есть одинъ тайный выходъ; черезъ него можно пробраться ночью прямо къ тому мѣсту, гдѣ живетъ гнусный Мулла-Мохаммедъ-Али; стоитъ только окружить его домъ, тогда всѣ его муриды перейдутъ на нашу сторону и

временъ *Мездока* [1]), и обо всемъ томъ, что можетъ внушить страхъ и чувство самосохраненія въ мирныхъ жителяхъ страны. Но, несмотря на то, много было людей разныхъ сословій, которые возмущали общественное спокойствіе тайными разговорами о безчеловѣчіи правительства, о несправедливомъ его судѣ надъ Бабомъ, объ ужасахъ, производимыхъ имъ въ Мазандаранѣ и Хорасанѣ и т. п. Таковъ духъ революціоннаго элемента вездѣ; онъ одинаково дѣйствуетъ повсюду, въ просвѣщеніомъ и непросвѣщенномъ государствахъ. Это закваска, приводящая умы въ броженіе: посуда крѣпка, печеніе и мѣры благоразумны — нечего опасаться, все пойдетъ къ лучшему. Извѣстный своимъ практичнымъ умомъ первый министръ Мирза-Таги-Хаинъ, старался безъ шума и безъ повода къ разговорамъ положить конецъ страшному дѣлу. Съ одной стороны онъ не могъ помочь привычному на Востокѣ варварству, съ которымъ враждебныя силы истребляли другъ друга; съ другой, желая сколь можно обойтись безъ сильнаго кровопролитія, всегда совѣтовалъ посланнымъ въ походъ противъ бабидовъ болѣе употреблять мирныя средства. Но все это не помогло.

Въ исходѣ 1849 года воспослѣдовало шахово повелѣніе усилить артиллерію и предать городъ совершенному разрушенію. Извѣстный артиллерійскій маіоръ Баба-Бекъ съ двумя 18-ти фунтовыми, 4-мя 12-ти фунтовыми пушками и достаточнымъ числомъ артиллеристовъ направилъ путь къ Зенгану. Мохаммедъ-Ханъ, равно какъ и губернаторъ Зенгана получили новое

---

[1]) Этотъ человѣкъ явился въ Персіи въ V—VI столѣтіяхъ по Р. Х., въ царствованіе Кубада, отца Хозрева I. Онъ проповѣдывалъ самый широкій коммунизмъ и успѣлъ этимъ составить несмѣтное число послѣдователей, подъ покровительствомъ самого Кобада. Ихъ истребилъ, какъ Махмудъ Газначевъ, Хозревъ I, прозванный правосуднымъ. Восточные моралисты часто ссылаются на это событіе въ своихъ проповѣдяхъ въ пользу правовѣрія.

повеленіе: дѣйствовать безъ пощады. Въ исходѣ Января сдѣланы приготовленія къ бомбардированію. Но храбрость и единодушіе не измѣнили бабидамъ. Твердость духа все болѣе и болѣе воодушевляла отчаянныхъ; энергія ихъ женъ прибавляла имъ мужество Но одно мужество, одно отчаяніе не могли противостоять пушкамъ. Начиная съ утра до 4-хъ часовъ по полудни продолжался сильный огонь; множество домовъ, служившихъ бабидамъ укрѣпленіями, обрушилось; вездѣ пожаръ. *Керусскій* Хеленъ-Али-Ханъ съ своимъ полкомъ занялъ первыя укрѣпленія: все пришло въ безпорядокъ; бабиды дрались отчаянно, но безъ пользы Въ средѣ смятенія сильный отрядъ въ расплохъ нагрянулъ на бабидовъ. Началась ужасная сѣча. Цитадель была вскорѣ взята. Кровопролитная сцена въ этотъ день превосходила всякое воображеніе; никакими красками нельзя было описать всѣ ужасы этой жестокой схватки. Ужасно представить, что братъ на брата кидался какъ лютый звѣрь; дѣтей и женъ рѣзали какъ голодные волки. По описанію персидскаго историка 25 человѣкъ бабидовъ оставили городъ и спасались бѣгствомъ, но послѣ были захвачены правовѣрными и преданы смерти. Наконецъ пришла бабидамъ пора совершенной гибели. Мулла-Мохаммедъ-Али получилъ смертельную рану и скоро умеръ; но и умирая онъ просилъ остававшихся братій не поддаваться. Бабиды, уже въ весьма маломъ числѣ, скрыли отъ непріятеля смерть своего храбраго вождя; клялись умереть, но не отдаваться живыми въ руки непріятеля. Такъ они и остались вѣрны своему слову, и мужчины и женщины: все легло. Правда, бабидовъ осталось въ живыхъ лишь нѣсколько человѣкъ, но каждый изъ нихъ стоилъ слишкомъ дорого государству.

Такъ страшно окончилось плачевное дѣло въ Зенганѣ. Въ шахскомъ войскѣ не осталось и половины. Съ содроганіемъ оно было встрѣчено въ Тегерани, куда привело съ собою, какъ бы на позоръ себѣ, только горсть плѣнныхъ,.... изъ которыхъ

каждый стоилъ, какъ говорили, слишкомъ 1,500 *сарбазовъ* и *наукеровъ*! [1]).

Не зная топографическаго положенія города Зенгана, трудно было намъ обрисовать позиціи осаждавшихъ и осажденныхъ. Мы только заимствовали наши показанія изъ разныхъ источниковъ, одинаково описывающихъ продолжительныя битвы между бабидами и шахскими войсками. Конечно, со временемъ, кто нибудь подробнѣе и можетъ быть вѣрнѣе опишетъ это историческое событіе и присовокупитъ къ нему правильный планъ какъ города, такъ и театра долговременной войны.

XIX.

ДАРАБИ: честолюбивый сподвижникъ ученія Баба.

1. Начало его поприща.

Во время междуцарствія, въ исходѣ 1848 года, въ Персіи повсюду господствовалъ безпорядокъ; въ особенности въ странахъ, отдаленныхъ отъ центра управленія. Въ городѣ Ездѣ, вслѣдствіе притѣсненій начальства, возстала противъ власти цѣлая партія изъ городскихъ жителей, подъ предводительствомъ нѣкоего *Мохаммеда*, сына Абдуллы, человѣка, какъ описываетъ персидскій историкъ, храбраго, рѣшительнаго и отчаяннаго. Цѣлые почти два года персидское правительство возилось съ этимъ мятежникомъ, покуда не избавилось его, и то посредствомъ обмана.

---

[1]) По показанію г. Мошнина, въ плѣнъ было взято около 100 человѣкъ; тоже утверждаетъ и персидскій историкъ: они тотчасъ же на мѣстѣ были убиты по распоряженію тамошняго начальства, за исключеніемъ четырехъ или пяти человѣкъ, отправленныхъ въ Тегеранъ. Говорятъ что Зенганское дѣло стоило шахскому войску около 8,000 убитыхъ и тяжело раненыхъ.

Въ началѣ 1849 года, упомянутый нами прежде въ біографіи Баба (глава I, п. I; гл. II, п. III) Сеидъ-Яхъя-Дараби, изъ видовъ честолюбія проповѣдуя ученіе Баба, прибылъ въ г. Ездъ, чтобы воспользоваться тамошними смутами и открыть тамъ себѣ желанное поприще. Нѣкоторое время онъ дѣйствовалъ здѣсь съ успѣхомъ. Присоединясь къ мятежникамъ города, онъ проповѣдывалъ имъ ученіе Баба и поощрялъ ихъ къ возстанію противъ правительства и скоро самъ сталъ во главѣ мятежниковъ.

Этотъ Дараби, будучи сыномъ одного весьма именитаго мистика, имѣвшаго огромное вліяніе между фарскими улемами, пользовался уваженіемъ своихъ соотечественниковъ. Пріобрѣвъ нужныя познанія въ мусульманскихъ наукахъ, преимущественно въ *Тарикатъ* по ученію шейхидовъ, онъ переселился въ Тегерань. Это было въ послѣдніе годы царствованія Мохаммедъ–Шаха, т. е. въ то время, когда другой, только иного покроя и счастія, мистикъ управлялъ судьбами всей Персіи. Въ столицѣ честолюбивый Дараби старался тѣмъ или другимъ путемъ составить себѣ имя и связи, но это ему удалось плохо. Онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, посѣщалъ и Ширазъ, и Исфаганъ, былъ свидѣтелемъ гоненій Баба и послѣ всего соблазнившись имъ, почелъ выгоднымъ принять и проповѣдывать его ученіе и чрезъ это проложить путь къ честолюбивымъ своимъ видамъ. Вотъ тогда-то онъ прибылъ въ Ездъ и въ соединеніи съ упомянутымъ Мохаммедомъ дѣйствовалъ противъ властей.

Но въ Ездѣ онъ не могъ долго оставаться. Шайка Мохаммеда приняла его ученіе также лишь изъ коварныхъ видовъ, надѣясь чрезъ это расширить кругъ своей дѣятельности. Дараби не хотѣлъ быть главою только однихъ мятежниковъ, каковымъ былъ Мохаммедъ; онъ желалъ чего нибудь болѣе выгоднаго, болѣе благовиднаго, а именно быть главою религіознаго возстанія, открыть свое поприще чрезъ обыкновенный муридизмъ, да притомъ и Мохаммедъ, дѣйствительный коноводъ мятежниковъ, не уступилъ бы ему первенства

въ случаѣ успѣха. Поэтому онъ оставилъ Ездъ и съ своими учениками отправился искать болѣе выгоднаго мѣста для своей проповѣди. Въ это время вездѣ были безпорядки, по всему Фарсистану. Намѣстникъ ширазскій былъ вызванъ; ожидали тамъ новаго, и краемъ покуда управлялъ временно бывшій тамъ визирь *Несируль-Мулькъ*, человѣкъ извѣстный своимъ вліяніемъ и распорядительностью, но замѣчательный своею осторожностью и подозрительностью. Онъ нѣкогда былъ хорошо знакомъ съ героемъ описываемаго нами событія. Дараби путешествовалъ изъ города въ городъ, вездѣ проповѣдуя ученіе Баба, и наконецъ прибылъ въ древній городъ *Фесса*, который лежитъ въ горахъ, около 140 верстъ къ юговостоку отъ Шираза. Тутъ онъ спокойно расположился и съ видимымъ успѣхомъ продолжалъ свое ученіе. Въ скоромъ времени число окружавшихъ его муридовъ возросло до 500 человѣкъ; но правители страны приняли мѣры къ устраненію зла и успѣли въ этомъ; потому что большая часть жителей города, занимаясь торговлею и производствомъ разныхъ фабричныхъ издѣлій, нетолько не сочувствовали этому дѣлу, но и жаловались начальнику города, требуя принятія нужныхъ мѣръ и обѣщая помочь деньгами и людьми въ случаѣ нужды. Гонцы, одинъ за другимъ, извѣщали ширазское начальство о случавшемся. Дараби, не предвидя здѣсь дальнѣйшаго успѣха, во-первыхъ, по близости Фессы отъ Шираза, во-вторыхъ, по нерасположенію большинства жителей къ нему и къ его ученію, рѣшился, покуда еще было время, оставить городъ съ своими приближенными учениками и направить свой путь далѣе. Въ ту же пору слышно было о безпокойствіи въ *Нейризѣ* [1]). Жители

[1]) Нейризъ или Бахтеганъ, большое селеніе, лежащее при Соленомъ озерѣ этого же названія, на сѣверо-востокъ отъ Фессы. Мѣстность лежащая въ горахъ почти непроходимая. Дараби самъ имѣлъ здѣсь домъ и дачу; потому что отецъ его родился въ деревнѣ Дарабъ, принадлежащей къ Нейризскому округу.

изъявили неудовольствіе на мѣстнаго начальника, *Зейнуль-Абидинъ-Хана*, что и подало поводъ къ безпорядкамъ. Дараби подослалъ туда своихъ повѣренныхъ, которые объявили тамъ о новомъ ученіи, о его цѣли, о видахъ его представителя: очистить шаріатъ и освободить правовѣрныхъ отъ тиранства чиновниковъ и отъ притѣсненія духовенства. Повѣренные эти успѣли поселить между жителями искреннее желаніе нетолько принять новаго учителя съ распростертыми объятіями, если онъ пріѣдетъ, но даже и послать къ нему скорохода съ приглашеніемъ. Дараби въ это время ѣхалъ съ своими муридами, въ числѣ 300 человѣкъ, и вездѣ, по дорогѣ въ горахъ, встрѣчали его, волею или неволею, ласково и гостепріимно. Между поселянами распространили слухъ, что скоро настанетъ царство Баба, скоро по всему лицу земли будетъ новый порядокъ, царство тишины и правосудія. Дараби принялъ посла Нейризскихъ жителей ласково и обѣщался скоро пріѣхать на помощь. Скороходъ воротился съ радостнымъ извѣстіемъ и Нейризяне ожидали прибытія Дараби съ полнымъ торжествомъ.

2. Его появленіе и возстаніе въ Нейризѣ.

(Въ исходѣ 1849 г.)

Когда начальство Фессы увѣдомило ширазскія власти о безпорядкѣ, произведенномъ въ городѣ опаснымъ Дараби, Несируль-Мулькъ написалъ къ нему, какъ давнишнему своему знакомому, ласковое письмо, представляя ему всѣ невыгоды его положенія, особенно въ то время, когда правительство сильно взялось за утушеніе безпорядковъ, произведенныхъ бабидами въ разныхъ частяхъ государства. Онъ старался вразумить его, какъ умнаго и извѣстнаго своею ученостью самому Шаху человѣка, что подобные поступки, даже невѣроятные въ отношеніи къ нему, совершенно могутъ очернить его имя въ глазахъ правительства и улемовъ, предъ которыми, если только Дараби успо-

коитъ его утѣшительнымъ письмомъ, онъ готовъ оправдать его и представить доносы фесскаго начальства какъ недоразумѣнія, основанныя лишь на ложныхъ слухахъ. Отвѣтъ Дараби былъ нечистосердеченъ и увлекателенъ; онъ былъ такъ сильно написанъ, что ширазское начальство дѣйствительно повѣрило ему и не принимало никакихъ мѣръ. Скоро новое донесеніе съ нѣкоторыми преувеличеніями опять потревожило Несируль-Мулька. Но это было слѣдствіемъ лукавства дальновиднаго Дараби: разъ рѣшившись оставить Фессу и поискать болѣе удобнаго мѣста для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ, онъ нарочно произвелъ въ городѣ тревогу, чтобъ губернаторъ вторично писалъ жалобы на него Несируль-Мульку; вслѣдъ же затѣмъ онъ самъ отправилъ къ нему гонца съ письмомъ, исполненнымъ кротости, смиренія и жалобами на мѣстное начальство за притѣсненія его, донося, что онъ съ своими учениками принужденъ уѣхать изъ Фессы куда нибудь, чтобы избавиться клеветы и нападокъ. — Два противуположныя показанія заставили ширазскаго правителя удостовѣриться въ истинѣ. Онъ немедленно отправилъ вѣрнаго чиновника для разузнанія и разъясненія этого вопроса, давъ ему инструкцію непремѣнно повидаться съ Дараби и изъ его разговоровъ и образа мыслей составить вѣрное понятіе о его намѣреніяхъ. Посланный нашелъ Дараби съ малымъ числомъ его учениковъ на дорогѣ изъ Фессы. Хитрый Сеидъ-Яхъя, расчитавъ время прибытія этого чиновника, отправилъ своихъ муридовъ прежде себя и самъ съ небольшимъ числомъ учениковъ мѣшкалъ на дорогѣ, съ намѣреніемъ встрѣтить его и жаловаться ему на свою судьбу. Онъ достигъ этого. Смиренно встрѣтилъ онъ посланнаго, очаровалъ его своимъ обхожденіемъ и, жалуясь на начальство Фессы, сказалъ, что онъ рѣшился уѣхать изъ этого безпокойнаго города, гдѣ непросвѣщенное начальство постоянно тревожитъ его и его бѣдныхъ учениковъ. Говорилъ, что онъ не желаетъ, чтобы такой умный и просвѣщенный человѣкъ, каковъ

Несируль-Мулькъ, имѣлъ объ немъ такое фальшивое понятіе по капризу недостойныхъ интригановъ.

Въ самомъ городѣ Фессѣ чиновникъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ безпорядка; одно голое показаніе начальства и противное мнѣніе нѣкоторыхъ жителей, по его мнѣнію, имѣло равныя права на вѣроятіе; между тѣмъ нѣкоторые приверженцы Дараби, нарочно оставленные въ городѣ, довели до свѣдѣнія посланнаго, что начальство сдѣлало эту тревогу лишь изъ видовъ корысти, желая угодить и ширазскому начальству и оказать мнимое одолженіе богатымъ фабрикантамъ города, которые, изъ одной трусости, готовы были сдѣлать всякое денежное пожертвованіе.

Такимъ образомъ слѣдствіе, сдѣланное этимъ чиновникомъ, совершенно успокоило Несируль-Мулька; этого только и надо было Дараби. Его тайная мысль состояла въ томъ, чтобы ширазское начальство неохотно слушало дальнѣйшіе доносы о будущихъ его дѣйствіяхъ и чтобы этимъ онъ могъ выиграть время для приготовленія къ возстанію и для укрѣпленія.

Въ началѣ декабря 1849 года Дараби, съ 300 своихъ муридовъ, приблизился къ Нейризу. Мятежники встрѣтили давноженнаго гостя, по обычаю страны, съ приношеніями. Дараби остановился внѣ селенія, у развалинъ одного древняго укрѣпленія, оставшагося со временъ сасанидовъ [1]). Здѣсь къ нему пришли всѣ бунтовщики и предались ему; они частью приняли его ученіе, а частью пристали съ цѣлью, чтобы соединенными силами дѣйствовать противъ Зейнуль-Абдинъ-Хана, ненавистнаго имъ губернатора или начальника. Дараби, увидя это благопріятное для его цѣли обстоятельство, немедленно приступилъ

---

[1]) Такихъ укрѣпленій и крѣпостей очень много въ Фарской провинціи. Путешественники, начиная отъ Кемпфера до Узели, упоминали о нихъ въ своихъ запискахъ.

къ исправленію этого древняго укрѣпленія и расположился тамъ въ главѣ болѣе 1200 приверженцевъ.

3. Кровопролитіе и ужасы въ Нейризѣ.

(Въ началѣ 1850 г.)

Извѣстіе за извѣстіемъ о безпокойствахъ въ Нейризѣ давно тревожили ширазское начальство. Несируль-Мулькъ, по своему характеру, осторожному и подозрительному и притомъ играя роль халифа на часъ, не могъ принимать рѣшительныхъ мѣръ. Онъ всякій разъ совѣтовалъ, въ письмахъ къ Нейризскому начальству, стараться собственными своими средствами утушить безпокойства, употребивъ для этого частью благоразумныя мѣры кротости и ласки. Но въ исходѣ же декабря 1849 года трое гонцовъ, одинъ за другимъ, возвѣстили исправляющему должность ширазскаго намѣстника о прибытіи и возстаніи Дараби въ главѣ *бабидовъ* и бывшихъ тамъ мятежниковъ. Несируль-Мулькъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію, но тѣмъ не менѣе страшился пагубныхъ послѣдствій. Онъ писалъ опять письма Дараби съ увѣщаніями и вмѣстѣ съ этимъ донесъ о произшествіи принцу *Фирузъ-Мирзѣ*, назначенному Шахомъ еще за три мѣсяца предъ симъ, въ качествѣ намѣстника *Фарсистанскаго*. Когда посланный Несируль-Мулька прибылъ съ письмами къ Дараби, послѣдній не приступалъ еще къ дѣлу: онъ выжидалъ болѣе благопріятнаго случая, хотѣлъ сперва вторично обманомъ успокоить своего пріятеля и потомъ начать свои дѣйствія. Посланный опять былъ принятъ привѣтливо. Поздно вечеромъ, наединѣ, Дараби жаловался ему, что онъ едва прибылъ сюда съ своими учениками, какъ вдругъ былъ окруженъ мятежниками, которые съ кинжалами въ рукахъ требовали помочь имъ въ преступномъ дѣлѣ; но что онъ ихъ удерживаетъ разными обѣщаніями и ожидаетъ прибытія помощи. «Уговорите Неси-

руль-Мулька, прибавилъ онъ, чтобъ его превосходительство поспѣшилъ выслать достаточное число войска на помощъ ко мнѣ; я тогда перевяжу этихъ бунтовщиковъ и пришлю всѣхъ ихъ въ Ширазъ живыми; этимъ окажу я услугу правительству и дружбу моему старому пріятелю.» Написавъ такого же содержанія письмо къ Несируль-Мульку, онъ въ ту же ночь отправилъ посланнаго обратно, съ видомъ непритворнаго усердія и дѣйствительной благонамѣренности. Это было около 6—7 января 1850 года.

Муриды не знали тайны. Начальство Нейризское удивлялось происходившему дѣду: не знали чему приписать переписку между правительствомъ и мятежникомъ, тѣмъ болѣе что посланный даже не заглянулъ въ городъ. Ожидали что изъ этого будетъ.

Того же числа, за полночь, Дараби неожиданно собралъ всѣхъ своихъ муридовъ и мятежниковъ и сдѣлалъ нападеніе на жителей Нейриза. Домъ губернатора былъ окруженъ безпрепятственно. Разъяренные бросались изъ дома въ домъ, убивали всѣхъ безъ разбора, грабили все, что ни попало, жгли сколько могли и къ утру возвратились назадъ съ торжествомъ и богатою добычею. Въ этомъ кровопролитіи убито множество жителей города разнаго пола и возраста, болѣе 5 или 6-ти членовъ губернаторскаго семейства и значительное число мѣстныхъ властей. Самъ губернаторъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

4. Мѣры правительства и судьба Дараби и его муридовъ.

(Мартъ, 1850 г.)

Еще правительство персидское не успѣло отдохнуть отъ заботъ противъ бабидовъ въ Зенганѣ, какъ его начали тревожить слухи о бабидахъ въ Фарсѣ; но эти слухи доходили до столицы Шаха всегда позже чѣмъ слѣдовало и всегда въ смѣси съ извѣ-

стіями о безпорядкахъ и бунтахъ по всему Фарсистану. Лѣнивый *Нусретуд-Даулѣ-Фирузъ-Мирза* давно былъ на пути къ мѣсту назначенія. Ему хорошо извѣстно было безпокойство Шаха о положеніи Фарской провинціи и потому вѣроятно онъ такъ спѣшилъ. Онъ выѣхалъ изъ Тегерани еще въ началѣ ноября 1849 года, а приблизился къ Ширазу около исхода января 1850-го. Почти три мѣсяца онъ такъ торопился! Донесеніе Несируль-Мулька застало принца въ 4-хъ мензилѣхъ (около 150 верстъ) не доходя Шираза; и тутъ онъ не измѣнилъ своему маршруту, но распорядился очень удачно. Вмѣсто того чтобы ускорить путь къ своей резиденціи, принцъ тутъ же предписалъ Несируль-Мульку, немедленно, по общему согласію съ мѣстными властями, назначить противъ мятежниковъ Нейриза два полка *Кара-Кузлюскіе*, съ артиллеріей и конницею, подъ начальствомъ Сартипа Мустафы-Кули-Хана и Мигръ-Али-Хана Нурійскаго. Повелѣніе принца исполнено тремя днями прежде его прибытія въ Ширазъ. Великіе магнаты Азіи никогда не спѣшатъ; они должны быть *тяжелѣе камня*, а не *легче пуха*; лишь бы ихъ слово исполнялось вмигъ. Притомъ новому начальнику подчиненные вездѣ оказываютъ усердіе втрое болѣе. Чрезъ 6 дней новый намѣстникъ, совершивъ 150 верстный путь, прибылъ въ Ширазъ; его распоряженіе уже было исполнено. Онъ еще послалъ на помощь персидскому войску *Силяхурскій* кавалерійскій полкъ, подъ начальствомъ *Вели-Хана* и о своемъ распоряженіи писалъ Шаху, съ утѣшительнымъ обѣщаніемъ, что скоро водворится миръ и тишина по всему Фарсистану.

Послѣ удачнаго дѣла Дараби вполнѣ торжествовалъ. У него собралось уже около 2000 разночинцевъ, ожидающихъ, изъ словъ своего наставника, скораго возникновенія новаго царства. Не имѣя никакого извѣстія изъ Шираза и прельщенный первыми удачами своей хитрости съ пріятелемъ и временнымъ правителемъ страны, Дараби теперь наслаждался своею обстановкою.

Для него раскинута была внѣ укрѣпленія великолѣпная палатка, похищенная въ ночномъ дѣлѣ у начальника страны; предъ палаткою тянулись въ два ряда его муриды съ обнаженными мечами. Тамъ и сямъ красовались группы его подчиненныхъ въ тѣни деревъ и по берегамъ ручейковъ, дѣлая персидскій кейфъ и ожидая дальнѣйшихъ распоряженій своего муршида. Дараби въ такомъ положеніи отдыхалъ въ тѣни шатра въ полномъ спокойствіи.

Вдругъ по дорогѣ изъ-за горы показалась густая пыль; не успѣли оглянуться какъ пушечное ядро, предупредивъ звукъ выстрѣла, ударило въ палатку Дараби, повалило ее и убило изъ окружающихъ одного всадника вмѣстѣ съ лошадью. Неожиданно встревоженные поспѣшили вытащить своего вождя изъ-подъ палатки и нашли его невредимымъ. Дараби приказалъ отступить и занять свои мѣста въ укрѣпленіи.— Неизвѣстно отчего прибывшія войска не продолжали своего шествія и покончили эту тревогу однимъ задаткомъ пушечнаго выстрѣла. Можетъ быть оптическій обманъ отъ движенія испуганныхъ мятежниковъ утроилъ въ глазахъ уставшихъ военачальниковъ числительность непріятеля; но персидскій историкъ, не входя въ разборъ причинъ такого подвига, просто говоритъ, что Мустафа-Кули-Ханъ и Мигръ-Али-Ханъ съ своими войсками и съ артиллеріей заняли выгодную позицію противъ укрѣпленія Дараби и цѣлыхъ пять дней отдыхали.

Вечеромъ пятаго дня своего прибытія начальство шахскаго войска вошло съ Дараби въ переговоры о мирѣ и предложило ему распустить своихъ людей, обѣщая прощенія; но предложеніе было отвергнуто. Оно ободрило главу бабидовъ, по мнѣнію котораго эта оплошность выражала предчувствіе непріятеля о неудачѣ. На основаніи этого, чтобы навести еще болѣе страху, ночью наканунѣ 6-го дня, Дараби нарядилъ 300 отчаянныхъ муридовъ для вылазки и нападенія на непріятельское укрѣпленіе.

Приступъ продолжался долго; бабиды причинили большія поврежденія укрѣпленіямъ шахскаго войска; убили нѣсколько сарбазовъ и нукеровъ; но были принуждены отступить съ большимъ урономъ. Суперхъ говоритъ, что изъ 300 человѣкъ было убито 150.

Послѣ этой неудачи мятежники, собравшіеся около Дараби и непринявшіе ученія Баба, видя что обѣщанія учителя основаны только на обманѣ, что его людей пули и ядра точно такъже убиваютъ, какъ и всякаго грѣшника [1]), что молитвы и талисманы, розданные имъ своимъ людямъ, ни мало не отвращаютъ отъ нихъ ударовъ кинжала и меча непріятельскаго, — мало-по-малу начали покидать его и онъ наконецъ остался съ одними своими муридами. Ничего не оставалось дѣлать, какъ только сложить оружіе или умереть съ честью. Дараби готовъ былъ на первое; но его муриды не согласились. Черезъ три дня сдѣлана вторая вылазка; всѣ они вышли изъ своего укрѣпленія и съ крикомъ *Али!* [2]) бросились на сенгеры шахскаго войска. Но на этотъ разъ ихъ приняли сильнымъ огнемъ; пули, ядра и картечь разсѣяли ихъ. Дараби долженъ былъ показать тылъ, оставивъ болѣе половины людей на полѣ битвы; бабиды вернулись назадъ и укрылись въ своихъ укрѣпленіяхъ. Казалось, у нихъ не осталось болѣе ни силы, ни духа къ сопротивленію. Дараби тайно и неожиданно сдался съ двумя сыновьями; въ этомъ ему помогъ Мустафа-Кули-Ханъ; но муриды предпочли славную смерть; они дрались до послѣдней возможности; кончилось дѣло тѣмъ, что поймали живыми только 30 муридовъ; всѣ прочіе, изъ бывшихъ у Дараби 2000 человѣкъ, или разбѣжались, или были убиты [3]).

---

[1]) Персидскій историкъ увѣряетъ насъ, что Дараби успокоивалъ своихъ муридовъ тѣмъ, что пуля непріятельская на нихъ не можетъ дѣйствовать.

[2]) См. объ этомъ ниже, глава III, отд. 1, п. 4.; также ниже сей § XX п. 3.

[3]) Мы видѣли что Дараби прибылъ въ Нейризъ съ 300 муридовъ, осталь-

Въ слѣдующую ночь напали на сдавшагося уже Дараби сыновья Али-Аскеръ-Хана, одного изъ убитыхъ бабидами въ первое ночное нападеніе ихъ на Нейризъ, и собственноручно убили его.

Принцъ Нусретуд-Даулѣ простилъ двухъ сыновей Дараби, а 30 бабидовъ предалъ смерти.

Такъ позорно кончилъ свои дни честолюбивый Дараби. Въ его дѣйствіяхъ ни одной минуты не было видно искренняго убѣжденія: имъ руководило лишь одно желаніе достигнуть почестей, быть примѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ не былъ ни истинный бабидъ, ни истинный патріотъ, и всѣ его планы были основаны на расчетахъ, а расчеты на обманѣ. Но муриды его большею частью дѣйствовали по убѣжденію и охотно умирали за это убѣжденіе: они вѣрили въ нмя Баба и слушали своего учителя, принимая его за дѣйствительнаго учителя. Когда Дараби сдался, оставшіеся его муриды отказались отъ такого, по ихъ мнѣнію, постыднаго дѣйствія. Они убили бы сами своего учителя, еслибы онъ не успѣлъ спастись бѣгствомъ подъ покровительствомъ Мустафы-Кули-Хана. Они дрались до послѣдней возможности и наконецъ были окружены и взяты персидскими сарбазами. Ихъ осталось, какъ мы видѣли, только 30 человѣкъ.

XX.

Бабиды въ Тегеранѣ.

1. Общій обзоръ (1852 г.)

Послѣ несчастной судьбы бабидовъ въ Мазандаранѣ, убіенія Баба въ Тавризѣ, разоренія Зенгана, равно какъ и дѣла Нейные 1700 человѣкъ пристали къ нему здѣсь изъ мятежниковъ и недовольныхъ правительствомъ. Частью они приняли его ученіе. Разбѣжались всѣ непринявшіе ученія Баба; ихъ было числомъ 1500.

риза, правительство и духовенство успокоились, полагая что не осталось и слѣдовъ новой секты. Правда, прошло спокойно слишкомъ полтора года; но въ народѣ было извѣстно, что бабиды толпами тайно собираются въ Фарсѣ, въ Кербеля и въ разныхъ мѣстахъ Ирака, да и въ самой Тегерани впослѣдствіи оказалось ихъ довольно много. Къ сокрытію ихъ способствовало какъ слабая и плохая полиція, такъ и сочувствіе народа къ нхъ горькой участи, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, ихъ гнали всюду и умерщвляли жестоко, безъ суда и расправы; къ тому же, нельзя было и разузнать о нихъ при отсутствіи статистическихъ свѣдѣній о числѣ жителей, ихъ сословій и состояніи, по неимѣнію паспортовъ во всей Персіи; а потому всякіе поиски плохой полиціи оставались напрасными. Между тѣмъ въ столицѣ во все это время происходили другія событія: это перемѣна министерства; а интриги за интригами отягощали дворъ Шаха: по интригамъ этимъ погибъ и чтимый всѣмъ народомъ первый министръ. Его обвиняли въ томъ, что будто бы онъ старался возвести на тронъ другаго брата шахскаго *Аббаса-Мирзу*, бывшаго Наибус-Салтанета; пошли вмѣшательства и женъ покойнаго Мохаммедъ-Шаха: Аббасъ-Мирза былъ изгнанъ. Тегеранскій дворъ долженъ былъ заботиться о внутреннемъ спокойствіи.

Новое министерство едва только успѣло войдти въ свою силу и Мирза-Агка-Ханъ, возведеніемъ своихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ въ высшее государственное значеніе, началъ постепенно пускать корни своего могущества въ почвѣ деспотическаго управленія, какъ вдругъ, къ несчастію бабидовъ, совершилось въ Тегерани событіе, котораго необдуманность и преждевременность такъ дорако оплакивали они публично послѣ счастливой для правительства ихъ неудачи. Въ половинѣ августа [1]) 1852 года напали на Шаха, когда онъ ѣхалъ на охоту,

[1]) По показанію г. Севрюгина и другихъ, въ сентябрѣ; но мы слѣдуемъ пер-

нѣсколько бабидовъ; послѣдовали одинъ за другимъ три выстрѣла. Свита не могла отстранить отъ его величества послѣдняго. Рана была легкая. По словамъ Супехра, Шахъ даже не поморщился, держался на своемъ конѣ и свита нѣсколько минутъ не знала даже что онъ раненъ. Одинъ изъ преступниковъ былъ убитъ на мѣстѣ, двое схвачены съ пистолетами и кинжалами въ рукахъ. По отобраніи допросовъ они содержались въ темницѣ, а по показанію одного изъ нихъ, обманутаго обѣщаніемъ пощады, назначено строгое изслѣдованіе. Съ того дня производились розыски; въ одной Тегерани найдено было около 70-ти человѣкъ бабидовъ, жившихъ въ подземельи, гдѣ никто не могъ имѣть подозрѣніе о ихъ тайной сходкѣ. Казнь надъ этими преступниками была ужасна: несчастные розданы были вельможамъ, духовнымъ чинамъ и разнымъ личностямъ всѣхъ сословій, изъ которыхъ всякій терзалъ свою добычу какъ только ему хотѣлось, или какъ могъ только придумать безчеловѣчнѣе, соперничая въ преданности къ Шаху, одинъ передъ другимъ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ — говоритъ г. Мошнинъ — во всѣхъ городахъ Персіи только и занимались казнями, сопровождаемыми ужаснымъ изувѣрствомъ.

2. Историческое изложеніе.

Изъ показаній преступниковъ, изложенныхъ въ дневникѣ того времени и въ исторіи Супехра, я составилъ слѣдующее описаніе историческаго хода этого дѣла. Главнымъ коноводомъ Тегеранскихъ бабидовъ былъ нѣкто по имени *Мулла-Шейхъ-Али*. Это духовное лицо, какъ мы замѣтили выше, подъ именемъ Сейидъ-Али (гл. II, п. III–V.), принадлежало къ числу учениковъ обоихъ шейховъ: Ахмеда и Казема и, впослѣдствіи, когда

сидскому историку, который прямо указываетъ на 23 Шевваля 1263 года; а именно 16 августа 1852 г.

Мирза-Али-Мохаммедъ былъ избранъ уже главою шейхидовъ, а потомъ возведенъ въ званіе Баба (см. гл. I, п. III), принялъ его ученіе и ходилъ и ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ городъ по Иракъ-Аджему и Фарсу, проповѣдуя имя Баба. Шейхъ-Али участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ споданжниковъ ученія Баба и имѣлъ между ними важное значеніе; такъ что его звали вымышленнымъ почетнымъ именемъ *Хазрети-азимъ*, т. е. великій владыко. Этотъ тайный коноводъ бабидовъ представляется персидскимъ историкомъ какъ нѣчто въ родѣ Монте-Кристо: каждый часъ онъ являлся въ новомъ одѣяніи, каждый день онъ перемѣнялъ мѣсто жительства. То онъ въ г. Кашанѣ (въ 1845 г.) въ видѣ дервиша является къ Мирзѣ-Агѣ-Хану, будущему первому министру, съ предложеніемъ принять ученіе Баба; то онъ въ деревняхъ въ видѣ отшельника; то въ городахъ въ видѣ богатаго купца и важнаго человѣка проповѣдуетъ бабизмъ, говоритъ о притѣсненіяхъ чиновниковъ и деспотизмѣ духовенства. Его нигдѣ не видали два раза въ одномъ и томъ же одѣяніи.

Въ 1848 и 1849 годахъ онъ является дѣйствующимъ лицемъ въ самой Тегерани. Когда первый министръ Мирза-Таги-Ханъ принималъ строгія мѣры къ истребленію бабидовъ въ государствѣ, этотъ Шейхъ-Али успѣлъ предъ его глазами составить цѣлое общество бабидовъ и никто не зналъ о томъ. Это тайное общество вѣроятно было въ связи съ бабидами въ Мазандаранѣ, въ Тавризѣ и въ Зенганѣ. Для того, чтобы не дать правительству времени довершить преслѣдованіе Баба и его прозелитовъ въ разныхъ мѣстахъ—а для этого нужно было произвести сильное волненіе въ столицѣ — оно положило: въ одну пятницу въ главной мечети убить именитаго тогда по всей Персіи имамъ-джумъ-а, *Мирзу-Абуль-Касима*; потомъ, въ смятеніи, напасть на шахскій дворецъ и предать смерти самого Шаха съ приближенными! Расчетъ былъ довольно вѣренъ: тутъ бабиды

вѣроятно взяли бы верхъ повсюду; развѣ только народъ расчитался бы съ ними; но они увѣрялн до сихъ поръ всѣхъ и каждаго, что они трудятся и умираютъ единственно для благоденствія отечества. Не знаемъ, что въ-самомъ-дѣлѣ было бы въ Персіи, еслибы удался злой замыселъ Шейхъ-Али; но Провидѣніе не попустило этого. Шпіоны перваго министра раскрыли кое-какіе слѣды этого дѣла; но вполнѣ они не могли узнать программу заговора; добрались однакожъ до того, что Шейхъ-Алн единственный человѣкъ, который руководствуетъ имъ и что у него намѣренія самыя пагубныя. По распоряженію перваго министра сдѣланы были самые утонченные розыски, но не могли найдти злодѣя. Добрались до слѣдовъ одного изъ его второстепенныхъ сообщниковъ, поймали его слугу, но сколько ни старались, сколько ни терзали послѣдняго, все-таки не нашли злоумышленника и не открыли ни одного изъ его главныхъ сообщниковъ, — а онъ жилъ все время въ Тегерани. Его слуга, умирая подъ ударами кинжала, сознался во многомъ; но не указалъ мѣстопребыванія своего господина, или его сообщниковъ. Съ этихъ поръ тайное общество не могло продолжать своего злаго намѣренія; оно разошлось по разнымъ провинціямъ. Слухи о казни Баба, объ истребленіи бабидовъ въ Мазандаранѣ, въ Зенганѣ и въ Нейризѣ, откуда нѣкоторые спасшіеся успѣли опять присоединиться къ тайному обществу, — были слишкомъ ужасны; вездѣ опасно было Шейху-Али и его сообщникамъ дѣлать наималѣйшую демонстрацію въ пользу своего ученія. Должны были молчать и ждать.

Послѣ несчастнаго событія съ первымъ министромъ Мирза-Тагки-Ханомъ, котораго судьба, вслѣдствіе упомянутыхъ нами выше интригъ, кончилась ссылкою въ Кашанъ и тайнымъ убіеніемъ его тамъ, Шейхъ-Али съ учениками опять явился въ Тегерань. Это было въ началѣ 1851 года. Покуда всѣ въ столицѣ были заняты разговоромъ о постыдномъ дѣлѣ съ достой-

нѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ, сдѣлавшимся жертвой каприза; покуда новый первый министръ занятъ былъ утвержденіемъ своей власти; покуда онъ всѣми мѣрами, благовидными и неблаговидными, искалъ популярности, —Шейхъ-Али успѣлъ пріобрѣсти значительное число сообщниковъ изъ среды весьма даже вліятельныхъ людей. Между послѣдователями его ученія, напримѣръ, были: Хаджи-Сулейманъ-Ханъ, родной братъ того Феррухъ-Хана, который убитъ былъ зенганскими бабидами; Сейдъ-Хасанъ хорасанскій, Мирза-Абдулъ-Ваххабъ ширазскій, Ага-Мегди Кашанскій и т. п. люди, болѣе или менѣе имѣвшіе значеніе въ обществѣ. Такихъ извѣстныхъ уже было 70 человѣкъ. Мѣсто для сходки нхъ назначено было въ домѣ упомянутаго Хаджи-Сулейманъ-Хана; тамъ въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ они составлян программу будущихъ своихъ дѣйствій.

Полтора года это тайное общество спокойно жило въ столицѣ Шаха и никто не зналъ объ немъ. Наконецъ пришла пора развязки. Было положено: назначить нѣсколькихъ молодцовъ для нападенія на Шаха, когда его величество, по своему обыкновенію, соберется ѣхать куда нибудь; въ то же время предать смерти нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ значеніе н власть въ городѣ и объявить городъ свободнымъ отъ притѣсненіл и самопроизвола властей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. «Тогда—говорили они—городъ будетъ въ нашихъ рукахъ.» Заговорщики имѣли полное право такъ думать. Они знали хорошо свой край, свои обычан; знали, что если не станетъ царствующей особы, если властителн на одинъ часъ потеряютъ свое значеніе, то можно десяткамъ тысячъ голодной черни и даже сарбазамъ и нукерамъ указать путь къ безчинству и грабежу; только для этого надо было коновода. Бабиды думали, сдѣлавъ первый шагъ, съ обнаженными мечами идти по улицамъ и рынкамъ, приглашая народъ къ имени Баба и тутъ же сказать принимающимъ это имя: «идите н возьмите все, что найдете во дворцахъ шахскихъ, въ великолѣпныхъ

палатахъ свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, въ сундукахъ вашихъ тирановъ—все ваше, лишь бы вы исповѣдывали имя Баба; послѣ этого и всѣ царства земли будутъ ваши.» Тутъ дѣйствительно собрались бы десятки тысячъ черни и минутное безначаліе предоставило бы обширное поле отчаянныхъ бабидамъ.

Но не удалось это имъ. 12 человѣкъ назначены были идти противъ Шаха. Въ день воскресенія 28 Шевваля, т. е. 16 Августа (1852 года) Шахъ ѣхалъ изъ своего дворца въ *Неяверань* [1]). Пушечный выстрѣлъ, по обычаю, извѣстилъ народъ о минутѣ выѣзда Шаха. Только что его величество съ своею свитою успѣлъ выѣхать на дорогу, какъ тутъ бросились на него три человѣка, одинъ за другимъ, съ пистолетами и кинжалами; выстрѣлъ перваго не попалъ; выстрѣлъ втораго былъ отведенъ однимъ изъ конвойныхъ; но выстрѣлъ третьяго въ трехъ мѣстахъ слегка ранилъ юнаго Шаха: пистолетъ былъ заряженъ дробью. Изъ преступниковъ одного убили на мѣстѣ, остальныхъ двухъ захватили. Неудача приписана была бабидами къ поспѣшности трехъ молодыхъ изъ 12-ти избранныхъ; они не дождавшись остальныхъ девяти, прежде времени, можетъ быть полчасомъ раньше, приступили къ дѣлу и, какъ говорили послѣ сами бабиды при допросахъ, «*испортили дѣло*».

Шахъ воротился назадъ. Въ Тегерани сдѣлалось волненіе. Говорили разно. Его Величество былъ принужденъ назначить *селямъ* (нѣчто въ родѣ параднаго выхода), чтобы этимъ положить конецъ разнымъ толкамъ въ городѣ и бабиды не могли показаться, потому что ихъ вездѣ искала полиція.

По нѣкоторымъ слѣдамъ и по показаніямъ захваченныхъ скоро открыли и поймали 70 человѣкъ бабидовъ и совершили надъ ними сказанное нами выше изувѣрство. Авторъ персидской исторіи называетъ поименно тѣхъ важныхъ преступниковъ, числомъ 28,

[1]) Лѣтнее мѣстопребываніе Шаха, въ окрестности Тегерана.

которыхъ терзали изысканными муками разнаго рода военные и гражданскіе чины, духовное и купеческое сословія, студенты шахской академіи, сарбазы, ферраши и даже ремесленники. Между этими лицами мы видимъ Сейдъ-Хусейна Ездскаго, бывшаго собесѣдника и руководителя Баба (см. гл. I, п. XIV; гл. II, п. IV), разъ спасшагося отъ преслѣдованія правительства отказомъ отъ своего учителя; героиню Казвинскую Гкурретуль-Айнъ и многихъ другихъ изъ Мазандаранскихъ, Милянскихъ, Зенганскихъ и Нейризскихъ бабидовъ, присоединившихся къ Тегеранскимъ послѣ описанныхъ неудачъ въ этихъ мѣстахъ.

Гкурретуль-Айнъ, находившуюся подъ стражей у Махмудъ-Хана (см. гл. II, п. XII) съ 1849 года, не убили бы и теперь; но гнѣвъ Шаха ко всѣмъ бабидамъ, безъ различія пола и возраста, распространился и на эту героиню. Ее убили тайно.

Изувѣрство, которое придумано компетентными палачами бабидовъ, выше всякаго описанія: даже и намеки объ немъ слишкомъ противны и оскорбительны были бы для слуха европейскаго читателя. Но несмотря на эти терзанія, мало кто изъ бабидовъ отрекся отъ своего ученія; большая часть ихъ вынесли съ непоколебимою твердостью всѣ пытки, какія только можетъ выдумать ярость фанатизма; они умирали съ невозмутимымъ спокойствіемъ, взывая о своей участи только къ *Аллаху* и *Али*.

3) Заключеніе.

Какъ бы ни было велико преступленіе, но когда преступникъ, при терзаніи, призываетъ въ помощь святое имя и повторяя его испускаетъ духъ, то это невольно вызываетъ сочувствіе даже въ самыхъ холодныхъ зрителяхъ, хотябы они были иноплеменники и варвары. Имя *Али* (перваго имама) такъ свято, такъ усладительно для слуха *всѣхъ* шіитовъ, что оно сопро-

вождается какимъ то умилительнымъ утѣшеніемъ; у мистиковъ же разныхъ расколовъ Али или считается божествомъ, или, по крайней мѣрѣ, обоготворяется, какъ покровитель нѣры, начальникъ всѣхъ имамовъ—управителей міра [1]). Даже правовѣрные имамиды (исна-ашериды—это господствующая вѣра въ Персіи), которые по своему дагматическому ученію должны считать Али только намѣстникомъ Мохаммеда, его ученикомъ, или, аллегорически—*дверью къ истинному познанію*, которое сосредоточивается въ Мохаммедѣ и изъ него проистекаетъ, слѣдственно *вторымъ* лицемъ послѣ пророка,—даже эти имамиды, увлекаясь общею къ своему патрону любовью, часто преувеличиваютъ его значеніе и позволяютъ своему воображенію разрисовывать его очаровательными красками школы буддизма. Изъ устъ шіита слышны всегда три названія: «*я Аллахъ!*» (о, Боже!) «*я Али!*» (о, Алн!), *я, сахибуз-земанъ!*» (о, хозяинъ, или управитель времени, міра!). Подъ послѣднимъ восклицаніемъ они разумѣютъ Мегдія, послѣдняго имама. Никогда (исключая только особенныя, положенныя молитвы) они не обращаются къ Мохаммеду или другому святому; *я Али* же повторяется у нихъ ежеминутно; оно болѣе въ употребленіи, чѣмъ даже «я Аллахъ!»

Общая черта истерзанныхъ бабидовъ, какъ въ Тегерани, такъ и повсюду, была одна и та же: твердость въ самоотверженіи и непоколебимое мужество при встрѣчѣ мучительной смерти. Вездѣ, умирая, они взывали къ Аллаху и Алн. Поэтому всѣ, видѣвшіе ихъ безчеловѣчное истязаніе, при такомъ ихъ смиреніи, унесли съ собою, болѣе или менѣе, сожалѣніе объ нихъ и негодованіе къ истязателямъ; но иные, увлеченные собственнымъ интересомъ, по обыкновенію, забыли ихъ, а другіе были при-

---

[1]) См. выше въ этой II главѣ п. 1 и читай примѣч. 4 къ пункту IV. главы I. Также главу III, отд. I п. 4.

страстными судьями въ непонятномъ для нихъ дѣлѣ; не мало же изъ черни, сильно сочувствуя мученію бабидовъ, готовы были даже безъ всякаго сознанія принять ихъ ученіе; но ихъ удерживали строгія въ то время мѣры правительства, которое предписывало смерть по одному лишь подозрѣнію.

Прошло нѣсколько времени и опять образовалось тайное общество бабидовъ. Ихъ много, говорятъ, нынѣ въ Персіи и они скрываются въ недоступной для правительства тайнѣ; въ особенности ихъ много въ Фарсѣ, въ Хорасанѣ и въ Кербела т. е. въ мѣстахъ первоначальнаго появленія бабизма.— Между бабидами оказалось довольно много и значительныхъ лицъ всѣхъ сословій; тутъ много было и Хановъ и Бековъ и духовныхъ лицъ, равно какъ и военныхъ, и купцовъ. Правительство знаетъ о существованіи этой секты, но ничего не можетъ предпринять вѣрнаго къ открытію участвующихъ въ ней, тѣмъ болѣе къ преслѣдованію. Въ день катастрофы—покушенія на жизнь юнаго Шаха, когда были открыты и перехвачены бабиды, многіе изъ нихъ въ досадѣ говорили публично: «*еще денекъ, еще часъ—не то было бы въ Персіи!...*» Такъ передала намъ живая хроника этого времени.

Въ слѣдующей главѣ мы будемъ говорить, сколько намъ доступно, какъ объ ученіи бабидовъ, такъ и о причинахъ первоначальнаго развитія и постепеннаго упадка этого ученія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Объ ученіи бабидовъ

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Обзоръ развитія шіизма въ Персіи.

Чтобы показать, въ чемъ именно состоялъ расколъ, послужившій извѣстному классу въ новоперсидскомъ государствѣ предлогомъ давно желанной реформы, мы должны представить здѣсь историческій обзоръ *шіизма* и познакомить нашихъ читателей съ сущностью ученія шіитовъ, въ особенности той огромной отрасли изъ нихъ, которая нынѣ господствуетъ по всей Персіи. Это—ученіе шіитовъ, называемыхъ *имамидами-ични ашаргдами*, т. е. исповѣдующими 12 имамовъ.

I. Шіиты въ началѣ ислама.

При жизни Мохаммеда главнѣйшіе члены символа вѣры, исповѣдуемой обществомъ мусульманъ, были слѣдующіе: 1) Нѣтъ Бога, кромѣ единаго Аллаха. 2) Мохаммедъ—пророкъ, посланный Аллахомъ. Всѣ же прочіе второстепенные догматы вѣры и постановленій ея, постепенно проистекали изъ устъ сего пророка и получили свою ненарушимую святость между сословіемъ *Таухида* (единобожія [1]). Эти второстепенные догматы составляли вѣрованіе въ *ангеловъ*, въ *пророковъ*, въ *писанія* (вет-

[1]) Такъ преимущественно называютъ себя мусульмане, чтобы отличиться отъ «многобожниковъ» (*аль-мушрикунъ*).

хаго и новаго завѣта), въ *загробную* жизнь, въ *воскресеніе мертвыхъ*, въ *безсмертіе души*, въ *Промыслъ Предвѣчнаго*. Вѣчный рай, вѣчное блаженство назначались въ награду праведникамъ, и неизмѣнный адъ, непреложныя мученія—въ кару грѣшникамъ. Законы, распредѣляющіе эти награды, эти муки, въ разныхъ степеняхъ, равно какъ и правила кратковременной земной жизни для переходящихъ изъ небытія въ вѣчность [1]), также достаточно развиты въ ученіи самого пророка, въ его коранѣ и въ преданіи. Но когда не стало пророка, постепенная разработка этихъ идей, растолкованіе темныхъ началъ этого ученія, а не менѣе того новые, еще неразрѣшенные вопросы, вызванные новыми идеями, создали рядъ религіозно-философическихъ и религіозно-юридическихъ доктриновъ, которые составляютъ предметы донынѣ принятыхъ на Востокѣ (Келяма) схоластической философіи и (фиккха) законовъ. Начало этихъ сужденій, этой философіи мы видимъ еще въ концѣ жизни самаго Мохаммеда; но со смертью его они скоро расплодились, и еще въ самомъ первомъ вѣкѣ ислама образовались разныя школы и секты. Разногласіе и споры относились или чисто къ *отвлеченнымъ идеямъ*, или къ *историческимъ фактамъ и преданіямъ* о предметахъ вѣрованія. Къ первой категоріи относились вѣрованіе въ Бога, въ Его аттрибуты, въ его промыслъ; вѣрованія въ духовъ небесныхъ и земныхъ, въ судьбу человѣка, въ силу и значеніе пророковъ и *имамовъ* и тому подобное. Эти споры и сужденія были содержаніемъ схоластики, начавшей водворяться въ исламѣ съ 37-го года бѣгства Мохаммеда, или спустя 27 лѣтъ по смерти его, а именно, когда *Хариджиды*, въ чис-

---

[1]) По философіи Корана, души человѣческія сотворены за нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ до созданія свѣта. Эти души покоились и теперь покоятся въ невидимомъ мірѣ, и чтобы перейдти въ вѣчность, онѣ должны принимать временную форму для испытанія.

лѣ 12,000 челов., послѣ сраженія при *Саффейнѣ*, явно отложились отъ господствовавшаго тогда ученія и отвергли власть намѣстника пророка, Али, четвертаго Халифа. Не прошло еще 10-ти лѣтъ, какъ явились школы *мутазилидовъ* и *сифатидовъ*, изъ которыхъ въ короткое время образовались еще 17 школъ или исповѣданій. Между ними *ашъ'ариды* были постоянные защитники принциповъ правовѣрія, почему суннитъ называютъ ихъ спасенными (наджи). Схоластика продолжала развиваться до 7-го столѣтія ислама. То одно ученіе развѣтвлялось на многія другія, то многія совпадали въ одни отдѣльныя болѣе систематическія, и наконецъ изъ всего образовались двѣ грамодныя школы *материдская* и *газалидская*.

Ко второй категоріи, а именно къ предметамъ историческихъ фактовъ и преданій о религіи, относились споры и сужденія: а) о пророкахъ, имамахъ, священныхъ книгахъ, святыхъ и вообще обо всемъ томъ, что подлежитъ вѣрованію въ историческомъ и физическомъ мірѣ; это также относится къ схоластикѣ философіи; б) о правилахъ жизни, обрядахъ и законахъ, что составляетъ чисто религіозно-юридическіе предметы. Тутъ исламъ дѣлился на два главныхъ отдѣла, *суннитовъ* и *шіитовъ*. Первые считаютъ себя ортодоксами, самыми старшими въ исламѣ, потому что они начали и продолжаютъ ту самую вѣру, которую диктовалъ Аллахъ устами своего пророка въ *коранѣ* и въ *преданіяхъ*, и которую извлекли первые ученики Мохаммеда изъ его жизни, изъ его *суннета* [1]). Вторые—*шіиты*, считаютъ

[1]) Суннетъ значитъ *привычки, правила жизни:* все, что Мохаммедъ говорилъ и дѣлалъ на поприщѣ религіи и обрядовъ, называется *суннетъ*; оно передано потомству ближайшими учениками его, а потому и самое *преданіе* носитъ вообще имя *суннета*. Шіиты отвергаютъ все то, изъ этихъ преданій, что не перешло потомству посредствомъ ихъ собственныхъ *имамовъ*. На этомъ основаніи «*сунниты*» носятъ это имя въ смыслѣ сословія, исповѣдующаго ученіе суннета; а *шіиты*, какъ *явно отвергающіе* огромную часть

ортодоксами *себя* и приписываютъ пристрастіе и заблужденіе первымъ ученикамъ пророка, отвергавшимъ права Али, его зятя и считаютъ его *первымъ* и непосредственнымъ наслѣдникомъ пророка вопреки исповѣданію своихъ противниковъ, которые считали его *четвертымъ* послѣ *Абу-бекра*, *Омара* и *Османа*. Этихъ трехъ шіиты признаютъ похитителями права Али и предаютъ ихъ проклятію.

Какъ сунниты, такъ и шіиты не могли оставаться при своихъ первоначальныхъ формахъ вѣрованій. Первые изъ нихъ раздѣлились на шесть или семь школъ, изъ которыхъ образовались четыре исповѣданія, которыя хотя и разнаго мнѣнія о религіозныхъ обрядахъ и законахъ, вызванныхъ изъ *Корана* и *Преданій*, но равномѣрно считаютъ себя и другъ друга ортодоксами, а всѣхъ прочихъ—*еретиками*. Эти четыре секты [1]) образовались во 2-мъ и 3-мъ столѣтіяхъ ислама и теперь обнимаютъ слишкомъ двѣ трети мусульманскаго міра. Всѣ турко-татары, съ многоразличными своими племенами, разсѣянными по всему Туркестану, до границъ Тибета и Индіи, по Россіи, до границъ Китая и береговъ Чернаго моря и по Турціи, начиная съ Евфрата до предѣловъ христіанской Европы, суть преимущественно Ханафиты (Хотя однакожъ можно видѣть между жителями Средней Азіи цѣлыя общества и шафіитовъ, но мы говоримъ о господствующемъ исповѣданіи). Весь Дагестанъ и Кавказскіе горцы, носящіе имя мусульманина, весь Египетъ и всѣ Сирійскіе мусульмане, большею частью, суть Шафіиты. Всѣ Арабы, живу-

---

суннета называютъ себя шіэ, т. е. словомъ, которое значитъ *явно протестующіе въ пользу правой дѣла* и это первое дѣло — первенство ихъ имама Али въ *халифатѣ*.

[1]) А именно: *Ханафиты* (иначе *Азамиды*), *Маликиды* (обѣ начали обрезовываться въ 1-й половинѣ 2-го столѣтія ислама), *Шафіиты* и *Ханбалиды* (обѣ обрезовались почти въ одно время, а именно въ исходѣ 2-го вѣка и въ началѣ 3-го послѣ Гиджры).

щіе по берегамъ Африки, преимущественно суть Маликиды. Ханбалидовъ же много въ Аравіи, въ Египтѣ и въ Сиріи; они составляютъ сравнительно меньшую часть суннитовъ, ибо въ этихъ же странахъ, гдѣ господствуютъ Ханбалиды, мы видимъ огромное число и шафіитовъ.

Шіиты съ первыхъ же вѣковъ ислама распались на значительное множество расколовъ, между которыми господствующее исповѣданіе называется *имамидское–исна-ашеридское*, т. е. исповѣдующее 12 имамовъ, начиная съ Али, зятя Мохаммеда, и оканчивая послѣднимъ по прямой линіи отъ него нисходящимъ, *Аль-Мегди*. Это исповѣданіе нынѣ господствуетъ во всей Персіи, развито въ мусульманской Индіи и соперничаетъ тамъ съ суннитскимъ по школѣ Шафіитской и Ханафидской, между тѣмъ какъ другіе расколы этого имени проникнуты по всему пространству Хорасана, Ирака, Фарса, Кирмана до береговъ Индуса и за Индусомъ.

Всѣ шіиты единогласно отвергаютъ законность правъ первыхъ трехъ халифовъ суннитскихъ и признаютъ первымъ *имамомъ* одного только Али; слѣдственно Али есть общій патронъ всѣхъ шіитовъ, и признаніе самихъ противниковъ ихъ, что онъ одинъ изъ четырехъ владыкъ правовѣрія и самое близкое къ Богу лицо послѣ Мохаммеда [1]), придаетъ ему огромное значеніе между всѣми мусульманами, исключая Хариджидовъ, которыхъ теперь осталось весьма немного.

II. Причины распаденія шіитовъ на секты.

Мы нѣсколько разъ имѣли случай упоминать, что одной изъ главныхъ причинъ размноженія шіитскихъ расколовъ было перво-

[1]) Дѣйствительно, несмотря на то, что суннты считаютъ Али *четвертымъ* халифомъ послѣ Абубекра, Омаре и Османа, по достоинство его считаютъ выше всѣхъ прочихъ.

начальное вліяніе древняго ученія буддистовъ о воплощеніи, которое было искони общимъ достояніемъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ Азіи. Идея эта-натурально должна была быть привита къ исламу скорѣе и вѣрнѣе тамъ, гдѣ онъ былъ введенъ силою и гдѣ онъ засталъ его свѣжіе слѣды. Это были Персія и Индія. Въ отечествѣ ислама, въ Аравіи, гдѣ также господствовало нѣкогда идолопоклонство, она не могла къ нему привиться, потому единственно, что основатель этой вѣры ознаменовалъ свое ученіе строгимъ единобожіемъ, слѣдовательно первые сподвижники ислама употребляли всѣ мѣры, и мечъ, и огонь, для искорененія всѣхъ тѣхъ началъ, на которыхъ было основано язычество. Арабы готовы были бы обоготворять своего пророка и произвести его въ божество, какъ Ликаонскіе язычники дѣлали тоже самое съ апостолами Павломъ и Варнавою (Дѣян. Ап. гл. XIV, ст. 8—15); но и Мохаммедъ дѣлалъ то же что и апостолы, постоянно называлъ себя человѣкомъ, какъ всѣ прочіе, «рабомъ Божіимъ», и отнюдь не допускалъ своимъ ученикамъ предаваться обычному заблужденію. Всю свою жизнь онъ употребилъ на это, что строго соблюли и первые его ученики. Вотъ почему мы не видимъ собственно въ Аравіи, при жизни Мохаммеда и долго послѣ его кончины, никакой идеи, чуждой принципу *единобожія* по понятіямъ строгаго мусульманина.

Когда исламъ утвердился въ кругу перваго общества фанатиковъ, ему было чуждо, неиавистію все, что только могло быть противно Корану. Собственно тогда не могла родиться и жить въ Аравіи мысль о божественномъ качествѣ *кого бы то ни было*. По свидѣтельству очевидцевъ, со словъ коихъ передавали первые историки ислама потомству о смерти Мохаммеда, идея, что Мохаммедъ болѣе не существуетъ, показалась недоступною для его прозелитовъ изъ черни.—«Мохаммедъ умеръ!... Мохаммедъ могъ умереть?!..» восклицали они, пораженные удивленіемъ. Сроднѣе была бы имъ мысль, что Мохаммедъ исчезъ,

отошелъ въ міръ тайный, скрылся изъ глазъ недостойныхъ смертныхъ; но глашатай со стороны Халифа по всѣмъ улицамъ Медины ходилъ и кричалъ: «рабъ Божій, смертный Мохаммедъ, умеръ! Умеръ потому, что онъ житъ: онъ ѣлъ, онъ пилъ; онъ былъ человѣкъ—и долженъ былъ умереть. Горе тому, кто вѣруетъ иначе!» — Али приговорилъ къ смертной казни одного, который сомнѣвался, что онъ простой человѣкъ; но преданіе, сложившееся послѣ у Аліидовъ, вѣрующихъ въ божественное значеніе своего патрона, говоритъ, что казненный былъ воскрешенъ чрезъ Али и онъ еще болѣе убѣдился въ божественной силѣ своего воскресителя.

И такъ всѣ различія между шіитскими сектами состояли, во-первыхъ, въ степени боготворенія, какое каждая имѣла къ своимъ имамамъ; во вторыхъ, въ личности самихъ обоготворяемыхъ имамовъ. Одни остановились на Али, первомъ имамѣ, какъ наприм. *Носейриды*, и не допускали другихъ имамовъ; и тутъ мы видимъ различныя степени вѣрованія, т. е. разныя секты Аліидовъ. Другіе остановились на *Зейдѣ*, братѣ *Ал-Бакыра*, 5-го имама шіитовъ – исна-ашеридовъ, котораго другіе не признаютъ. Третьи обоготворили *Исмаила* сына Джафера, 6-го имама исна-ашеридовъ, когда рядомъ съ ними большинство исповѣдывало его брата *Муса-Ар-Риза*. За этимъ Измаилиды распались на множество сектъ. Но ортодоксы-шіиты суть тѣ, которые со временъ Али до 12-го его потомка, *Аль-Мегди*, держались наслѣдственнаго исповѣданія, не отстраняясь ни вправо, ни влѣво отъ ученія законныхъ *по наслѣдству* ихъ имамовъ.— Такимъ образомъ шіиты дѣлятся на *мелаххидэ*, т. е. отступниковъ отъ догматовъ ислама, слишкомъ превозносящихъ божественное достоинство своихъ имамовъ, какъ Носейриды, Измаилиды и т. п.; на *Имамидовъ*, которые вѣруютъ въ имамовъ, сколько бы ихъ ни было изъ рода Али; и на *исна-ашеридовъ*, которые исповѣдуютъ 12 имамовъ въ прямой линіи изъ рода Али. Мы бу-

демъ говорить о двухъ послѣднихъ какъ объ основаніи, изъ котораго развѣтвлялись всѣ до сихъ поръ существовавшіе расколы и въ томъ числѣ бабизмъ.

III. Имамиды вообще.

Чтобы основательнѣе показать, въ чемъ состоитъ ученіе объ *имаметѣ* у шіитовъ въ Персіи, гдѣ явились нынѣ бабиды, мы должны забраться немного поглубже въ исторію этого раскола.

Во время послѣднихъ годовъ жизни Мохаммеда между учениками его возникъ вопросъ: кто будетъ управлять дѣлами правовѣрія послѣ кончины пророка? Мохаммедъ не могъ рѣшить вопросъ; онъ надѣялся оставить послѣ себя законнаго наслѣдника—своего сына, но это не сбылось. Предвидя возмущеніе, онъ предоставилъ наслѣдство тому, *кого изберетъ* изъ среды своей общество всѣхъ мусульманъ; однакожъ во многихъ его рѣчахъ и дѣйствіяхъ замѣтно было желаніе оставить это наслѣдство за своимъ зятемъ Али, мужемъ родной своей дочери Фатимы. Объ этомъ хорошо знали и Али и его жена, и многіе приближенные къ нимъ люди. Преданіе о торжествѣ при *Гадирѣ-Хумѣ*, о которомъ будетъ говорено ниже, прямо указываетъ на это тайное желаніе Мохаммеда. Прошло немного времени—и неожиданно умеръ Мохаммедъ. Зять его Али, будучи гораздо моложе другихъ соперниковъ своихъ и не имѣя тѣхъ связей между Гкорейшидами, какими пользовались старшіе ученики Мохаммеда, притомъ человѣкъ миролюбивый и кроткій, не слишкомъ заботился о собственномъ интересѣ. Покуда онъ одинъ съ своими приближенными былъ занятъ приготовленіями къ похоронным обрядамъ—говорятъ всѣ историки, даже и суннитскіе [1])—другіе занимались избраніемъ Халифа. Это избраніе, конечно, не обошлось безъ интригъ. *Мугаджиры* и *Ансары*

[1]) См. Табери, о кончинѣ Мохаммеда.

долго спорили и интриговали и наконецъ изъ среды претендентовъ избранъ былъ Абу-Бекръ, съ титуломъ «*Хели фету-ресулилляхъ*», т. е. наслѣдникъ пророка божьяго.

Приверженцы Али втайнѣ протестовали противъ этого дѣйствія, но въ-явѣ должны были уступить большинству и силѣ. Али самъ употреблялъ всѣ мѣры къ избѣжанію раздоровъ и непріятностей; онъ подчинился общему избранію мусульманскаго общества, подчинился послѣ и Омару, и Осману и съ полною кротостью принялъ на себя, по четвертому выбору, названіе четвертаго Халифа и всѣми средствами старался обуздать своихъ послѣдователей и тайныхъ приверженцевъ. Но обстоятельства перемѣнились: въ послѣдніе дни его жизни и послѣ его кончины, интриги властолюбія и слѣпой фанатизмъ приготовили безпорядки и междоусобія, въ которыхъ свѣтская власть успѣла подчинить себѣ духовную—и воздвиглось могущественное царство. Мы разумѣемъ переходъ халифата отъ Али въ руки *Моавіэ* и основаніе династіи *Умайядовъ*, а потомъ *Аббасидовъ*. Весь тогдашній мусульманскій міръ сперва смотрѣлъ на это съ внутреннимъ негодованіемъ; но громкое имя Моавіэ, какъ близкаго ученика пророка, и его хитрости въ продолженіи возникавшихъ безпорядковъ и междоусобій, успѣли вызвать изъ среды столповъ вѣры сильныхъ защитниковъ, которые ловко и неожиданно утвердили за нимъ наслѣдіе пророка, хотя и вопреки основныхъ законовъ корана и суннета. Сила дѣлаетъ все: правовѣрные уступили ей; законники перетолковали въ пользу правъ новой династіи всѣ существовавшія уложенія и дѣлали новыя приложенія [1]). Но втайнѣ образовалось и усилилось общество шіитовъ.

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе можно найдти въ статьѣ «*о значеніи имама въ юридическомъ его смыслѣ*. См. тамъ слово «*Имамети-Кубра*». Русское Слово, Мартъ 1860.

Послѣ убіенія Али ученіе этого тайнаго общества отличалось отъ общаго суннитскаго тѣмъ только, что оно протестовало противъ принятаго престолонаслѣдія послѣ Мохаммеда и признавало его за непосредственное достояніе Али и его рода въ нисходящей линіи; а потому къ бывшему символу вѣры прибавили они еще третій членъ: «Али есть *Вели* Бога», т. е. по кончинѣ пророка онъ главный *распорядитель* ислама со стороны Аллаха, почему *одного* его тогда и называли *имамомъ*, т. е. главою вѣры и народа.

Отъ слова «*вели*» произошло *вилайэтъ*—управленіе, право совершеннаго распоряженія. Лексически и юридически вели имѣетъ весьма обширное значеніе и потому въ первомъ же вѣкѣ развитія шіизма явились разные толки объ опредѣленіи правъ и значенія *имама и вели*. Тутъ преданія старины и легенды буддизма взяли верхъ, и между приверженцами Али изъ жителей Ирака и Фарса возродились идеи о различныхъ степеняхъ его божественности. Иные, какъ мы упомянули, возвели Али на степень высочайшаго божества и назвали его *Аллахомъ!* Такъ постепенно дѣлились шіиты. Но право наслѣдія на званіе имама они почти всѣ въ совокупности предоставляли только роду Али.

Новое правительство умейядское, опасаясь тайно-возрастающей силы шіитовъ, приняло мѣры къ обезпеченію своихъ правъ. Шіиты, по утвержденному между ними давно своего рода *страховому* закону *такійэ* [1]), всегда могли избѣгнуть *явнаго* пре-

---

[1]) Слово это значитъ *воздержаніе, осторожность*. Первые шіиты, чтобы избавиться отъ преслѣдованій со стороны господствующаго исповѣданія, скрывали свое и выдавали себя за суннитовъ; это подало поводъ къ воспослѣдованію закона *самосохраненія* подъ названіемъ *такійэ*. По смыслу этого закона, *всякій шіитъ обязанъ былъ наружно исполнять всѣ требованія господствующей религіи и выдавать себя за одного изъ ея послѣдователей*. Этотъ законъ донынѣ соблюдается шіитами, когда они

слѣдованія ортодоксовъ; почему правительство *тайно* и неусыпно дѣйствовало въ видахъ отвращенія зла, направляя свое преслѣдованіе на имамовъ изъ рода Али, какъ на главныя пружины безпокойствія, хотя и по сознанію его они были невинны. Дѣйствительно, они не искали ни власти, ни царства. Но злая политика требовала истребленія какъ виновныхъ, такъ равно и невинныхъ; словомъ, истребленія всѣхъ тѣхъ началъ, какія могли быть нравственными причинами безпорядковъ въ государствѣ или юридическимъ предлогомъ къ достиженію цѣли властолюбиваго соперника. Однакожъ слишкомъ неосторожныя мѣры первыхъ двухъ государей, Моавіи и сына его Езида, вмѣсто желаемаго спокойствія, имѣли пагубныя послѣдствія.

Отравленіе Хассана, старшаго сына Али и умерщвленіе Хусейна, его втораго сына, съ его семействомъ, на берегахъ Евфрата, возбудили негодованіе къ царствующему дому между всѣми мусульманами того времени и поселили между шіитами неизгладимую ненависть. Тутъ властолюбцы воспользовались обстоятельствами. *Мухтаръ* съ друзьями, подъ предлогомъ мести за невинно-пролитую кровь Хусейна, собралъ шіитовъ и возсталъ въ Иракѣ; *Абдуллахъ бинъ Зобейръ*, расположивъ къ себѣ всѣхъ жителей Аравіи и Египта и часть Сирійцевъ, совсѣмъ было усвоилъ себѣ верховную власть. Мерванъ-бинъ-Хакамъ, хитрѣе и счастливѣе первыхъ, принадлежавшій къ роду *умайядовъ*, неожиданно возсталъ съ большимъ успѣхомъ

оставляютъ свое отечество и путешествуютъ по тѣмъ странамъ, гдѣ господствуетъ исповѣданіе суннитское. Напримѣръ, всѣ Персіяне въ Турціи, въ Египтѣ и даже въ Меккѣ, куда они ѣздятъ на богомолье, выдаютъ себя за суннитовъ. Уложеніе о *таккійѣ* вошло въ ученіе шіитовъ еще въ первомъ вѣкѣ ислама. Шіиты утверждаютъ, что Али признавалъ власть похитителей его правъ, т. е. первыхъ трехъ халифовъ, единственно по смыслу сего закона.

въ Сиріи. Возникло междоусобіе и пролилось много невинной крови. Наконецъ халифатъ остался за домомъ Мервана. Общество шіитовъ должно было уступить, тѣмъ болѣе, что споры и разногласія между ними, относительно догматовъ ученія, постепенно разъединяли ихъ самихъ. Не прошло и 40 лѣтъ, какъ появились три исповѣданія: *Зейдиды*, *Хаттабиды* и *Джафариды*. Послѣдніе были многочисленнѣе и держались догматовъ старыхъ, умѣренныхъ шіитовъ, дошедшихъ до нихъ по наслѣдству. Покуда *Гулевиды* (такъ называютъ эксцентрическихъ шіитовъ, приписывающихъ своимъ имамамъ разныя степени божественнаго значенія) размножались и раздѣлились между собою на другія мелкія секты, Джафариды продолжали свое ученіе на основаніи болѣе уже развитой и разумной системы своихъ имамовъ *(Мохаммедъ Аль-Багкыра* и его сына *Джафаръ Ассадыка)* и усвоили себѣ названіе ортодоксовъ.

Прошло много времени. Умные халифы Умайядской и Аббасидской династій, среди тяжкихъ политическихъ переворотовъ, съумѣли поддержать и усилить господствующее исповѣданіе суннитское и тѣмъ ограждали успѣхи раскола. Однакожъ, несмотря на то, цѣлый періодъ исторіи ислама около 450 лѣтъ ознаменованъ былъ религіозно-политическими событіями, часто слишкомъ пагубными для человѣчества почти на всемъ Востокѣ. Это успѣхи *мелахидэ*, которые постепенно размножались. Дѣйствія *Муканнашитовъ* въ Хорасанѣ, успѣхи *Бабекидовъ* или *Харамидовъ* [1]) въ Адербиджанѣ и процвѣтаніе разныхъ сектъ *измаилидскихъ* шіитовъ въ Аравіи, Сиріи и въ Персидскомъ Пракѣ довольно уже извѣстны. Тутъ были и реформы и революціи и цѣлая династія инквизиторовъ. Двигателемъ всего всегда былъ

[1]) Иначе ихъ называютъ *Хорремидами*. Первое есть ругательное названіе—«*разбойники*». Оно дано имъ, вѣроятно, ихъ противниками. Второе названіе взято отъ мѣсторожденія Бабека, основателя секты въ Адербиджанѣ.

обманъ, страсть изувѣровъ-властолюбцевъ. Въ исторіи всѣхъ этихъ проявленій мы не находимъ ни одного случая самоотверженія въ пользу блага человѣчества, потому и успѣхи ихъ всякій разъ были кратковременны, мимолетны, но зато поразительны, исполнены ужасовъ.

IV. Джафариды или Исна-ашариды.

Покуда всѣ вышеименованные расколы *мелляхидэ* продолжали свои приливы и отливы и наконецъ сами-собою ослабли и частію исчезли, суннитское исповѣданіе господствовало повсемѣстно, а шіитское *джафаридское* или *имамидское* тайно и правильно развивалось въ Фарсѣ, Ираке, Хорасанѣ и Индіи. Всѣ 12 имамовъ, начиная съ Али и оканчивая Аль-Мегди, были патронами этого ученія. Тайное братство это несло иго господствующаго исповѣданія до 7-го столѣтія Гиджры. Усилившись тогда подъ покровительствомъ Гулагу-Хана, положившаго совершенный конецъ политическому значенію и Аббасидовъ и Батынидовъ, имамиды начали постепенно обнаруживать свое исповѣданіе и придерживались своего страховаго закона (тагкійэ) тогда только, когда требовала этого какая нибудь угрожавшая опасность. Такъ постепенно они усилились и утвердились въ осѣдлости до династіи Сефевидовъ: при Шахъ-Аббасѣ Великомъ въ Персіи господствующимъ исповѣданіемъ было уже имамидское (*исна-ашаридское*). Здѣсь оно одинъ за другимъ подавляло всѣ другіе расколы, слѣды ученія коихъ однакожъ незамѣтно оставались въ народѣ, въ его суевѣріи, въ мѣстныхъ повѣрьяхъ, что и до сей поры имѣетъ вліяніе на самыхъ строгихъ ортодоксовъ изъ имамидовъ въ вопросахъ, касающихся до ученія *о достоинствахъ* ихъ имамовъ. Поясникъ это.

Наиъ опять приходится повторить, что по кореннымъ догматамъ имамидовъ, Али и одиннадцать имамовъ изъ его рода суть святые перваго достоинства *посль* первостепенныхъ про-

роковъ и *въ особенности послѣ* Мохаммеда. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ объ Али преданіе отъ Мохаммеда, которое относятъ къ торжеству при *Гадирѣ-Хумѣ* [1]), гдѣ пророкъ, вечеромъ, будто въ сонмѣ своихъ избранныхъ ученниковъ и при собранномъ народѣ, незадолго до своей кончины, объявилъ права своего зятя на *халифатъ*, т. е. на званіе наслѣдника по себѣ: «Три раза (такъ говорилъ будто-бы Мохаммедъ своимъ слушателямъ) архангелъ Гавріилъ являлся мнѣ съ поздравленіемъ отъ Господа и повелѣвалъ мнѣ предстать предъ вами *здѣсь* и объявить всѣмъ и каждому, бѣлому и черному (т. е. всѣмъ Арабамъ), что Али, сынъ Абуталиба, есть мой братъ, мой наслѣдникъ, — тотъ, который долженъ быть халифомъ и предводителемъ вашимъ послѣ меня. Между мною и Али отношеніе то же самое, какое было между Моисеемъ и Ааромомъ, кромѣ только того, что послѣ меня пророка болѣе не будетъ» [2]). Не много далѣе онъ говоритъ еще: » Знайте, что вашъ пророкъ (т. е. Мохаммедъ) лучше всѣхъ пророковъ, и его наслѣдникъ (Али) лучше всѣхъ наслѣдниковъ и содѣятелей другихъ пророковъ. »—Стало быть, по сему ученію Али своимъ достоинствомъ стоитъ *ниже пророковъ*, а выше всѣхъ людей. Но, по вышесказанному вліянію суевѣрія, укоренившагося между имамидами, всякій имамъ, въ особенности Али, въ ихъ частномъ домашнемъ мнѣніи непримѣтно и несознательно возводится до

---

[1]) Мѣстечко по дорогѣ отъ Мекки въ Медину, гдѣ останавливался Мохаммедъ съ своими учениками на обратномъ пути своемъ изъ *Хаджетулъ-вида*, т. е. изъ его прощальнаго (послѣдняго) пилигримства въ храмъ *Каабы*.

[2]) Это преданіе обще всѣмъ мусульманамъ. Но суннниты его отвергаютъ, потому только, что оно происходитъ изъ *слабаго* источника; притомъ, утверждаютъ, что шіиты много прикрасили его своими прибавленіями. Въ *Мишкатѣ* (собраніи преданій по ученію суннитовъ) совсѣмъ иначе трактуется о преданіи *Гадири-Хумѣ*. См. тамъ объ этомъ словѣ.

такой высокой степени значенія между смертными, что ихъ ставятъ *выше всѣхъ пророковъ*. Напримѣръ, по одному повѣрію Али считается выше всего человѣчества послѣ Мохаммеда, а Мегди носитъ титулъ «управителя міра». Государи славной Сефевидской династіи въ своихъ грамматахъ называли себя «*собакою*» порога имама [1]). Даже божественное значеніе Али не поражаетъ слуха самаго строгаго ортодокса этого исповѣданія! Такое тайное стремленіе къ обоготворенію имамовъ хотя и противно основнымъ, какъ мы замѣтили, догматамъ имамидовъ, и строгіе законники изъ нихъ считаютъ такое обоготвореніе богохульствомъ, но оно увлекаетъ чернь безотчетно, и этимъ всегда пользовались и пользуются самозванцы, сектаторы. Между тѣмъ система эклезіастическаго управленія между мусульманами вообще не развита до должнаго совершенства; а шіиты же въ этомъ отношеніи еще много уступаютъ суннитамъ. Нѣсколько словъ объ этомъ заслуживаютъ вниманія:

V. Почему шіиты особенно склонны къ прозелитизму.

Вообще по ученію ислама всякій правовѣрный долженъ быть или *муджтехидъ*, т. е. авторитетъ, достигшій истины и духовнаго первенства своимъ признаннымъ благочестіемъ, собственнымъ критическимъ изслѣдованіемъ *корана* и другихъ *источниковъ* религіозныхъ постановленій, — или *мукаллидъ* т. е. послѣдователь того, который достигъ этого первенства. Законъ предоставляетъ право *всякому* дойти до степени этого авторитета, но условія его такъ многосложны и трудны, что

---

[1]) Надпись многихъ серебряныхъ персидскихъ монетъ, чеканенныхъ въ $\frac{1212}{1710}$ году въ городѣ Мешедѣ, гдѣ посѣщаются персидскими богомольцами останки 8-го имама Али сына Мусы, прозваннаго Ар-Риза — съ одной стороны представляетъ «*Кельби-аситани - Али-Хусейнъ*», т. е. Хусейнъ (имя Государя), собака Аліева порога.

достичь его могутъ лишь немногіе, да и притомъ они должны быть признаны въ томъ цѣлымъ сословіемъ современныхъ улемовъ. Въ «Курсѣ мусульманскаго законовѣдѣнія по школѣ Ханефидовъ» (издан. въ Казани, въ 1845 г.) подробно изложено (введеніе, стр. XXI — L) какъ о различныхъ степеняхъ *иджтихада* (т. е. религіозно-юридическаго авторитета), такъ и о степеняхъ *таклида* (т. е. о значеніи и обязанностяхъ послѣдователя). Здѣсь нужнѣе всего упомянуть о томъ только, что сунниты, при всей свободѣ, какую законъ предоставляетъ всякому мусульманину достигнуть степени авторитета, не признаютъ возможности существованія другаго правильнаго ученія послѣ *четырехъ* своихъ имамовъ и не допускаютъ *новыхъ* авторитетовъ внѣ своего ученія, почему, въ продолженіи почти 1000 лѣтъ такъ невредимо держатся школы четырехъ имамовъ, и между суннитами реформа могла быть только въ *Тарикатѣ*, но никогда въ *Шаріатѣ* [1]). Хотя въ вопросахъ второстепенныхъ и встрѣчается разногласіе между законниками одного и того же исповѣданія, но сила обычая страны всегда беретъ верхъ въ такихъ случаяхъ и правы тѣ только, которые его поддерживаютъ: потому въ Турціи правы рекомендующіе куреніе, а въ Бухарѣ—воспрещающіе его; оба же народа одного и того же исповѣданія!

У шіитовъ это дѣло совсѣмъ иначе. *Имамъ* ихъ тайно управляетъ дѣлами ислама и невидимо влагаетъ слово въ уста вдохновенныхъ муджтехидовъ, достойныхъ откровенія. Всякій, дошедшій до степени полнаго *иджтихада*, т. е. ученіемъ и святою жизнью — считается, пока онъ въ живыхъ, управляющимъ духовными и даже гражданскими дѣлами своихъ му-

---

[1]) Указанные нами въ статьѣ о мюридизмѣ (Русское Слово. Декабрь 1859 г.) болѣе тридцати пяти религіозныхъ орденовъ въ исламѣ всѣ образовались между суннитами только по Тарикату.

гкаллидовъ (послѣдователей). Каждый такой муджтехидъ пишетъ особое сочиненіе «Рисалэ», для руководства своимъ послѣдователямъ; но оно имѣетъ свою обязательную силу только пока живетъ авторъ. Въ такихъ сочиненіяхъ мы находимъ подробныя правила для отправленія житейскихъ обязанностей мусульманина; но нерѣдко, и даже довольно часто, мы встрѣчаемъ въ нихъ разногласіе, иногда даже существенно касающееся важнѣйшихъ религіозныхъ вопросовъ [1]).

Сейидъ Али Табатабайскій, знаменитый муджтехидъ во всей Персіи съ начала сего столѣтія по 1816 годъ, имѣлъ около полутора милліона мугкаллидовъ, въ числѣ которыхъ находился самъ покойный Фетхъ-Али-Шахъ. По кончинѣ его ему наслѣдовалъ сынъ его Сейидъ-Мохаммедъ, побудившій Шаха и народъ къ войнѣ 1826—1827 г. [2]). Къ нему перешли почти всѣ мугкаллиды его отца. Какъ во многихъ религіозныхъ вопросахъ Сейидъ-Мохаммедъ былъ разнаго мнѣнія съ своимъ родителемъ, то одни и тѣ же мугкаллиды должны были измѣнить свои повѣрья и подчиниться религіозно-ученымъ гипотезамъ новаго муджтехида. Этотъ обычай такъ вообще принятъ, что иногда мугкаллиды, переходя изъ ученія въ ученіе, перемѣняютъ свои повѣрья три, четыре раза и болѣе. Изъ этого можно судить, во первыхъ, до какой степени предоставляется муджтехидамъ право толковать религіозные вопросы по *своему* собственному разу-

---

[1]) Читай для соображенія гл. II, § XIII, п. 2.

[2]) Въ любопытномъ дневникѣ *Мирзы Наср-улла-Султана*, брата Миръ-Хайдера, (Бухарскаго государя), находившагося всю свою жизнь, вслѣдствіе преслѣдованія своимъ братомъ, въ эмиграціи и наконецъ кончившаго свою жизнь въ Петербургѣ въ 1830 году (Рукопись эта находится въ Восточной библіотекѣ С. Петербургскаго университета № $^{22,155}/_{383}$), явно указано на этого муджтехида: въ шахской мечети онъ возбудилъ народъ на войну противъ Россіи и черезъ два мѣсяца Аббасъ-Мирза предпринялъ походъ на Закавказскія провинціи.

мѣнію и усмотрѣнію; во вторыхъ, до какой степени народъ, въ особенности чернь, *привычень* къ прозелитизму. Къ этому прибавимъ еще, съ одной стороны, тайное значеніе *тариката* въ Персіи [1]); съ другой — слѣпую преданность народа своему имаму и то нетерпѣливое ожиданіе появленія этого имама, въ которомъ Персіяне перещеголяли Евреевъ, ожидающихъ Мессію. Изъ всего этого понятно, какъ легко умному и хотя немного ученому плуту собрать около себя тысячи черни и выдать себя за ожидаемаго *мегдія* или его предтечу. Это дѣло бывалое и непрестанное въ Исламѣ. Но успѣхи не всегда одинаковы. Если самозванецъ выскочилъ изъ среды людей неизвѣстныхъ ни своею ученостью, ни строгостью своей жизни, ни даже своимъ происхожденіемъ, то онъ не пойдетъ дальше ближайшей опасности. Если же, напротивъ того, онъ потомокъ какого нибудь святаго, или изъ извѣстныхъ муджтехидовъ, или же человѣкъ всѣми признанный образцомъ строгой жизни, то успѣхъ его вѣренъ, въ особенности, если онъ соединяетъ въ себѣ эти достоинства.

Таковы были успѣхи шейхидовъ почти за 30 лѣтъ тому назадъ и—въ недавнее время — успѣхи бабидовъ. Не забудемъ притомъ, что послѣдніе успѣли сдѣлать большіе перевороты, результаты которыхъ еще впереди, потому что не одни только религіозные элементы были двигателями этого тайнаго общества, но и элементы политическіе, основанные на началахъ духовныхъ, религіозныхъ.

---

[1]) Хотя тарикатъ явно не проповѣдуется у шіитовъ, какъ это дѣлается между суннитами вообще, но многіе десятки тысячъ можно встрѣтить во всякой Персидской провинціи, среди образованныхъ и необразованныхъ, такихъ, которые тайно поддаются этому ученію, и нынѣ оно составляетъ философію почти всего образованнаго класса въ этой странѣ.

VI. Что именно приготовило описанное нами возстаніе въ Персіи?

Кстати, заглянемъ вмѣстѣ съ читателемъ немного поглубже въ исторію духовной, гражданской и политической жизни Персовъ впродолженіи господства ислама между ними и въ своемъ бѣгломъ обзорѣ этого дѣла посмотримъ, какія печальныя картины представляетъ вѣчное разладіе въ главныхъ пружинахъ народнаго благоустройства.

1. Когда исламъ распространился силою меча по государству Сасанидовъ и наслѣдіе Ормуздово досталось, для новой разработки, на долю арабскихъ пропагандъ, столкнулись тамъ двѣ противоположныя силы: фанатизмъ арабовъ въ распространеніи ученія корана и любовь туземцевъ къ своему прошедшему, къ своимъ обычаямъ. Хотя при этихъ обстоятельствахъ еще долго держался внѣшній бытъ покореннаго народа, но внутренняя его жизнь, утомленная постоянною борьбою этихъ противоположныхъ силъ, незамѣтно приходила въ совершенное разстройство, духъ его въ упадокъ и все это постепенно приводило страну къ нравственному разрушенію и плачевнымъ результатамъ. Съ такимъ сильнымъ орудіемъ, каковъ фанатизмъ, побѣдители—арабы, вначалѣ, конечно, шли впередъ безпрепятственно, посѣвая сѣмена ученія корана и ѳеократизма; но послѣ плоды отъ этихъ сѣмянъ постепенно перерождались отъ вліянія новой почвы, незамѣтно показались новые всходы: незамѣтно явились тамъ и сямъ начала расколовъ, незамѣтно въ *имаметѣ* подкрадывалась *монархія*, въ ѳеократизмѣ—цѣлая система дипломатіи. Наконецъ исламъ распался на царства и расколы: фанатизмъ и деспотизмъ шли рука объ руку и торжествовали повсюду.

На востокѣ въ народѣ ходитъ мудрое изреченіе, что «опіумъ управляетъ существомъ ему преданнымъ какъ тиранъ своимъ государствомъ: онъ оберегаетъ его отъ внѣшнихъ недруговъ [1]),

[1]) Восточная медицина утверждаетъ, что опіумъ въ умѣренныхъ пріе-

но *самъ* своими свойствами приводитъ его организмъ къ незамѣтному разрушенію». Это удачное сравненіе можно въ полномъ смыслѣ примѣнить и къ фанатизму.

Фанатизмъ, это горячка духа, которая приводитъ въ ярость человѣка или сословіе, которое она заражаетъ. Эта ярость страшна для другихъ, но не менѣе того изнурительна для одержимыхъ болѣзнью. Но чѣмъ больной необразованнѣе, грубѣе, тѣмъ страшнѣе его ярость. Въ исторіи революціи Европы представляется намъ много поразительныхъ фактовъ въ этомъ. Обратимся сперва къ образованнымъ народамъ:

Когда эта болѣзнь прививается къ нимъ, она раздражаетъ слабыя ихъ струны—интересъ, гордость, самолюбіе, пристрастіе. Чтобы болѣе разжечь и безъ того опасный огонь, агитаторы проповѣдуютъ какія-то *убѣжденія*, какіе-то *принципы;* тутъ призываются на помощь священныя имена *религіи, чести, патріотизма;* проливается родная кровь, изнуряются народныя силы, а хладнокровный зритель ужасной сцены пожимаетъ плечами и удивляется, до чего доводитъ человѣка фанатизмъ.

У необразованныхъ и полудикихъ народовъ эта болѣзнь дѣйствуетъ еще сильнѣе; ярость въ немъ дѣлается еще страшнѣе; самый поразительный примѣръ — подвиги сарацыновъ въ трехъ частяхъ свѣта и дѣла *ассасиновъ* или измаилидовъ въ исламѣ.

Не столько ученіе Мохаммеда, сколько политика какъ самого его, такъ и его преемниковъ поддерживала общее невѣжество самихъ Арабовъ и покоренныхъ ими народовъ; они инстинктивно знали, что фанатизмъ безъ невѣжества не можетъ сдѣлать великихъ чудесъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ такъ. Невѣжда-фанатикъ идетъ на смерть съ полнымъ убѣжденіемъ, что, пройдя

мах предохраняетъ отъ простуды, придаетъ аппетитъ, укрѣпляетъ тѣло, и проч.

это ущелье, онъ получитъ призъ вѣчнаго блаженства. Имѣя десятки тысячъ такихъ отчаянныхъ фанатиковъ, чего не можетъ надѣлать съ ними ихъ храбрый вождь!...

Покуда сила фанатизма могла служить халифамъ вѣрнымъ орудіемъ къ побѣдамъ и славѣ, покуда политика ихъ могла поддерживать перевѣсъ ея надъ противоположной силой, втайнѣ дѣйствующей въ разныхъ странахъ громадной ихъ имперіи, — исламъ усиливался и государство ихъ процвѣтало. Но явнымъ усвоеніемъ ихъ себѣ свѣтской власти въ осязательной формѣ монархіи, къ фанатизму прибавился еще деспотизмъ. Первый сдѣлался наслѣдственнымъ достояніемъ духовнаго сословія, второй жезломъ самоуправленія; а политика играла въ срединѣ роль медіатора между халифами и улемами, чтобы удержать государство въ возможной гармоніи. Однакоже исламъ началъ терять свое прежнее значеніе; постепенно являлись и усиливались расколы; возникли новыя государства, новыя исповѣданія. Но фанатизмъ и деспотизмъ также и здѣсь не дремали: изнуряя одно сословіе, одну династію, они переходили къ другимъ и наконецъ утвердились: первое за *духовными* всякаго раскола, всякаго исповѣданія, а деспотизмъ сдѣлался неотъемлемымъ достояніемъ свѣтской власти.

Такимъ образомъ, народы, исповѣдующіе исламъ, управлялись съ духовной стороны фанатизмомъ, а съ свѣтской—деспотизмомъ. Оба эти бремени изнурили ихъ силы, притупили ихъ способности и остановили ихъ умственное развитіе, которое съ тѣхъ поръ уже не могло подняться съ первыхъ своихъ ступенекъ. Вотъ характеристика духовной и гражданской жизни всѣхъ мусульманскихъ народовъ, окружающихъ насъ нынѣ, разумѣется, съ незначительными оттѣнками различія.

2. На основаніи сказаннаго, новоперсидскій народъ впродолженіи слишкомъ тысячи лѣтъ томился подъ тяжкимъ игомъ фанатизма и деспотизма. Въ отношеніи *къ первому*, онъ всегда

слѣпо повиновался своему духовному начальству, а это, не бывъ развито, не имѣя благоустроенной системы—какъ мы замѣтили выше,—не могло удержать единства ученія. Потому-то и усилились расколы. Такое духовное разъединеніе при существованіи постояннаго деспотизма постепенно сглаживало и уничтожало чувство патріотизма и наконецъ выраженіе этого чувства совсѣмъ пропало изъ персидскаго лексикона. Въ отношеніи же *ко второму*, народъ по необходимости носилъ бремя управленія тирановъ, нисколько не сочувствуя правительству. Тутъ главную роль играла одна только *сила;* не было ни любви къ отечеству, ни закононаслѣдія. Потому династія смѣнялась династіей и идея о правильномъ, организованномъ государствѣ была совсѣмъ чужда угнетенной Персіи.

Такъ коротала свой вѣкъ страна эта подъ тягостными перемѣнами до позднѣйшаго времени, и послѣдняя династія *Каджарская*, которая царствуетъ уже слишкомъ 80 лѣтъ [1]), болѣе другихъ сознаетъ нужду въ сближеніи съ Европой, и молодой Шахъ болѣе заботится о введеніи правильной системы управленія, объ улучшеніи судьбы своего государства. Но въ этомъ много препятствуетъ фанатизмъ духовенства и закоснѣлая каста обскурантовъ изъ старыхъ придворныхъ. Духовные, по наслѣдственной привычкѣ, желаютъ видѣть себя во главѣ нравственнаго управленія мусульманскимъ народомъ, а государи и предводители этого народа *должны* также подчиниться ихъ духовному вліянію и этимъ показать примѣръ своимъ подданнымъ и подвѣдомственнымъ: муджтехиды вовсе не считаютъ

---

[1]) Т. е. считая съ Ага-Мохаммедъ-Хана. Хотя отецъ его, Мохаммедъ-Хассанъ-Хавъ, считается основателемъ этой династіи (въ 1747 г.), но его соперникъ *Зендскій* Керимъ-Ханъ побѣдилъ его и отнялъ у него похищенныя имъ владѣнія. Послѣ смерти Керимъ-Хана евнухъ его Мохаммедъ-Ханъ, сынъ того же Мохаммедъ-Хассанъ-Хана, захватилъ престолъ (въ 1779 г.),— и съ тѣхъ поръ царствуютъ *Каджары*.

себя подданными царствующихъ особъ, напротивъ, выдаютъ себя за намѣстниковъ имама—невидимаго правителя судьбою ислама. Отсюда они имѣютъ, въ совокупности, неоспоримый перевѣсъ надъ правительствомъ и даже въ дѣлахъ политики. Еще памятно намъ вмѣшательство муджтехида Сейидъ-Мохаммедъ *Табатабаи* въ политическія дѣла; памятно намъ, какъ онъ явился въ Тегеранъ въ годъ кончины Императора Александра I-го и уговорилъ Шаха, противъ его воли, сдѣлать походъ противъ Россіи, что, впрочемъ, стоило слишкомъ дорого Персіянамъ. Старые придворные, люди слишкомъ вліятельные своимъ родомъ, своими поколѣніями, преданные старымъ обычаямъ, слѣдственно и враги нововведеній, чуть что замѣтятъ въ Шахѣ склонное къ какой нибудь реформѣ, тотчасъ входятъ въ тайные переговоры съ духовными—и тогда нельзя ожидать ничего хорошаго!

3. Вліяніе духовенства всякаго исповѣданія на народъ постоянно отчуждало и отчуждаетъ его отъ сочувствія къ правительству, и выраженіе *зелемэ* (притѣснители) давно сдѣлалось въ народѣ общимъ именемъ свѣтскаго начальства. Оно дано ему духовными, которыхъ слова и дѣйствія не подлежатъ цензурѣ правительства. Правительство же съ своей стороны принуждено было смотрѣть на это сквозь пальцы, и чтобы достигнуть цѣли, во время нужды, обращало свою политику на первостепенныя силы духовенства, ласками и лицемѣріемъ, лишь бы склонить ихъ на свою сторону.

Такимъ образомъ тайная неиавнсть между правительствомъ и духовенствомъ модифировалась обоюдною нуждою одного въ другомъ. Тутъ мировую поддерживало постоянное лицемѣріе и лесть; въ народѣ же выигрывали только тѣ изъ государей, которымъ удавалось подвести свой деспотизмъ подъ систему религіознаго фанатизма.

Такое положеніе дѣла не могло не произвести борьбы въ

чувствахъ народа. Дѣло вспыхнуло, но, къ сожалѣнію, имъ большею частью управляли злоумышленники.

VII. Заключеніе.

Главные вопросы реформы, предуготовленной политическими предводителями бабизма были: обузданіе произвола правительства; уничтоженіе роскоши какъ при дворѣ, такъ и у придворныхъ; уничтоженіе самоуправства министровъ, губернаторовъ и вообще чиновниковъ; перемѣна *тиюла* (арендъ) [1]) на жалованье; правосудіе судей; безкорыстіе улемовъ и точное исполненіе закона. Всѣ эти вопросы давнымъ-давно ходили изъ устъ въ уста между народомъ и повсемѣстно былъ слышенъ ропотъ въ Иракѣ и Адербиджанѣ [2]). Но цѣли, противъ которыхъ были устремлены стрѣлы народнаго негодованія, такъ были тверды, что эти стрѣлы лишь ломались объ нихъ и обломки ихъ обращались въ новыя оружія новаго тиранства! Политическіе предводители бабидовъ, во имя новаго ученія, желали составить надежную силу, чтобы разомъ опрокинуть скалы препятствія, будучи увѣрены, что народъ устремится за ними по проложенному

---

[1]) Губернаторамъ и вообще важнымъ чиновникамъ вмѣсто жалованья назначаются доходы съ извѣстныхъ городовъ, селъ и деревень. Эти арендаторы дѣлаютъ неслыханныя и безнаказанныя злоупотребленія; или продаютъ свои права, т. е. свою аренду другимъ, которые распоряжаются также самопроизвольно Хотя обиженнымъ и предоставлено жаловаться въ случаѣ притѣсненія, но это никогда не помогало и не помогаетъ, потому что арендаторы тамъ также умѣютъ черезъ свои связи предупредить всякую для себя непріятность. У нихъ также есть пословица: *эль эли ювариъ* — рука руку моетъ.

[2]) Даже впослѣдствіи само правительство въ началѣ министерства Мирзы Тагки-Хана было принуждено обратить вниманіе на исправленіе многихъ изъ нихъ, за что покойный первый министръ пострадалъ и погибъ вслѣдствіе интригъ. оставивъ однако по себѣ незабвенное имя въ народѣ

ими пути. Но безпорядки между самими этими предводителями, незнаніе дѣла, за которое они взялись, а болѣе всего увлеченіе злоумышленниковъ изъ нихъ собственнымъ положеніемъ, собственной выгодой—все это вмѣстѣ не дало дозрѣть начатому дѣлу и послужило поводомъ къ описаннымъ нами безполезнымъ кровопролитіямъ.

Хотя бабидовъ гласно нынѣ не существуетъ и ищущіе реформъ не имѣютъ точки опоры, но причины, производившія политическій бабизмъ, все еще волнуютъ слои образованнаго общества въ Персіи. Въ Тегерани и въ Тавризѣ, какъ уже замѣчено нами выше, недавно основаны масонскія ложи. Сильные люди участвовали въ этомъ дѣлѣ; даже самъ Шахъ былъ склоненъ къ покровительству этому ордену. Старые ненавистники нововведеній и духовенство сильно интриговали противъ этого дѣла; но результаты его неизвѣстны. Однакожъ тамъ и сямъ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества передаютъ изъ рукъ въ руки письма и брошюры, содержащія въ себѣ предостереженія правительству противъ злоупотребленій министровъ и царедворцевъ; на самопроизволъ губернаторовъ и чиновниковъ; на разоряющую государство роскошь какъ при дворѣ, такъ и у царедворцевъ; на необузданную власть уламовъ; однимъ словомъ, на господство самопроизвола и отсутствіе правосудія! — Описаніе какого-то *сновидѣнія*, писанное увлекательнымъ языкомъ и представленное, какъ говорятъ, черезъ одного весьма сильнаго государственнаго человѣка, самому Шаху, въ послѣднее время произвело большой шумъ въ Тегерани. Оно содержитъ, говорятъ, мистическое изложеніе всего того, что происходитъ въ Персіи. Сновидѣцъ ни слова не говоритъ противъ царствующаго лица; напротивъ, онъ восхваляетъ его энергію, его готовность ко всему благому, его любовь къ своему государству, но вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ его обратить вниманіе на серіи злоупотребленій въ его государствѣ, неприличныя его царствованію. Всѣ улучшенія,

предлагаемыя сновидцемъ, дѣйствительно прекрасны: они клонятся къ новой реформѣ въ видѣ умѣренной, разумной монархіи.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Обзоръ ученія бабидовъ.

Сдѣлавъ обзоръ развитія шіизма въ Персіи съ самаго начала ислама до появленія Шейхидовъ, результатомъ котораго было образованіе въ этомъ государствѣ религіозио-политической секты подъ именемъ бабизма, считаю не лишнимъ познакомить моихъ читателей съ ученіемъ этой секты настолько, насколько оно можетъ быть доступно *неоріенталисту*. Письменные матеріалы, изъ которыхъ составлена большая часть изложенныхъ здѣсь свѣдѣній, всѣ написаны на арабскомъ и персидскомъ языкахъ; слѣдственно изслѣдованіе ученія бабидовъ, на основаніи критическаго разбора этихъ матеріаловъ, отдалило бы насъ отъ нашей цѣли: она заключалась въ ознакомленіи читающей публики съ важными современными событіями въ Персіи, которыя были причиною неслыханныхъ переворотовъ въ этой странѣ и которыя однакожъ дали возможный толчокъ Персіянамъ къ сознанію своего печальнаго положенія, къ познанію свободы и права человѣка. *Ученое* сочиненіе объ доктринѣ бабидовъ, въ которое долженъ войдти критическій разборъ выпеупомянутыхъ матеріаловъ, было бы конечно весьма важною заслугою для европейскихъ оріенталистовъ; но покуда эти матеріалы не приведутся въ ясность, покуда мы не достанемъ точнаго *корана* бабидовъ [1]) и точныхъ руководствъ къ ихъ

---

[1]) Сверхъ находящагося у меня въ рукахъ »Корана бабидовъ« я видѣлъ еще подобный же списокъ съ нѣкоторыми брошюрами на арабскомъ языкѣ

ученію, крайне трудно и опасно взяться за это дѣло. Оставляя успѣхи въ этомъ до болѣе благопріятнаго времени, мы довольствовались покуда настоящимъ литературнымъ обзоромъ дѣла, сколько оно извѣстно намъ по фактамъ и преданіямъ; онъ, осмѣливаемся думать, болѣе или менѣе удовлетворитъ любознательности нашихъ читателей.

I. Убѣжденіе Баба.—Первые бабиды.

Мы высказали въ исторіи Ислама [1]) свое убѣжденіе, что всякая истинно-религіозная идея, къ какому бы періоду и народу она ни принадлежала, въ первоначальной своей чистотѣ представляетъ богатый источникъ высокихъ мыслей, достойныхъ созерцанія и что эта идея не можетъ не быть сродна евангельской истинѣ.

Бабъ, какъ мы его описали, явился въ исламѣ съ полнымъ сознаніемъ всѣхъ нелѣпостей, какихъ полна религія, исповѣдуемая въ его отечествѣ; онъ проповѣдывалъ строгую жизнь, которая заключается не въ *буквальномъ* исполненіи закона, но въ *нравственномъ* его созерцаніи; онъ постоянно говорилъ о воздержаніи и молитвѣ, о любви и цѣломудріи. Вотъ все, что мы знали въ сущности о первоначальной его жизни. Странная его задумчивость, любовь къ уединенію, двусмысленныя его рѣчи съ любопытными, желающими выводить изъ него

въ коллекціи рукописей, пріобрѣтенныхъ недавно императорской академіей наукъ отъ извѣстнаго нашего оріентадиста Хаыкова. Академикъ Дорнъ нынѣ занимается ихъ разборомъ и вѣроятно скоро сей ученый нашъ оріенталистъ сообщитъ намъ о нихъ свое мнѣніе.

[1]) Русское Слово. Августъ 1860 г., стр. 135. По независимымъ отъ насъ обстоятельствамъ, этотъ трудъ нашъ остался неоконченнымъ; но надѣемся издать его отдѣльно, въ совокупности, въ непродолжительномъ времени.

таящіяся въ немъ мысли, или съ цѣлью привязаться къ нему и обвинить его предъ шаріатомъ, или же, въ самомъ дѣлѣ, изъ чистаго желанія знать въ чемъ онѣ состоятъ — все это постоянно приманивало къ нему малыхъ и великихъ, любопытныхъ и любознательныхъ и распространяло повсюду объ немъ разные толки. Онъ получилъ въ народѣ имя *меджзубъ* — юродиваго, и это имя вдвойнѣ послужило въ пользу успѣховъ образовавшейся секты; суевѣрные смотрѣли на него какъ на святаго и толковали по-своему всѣ двусмысленныя его рѣчи; равнодушные считали его сумасброднымъ и преслѣдователи его ни къ чему не могли привязаться. Такъ жилъ Бабъ невредимо долгое время и втайнѣ составилось общество бабидовъ, частью изъ мечтателей и суевѣрныхъ, по привычкѣ ожидающихъ втораго появленія *имама*, частью изъ революціонеровъ, недовольныхъ ни правительствомъ, ни духовенствомъ, и частью изъ злоумышленниковъ, желавшихъ своимъ покровительствомъ бабизму проложить себѣ дорогу къ собственной цѣли, къ собственному значенію. Такимъ образомъ составились *три* категоріи бабидовъ: 1) слѣпые поклонники Баба между чернью; 2) политическіе дѣятели, ученики Баба и 3) злоумышленные раскольники. Всѣ члены послѣднихъ двухъ категорій усердно дѣйствовали въ пользу распространенія славы Баба между чернью и во имя его приглашали людей къ тайному обществу и возстанію. Бабъ во все это время является какъ миѳическое лицо; изъ десятковъ тысячъ его поклонниковъ въ разныхъ провинціяхъ Персіи его близко знали лишь немногіе, да и тѣ вполнѣ не постигали его, потому что онъ постоянно говорилъ двусмысленно, языкомъ непонятнымъ. Людей онъ къ себѣ привязалъ самою строгою жизнью и только объ этомъ *ясно* преподавалъ всѣмъ окружавшимъ его.

Въ послѣднее время его угнетенно-молчаливой жизни народъ толпами ходилъ смотрѣть на него издали и уносилъ такія

впечатлѣнія, какія только вселяло въ нихъ его блѣдное, красивое, страдальческое лицо и неописуемая смиренность, полная всепобѣждающаго терпѣнія; въ день же его казни у всѣхъ было полное сочувствіе къ его невинности; ибо, какъ не разъ говорено нами, въ народѣ ходила молва о несправедливости къ нему духовенства и правительства. Такимъ образомъ имя Баба день ото дня становилось громче и громче, и наконецъ тысячи людей, безъ всякаго сознанія и совершенно слѣпо, предавались всякому призывающему ихъ, въ это имя, новому ученію.

У Баба было одно ученіе: *жить не по буквамъ закона, но по духу закона, созерцаніемъ закона.* Все, что дошло до потомства по преданію сподвижниковъ ислама, по его словамъ, искажено, передано неправильно. Въ Коранѣ, приписываемомъ Бабу, мы находимъ очень мало собственно о его идеяхъ, о его ученіи. Когда мы говоримъ о «Коранѣ Баба», тутъ представляется намъ только одна мысль, что Бабъ, хотя во время своего заключенія, предаваясь подъ часъ внушенію близкихъ своихъ учениковъ, Сейидъ Хасана и Сейидъ Хусейна, предпринялъ составить новыя правила своего ученія, а можетъ быть и написалъ что нибудь, но главный и окончательный трудъ въ первой редакціи такъ называемаго «*Бабова Ко́рана*», безъ сомнѣнія, принадлежитъ именно этимъ двумъ приверженцамъ Баба; а потому собственно по корану этому мы не можемъ знать въ подробности объ ученіи *самого* Баба [1]).

---

[1]) Въ народѣ ходила молва, что Бабъ сочинялъ и писалъ Коранъ такъ быстро (напримѣръ въ часъ по тысячи строкъ или стиховъ!), что умъ человѣческій не могъ этого постичь. Ученики самое это представляли за чудо, подтверждающее его таинственное значеніе. Ложный слухъ этотъ взялся, какъ надо думать, изъ того, что ученики Баба, изъ лести, или политики своей, придавали словамъ Баба многосторонніе значенія: «всякое его слово содержитъ тысячи мыслей», говорили они, и всякая строка, писанная имъ, принималась за тысячу строкъ. Такъ льстили они Бабу; но въ народѣ рас-

Кромѣ проповѣдуемаго Бабомъ воздержанія и старанія жить не по буквамъ закона, а по духу закона, мы имѣемъ основаніе приписать ему еще нѣкоторыя высокія мысли, а именно: *а)* о Богѣ; *б)* о томъ, что *все въ природѣ чисто* и *в)* о свободѣ женщины и уничтоженіи произвольнаго развода.

1. Мысли Баба о Богѣ все тѣ же, какія находимъ въ мохаммедовомъ Коранѣ; но въ предметахъ, относящихся до ученія о божествѣ (*илляйатъ*), подлежащихъ безконечнымъ спорамъ и толкамъ у мусульманскихъ схоластиковъ, мы навѣрное не знаемъ какъ думалъ самъ Бабъ. Судя по письмамъ (см. два письма въ приложеніи къ этому отдѣленію), полученнымъ нами отъ одного примѣчательнаго «философа-изслѣдователя» (мухаггикъ), въ одно время съ Бабомъ преподававшаго его ученіе въ Закавказьѣ, а потому, вѣроятно, схваченнаго въ этомъ краѣ и сосланнаго на жительство въ г. Смоленскъ [1]), мы видимъ, что Бабъ и его близкіе ученики держатся древняго ученія *му'тезелидовъ*, разработаннаго впослѣдствіи шейхидами. Оно заключается въ томъ, что Богъ—высочайшее существо, творецъ всего видимаго и невидимаго — *единъ* и не имѣетъ себѣ

пустили молву, что Бабъ писалъ тысячу строкъ въ одинъ часъ! Самъ Сеидъ Хусейнъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу рѣдкихъ скорописцевъ; въ день онъ писалъ по цѣлымъ тетрадямъ безсмысленныхъ фразъ, заключающихъ въ себѣ болѣе повторенія одного и того же, чѣмъ что нибудь дѣльное. Это раздавалось черни какъ таинственное произведеніе «чудотворца» Баба. Экземпляръ Корана, у меня находящійся, должно быть принадлежитъ также къ числу этихъ произведеній.

[1]) Имя его Сеидъ-Миръ-Абдулъ-Керимъ. Онъ вышелъ изъ Ордубада 28 лѣтъ тому назадъ и 14 лѣтъ онъ былъ въ ссылкѣ; стало-быть онъ былъ сосланъ въ 1853 году, т. е. вскорѣ послѣ тегеранской катастрофы. (Для соображенія см. примѣч. 5 ко второму письму).—Нынѣ, какъ до насъ дошли слухи, этотъ примѣчательный Сеидъ отпущенъ на свободу и находится въ Астрахани.

подобія, и что всѣ его *аттрибуты*, какъ-то: всевѣдѣніе, всезнаніе, всемилосердіе и т. п. суть *вѣчно – нераздѣльны* съ его высочайшимъ существомъ и ихъ нельзя представлять *внѣ* его существа отдѣльными отвлеченностями. Хотя это ученіе му'тезелиды приписываютъ себѣ и говорятъ оно возникло послѣдствіе опасенія, чтобы исповѣданіе различныхъ *внѣшнихъ* аттрибутовъ *единаго* Бога не бросало на высочайшее существо тѣни *многобожія*; но надо полагать, что оно просто изъ древности перешло къ нимъ изъ рода въ родъ, изъ устъ въ уста схоластиковъ, изъ платоновой системы философіи. Мы увидимъ это ниже, въ примѣчаніяхъ къ двумъ письмамъ къ намъ смоленскаго Сеида.

Въ какой степени самъ Бабъ раздѣлялъ это возарѣніе, мы не знаемъ; только знаемъ, что смоленскій Сеидъ прежде самъ былъ послѣдователемъ Баба и держался его ученія.

2. О томъ, что *все въ природѣ чисто*. Эта евангельская истина была предметомъ сперва тайнаго и потомъ явнаго ученія Баба и разработана его ученикомъ, принявшимъ его имя и должность въ зенганскомъ дѣлѣ (см. гл. II п. XIII — XVII). «*Все чисто въ природѣ*, говорили они [1]), но необходимо *воздержаніе*»; поэтому Бабъ, какъ намъ извѣстно, не употреблялъ опіума, не курилъ табакъ и даже не пилъ кофе.

---

[1]) *Чистое* и *нечистое* составляютъ, какъ у евреевъ, два главныхъ предмета постоянныхъ преній между мусульманскими законниками. Въ ихъ *фикхѣ* (религіозныхъ постановленіяхъ закона) цѣлый отдѣлъ трактуетъ объ этомъ. Индо-еврайскія эти утонченности въ различіи чистаго отъ нечистаго, происходившія первоначально отъ климатическихъ причинъ, уже отвергнуты новозавѣтнымъ ученіемъ. То же самое дѣлаетъ и ученіе Баба. Мулла-Мохаммедъ-Али, одинъ изъ признанныхъ муджтехидовъ шіитскихъ, принявшій бабизмъ, писалъ и торжественно проповѣдывалъ эту истину, говоря, что есть *воздержаніе* и *невоздержаніе*, рекомендуя первое и порицая второе (Гл. II п. XIII 2).

3. Объ *уравненіи правъ женщинъ съ правами мужчинъ*, объ *уничтоженіи произвольнаго развода*, о *предоставленіи женщинамъ свободы въ обществѣ*. Объ этомъ мы находимъ даже въ «Бабовомъ коранѣ» и вообще, по всѣмъ преданіямъ, оно относится къ ученію самого Баба. Что идеи эти дѣйствительно принадлежатъ ему, то можно подкрѣпить еще тѣмъ фактомъ, что это ученіе преподавала женщина, *современная* ученица Баба, подъ именемъ *Гкурретуль-Айнъ*, или *Тагирэ*, о которой мы упомянули во II-й главѣ, п. V, и Бабъ зналъ о томъ очень хорошо. По свидѣтельству г. Севрюгина, а за нимъ также г. Мошнина, вотъ текстъ Бабова корана о семъ ученіи: «*Любите дочерей своихъ, ибо онѣ предъ Богомъ гораздо болѣе возвеличены и любезны чѣмъ сыновья. Тотъ, кто приметъ это исповѣданіе, не долженъ давать развода. Между вами и женами вашими не должно быть покрывала, даже если бы это покрывало было тоньше древеснаго листка, дабы женщины ни чѣмъ не огорчались: это есть для васъ милость Божія* [1]).

Всѣ эти принципы Баба чрезвычайно сближаютъ его ученіе съ христіанскимъ; но, къ сожалѣнію, мы вовсе не знаемъ: какія у него были мысли о самомъ Спасителѣ? Не сомнѣваемся, однакожъ, что онъ вѣровалъ въ него гораздо возвышеннѣе, чѣмъ простой мусульманинъ, по крайней мѣрѣ вѣровалъ *по духу* ученія мохаммедова корана; объ чемъ онъ постоянно проповѣдывалъ. Эта книга говоритъ, что «*Христосъ есть слово Божіе*,

---

[1]) Въ моемъ спискѣ «Бабова корана,» я не могъ найдти этого мѣста, но это еще не значитъ, что его тамъ нѣтъ. Этотъ списокъ состоитъ изъ множества тетрадей, исписанныхъ самымъ мелкимъ и весьма труднымъ для разбора почеркомъ, безъ обозначенія начала или конца главы, безъ указанія на число страницъ (см. стр. 187), такъ что если не случайно, то никакъ нельзя отыскать въ нихъ то, чего желаешь безъ окончательнаго разбора всѣхъ тетрадей, чего мы еще не успѣли сдѣлать.

рожденное отъ Святаго Духа» (Коранъ, гл. 3, ст. 40; гл. 4, ст. 169; гл. 19, ст. 17); слѣдственно Бабъ вѣрилъ этому съ высшей точки созерцанія, вѣрилъ по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ Мохаммедъ, желая разрѣшить оставшіеся потомству споры *Моновелитовъ* съ *Монофизитами*, старался внушить своимъ первымъ прозелитамъ изъ христіанъ вѣрованіе въ Іисуса, сына Маріи, рожденнаго отъ Святаго Духа. Мы же знаемъ, что тогда мысли Мохаммеда объ этомъ вопросѣ были гораздо возвышеннѣе чѣмъ они оказываются впослѣдствіи.

Здѣсь позволимъ себѣ замѣтить, что если нѣкоторые христіанскіе богословы разсматриваютъ первоначальный исламъ какъ расколъ христіанства—въ самомъ же дѣлѣ этого нельзя опровергнуть, — то первоначальный бабизмъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы его представляемъ, неиначе можно принять, какъ за самую очищенную вѣтвь этого раскола. Сверхъ того, разсматривая отношеніе первоначальнаго бабизма, на основаніи предъидущихъ принциповъ его ученія, къ исламу, мы видимъ то же самое, что между христіанизмомъ и іудеизмомъ. Напримѣръ христіане исповѣдуютъ ветхій завѣтъ, чтутъ пророковъ и смотритъ на законъ какъ на *сѣнь грядущихъ благъ* евангельскихъ; бабиды исповѣдуютъ коранъ и хадисъ (преданіе) и смотритъ на нихъ какъ на эмблемы будущей истины—бабизма.—Евангеліе смотритъ на законъ чисто съ духовной, созерцательной точки. Павелъ апостолъ говоритъ: *«вѣмъ бо законъ духовенъ есть»*, — Бабъ велитъ *жить не по буквамъ закона, а по духу закона*. Однимъ словомъ, основное ученіе бабизма во многомъ подходитъ къ христіанству, и думаемъ, что самъ Бабъ и подобныя ему явленія — хотя бы зенганскій Мулла-Мохаммедъ-Али и смоленскій нашъ философъ Сейидъ—были скорѣе христіане, чѣмъ магометане, не смотря на то, что носили это имя въ народѣ. Стало-быть первоначальный бабизмъ, какъ онъ понятенъ изъ рѣчей самого Баба и подобныхъ ему учителей этого ученія,

былъ бы великій шагъ къ христіанизму, еслибы не исказили его невѣжды-формалисты, собственно изъ видовъ интереса. Мы знаемъ навѣрное, что многіе изъ лицъ, имѣвшихъ случай бесѣдовать съ бабидами, говорили намъ, что они, читая новый завѣтъ на персидскомъ языкѣ, удивлялись, видя въ немъ собственное свое ученіе, и что они искали знакомства съ христіанами; но незнаніе языка съ нхъ стороны, а съ другой равнодушіе современныхъ христіанъ нашихъ ко всему тому, что не входитъ въ программу собственнаго ихъ интереса, препятствовали этимъ ищущимъ, можетъ быть, христіанства, достичь своего желанія.

Приложеніе къ предъидущему

Здѣсь считаемъ не лишнимъ представить переводъ двухъ собственноручныхъ и любопытныхъ писемъ къ намъ смоленскаго Сейида, на которыя мы ссылались въ этомъ отдѣленіи нашего повѣствованія. Они такъ оригинальны своимъ мистическимъ направленіемъ, что, надѣюсь, читатель пробѣжитъ ихъ съ удовольствіемъ. Большая часть нашихъ примѣчаній къ этимъ письмамъ относится до нѣкоторыхъ соотвѣтственныхъ вопросовъ изъ Платоновой системы философіи, которые, по нашему мнѣнію, въ изустныхъ преданіяхъ дошли изъ рода въ родъ до *мутезилидскихъ* схоластиковъ [1]).

Письмо первое.

Это письмо адресовано къ намъ Сейидомъ отъ 4-го декабря 1860 года, когда до него дошло извѣстіе о нашемъ желаніи видѣть его и воспользоваться его бесѣдами объ ученіи бабидовъ.

---

[1]) См. въ началѣ сего I пункта: *о мысли Баба о Богѣ.*

Не знаемъ, какое понятіе составилъ себѣ о нашемъ любопытствѣ смоленскій Сеидъ, но его загадочное письмо заключаетъ въ себѣ собственное его воззрѣніе на духовную жизнь и будто желаніе передать его намъ какъ «ищущимъ истины» Вотъ оно:

«Миръ жаждущимъ лицезрѣнія Господа, ищущимъ Его! Спросилъ нѣкто о знаніи; ему отвѣчали: знаніе есть нравственное средоточіе въ храмѣ мудрости; нужно учиться у обильнаго мудреца; питаться, по его назначенію, *пилюлями* премудрости. Черезъ это врачеваніе перейдти изъ четырехъ грубыхъ стихій въ четыре свѣтлыя, и, такимъ образомъ, постичь ничтожество видимыхъ формъ, изолировать себя отъ ихъ представленій и соединиться съ своимъ началомъ [1]). Для ищущихъ знанія съ духовной точки, видимое разногласіе стараго и новаго завѣта и корана непремѣнно уничтожится; тогда они узнаютъ, что на духовныхъ небесахъ пророки и всѣ святые суть одного начала. Въ этомъ началѣ нѣтъ различія, и различіе видимое есть только проявленіе внѣшняго міра [2]). Всеблагій сотворилъ человѣка, конечно, не для знанія только внѣшняго міра, но и для достиженія сказаннаго средоточія—истиннаго знанія. Достигая это, ты освобождаешься отъ цѣпей чуждыхъ элементовъ (т. е. физическаго міра) и созерцаешь въ себѣ великій міръ (идей); тогда ты не видишь уже себя въ частности. Видимое солнце оди-

[1]) По смыслу Платоновой философіи, *идеи* (т. е. вѣчные *типы*, по которымъ получаютъ формы всѣ категоріи бытія) пребываютъ въ высочайшемъ разумѣ—въ Богѣ, изъ котораго онѣ истекаютъ и который есть ихъ общая субставція.

[2]) По той же Платоновой системѣ *идеи* имѣютъ *единое* только реальное и абсолютное существованіе; предметы же индивидуальные не иное что, какъ *тѣни*, или, такъ сказать, копіи съ нихъ. Наше же понятіе объ нихъ равномѣрно не иное что, какъ только ихъ блѣдное отраженіе; слѣдственно, разные индивидуумы, по своему только соотношенію съ одной абсолютно существующей идеей, составляютъ цѣлую, одну и ту же спецію.

наково освѣщаетъ 18 тысячъ міровъ [1]); но въ этомъ хаосѣ кто созерцаетъ занимаемую имъ *степень* (т. е. идею своего рода), тотъ пойметъ, что и онъ, и весь міръ суть преходящи. Если онъ кинетъ взоръ на *самого себя* (т. е. на форму, въ которую закована его безсмертная душа), то увидитъ, что онъ, среди восемнадцати тысячъ форм, не другое что, какъ вѣчный прахъ [2]). Тогда-то онъ припомнитъ слова: «Вотъ вамъ обѣщанный адъ» [3]).

«Съ твоей стороны усердное изслѣдованіе (истины), а со стороны истины (Бога)—*влеченіе* [4]). Миръ вамъ всѣмъ и милосердіе Бога и Его щедроты!»

---

[1]) Это число взято изъ преданія, въ которомъ сказано, что вся вселенная состоитъ изъ 18-ти тысячъ міровъ божіихъ, изъ которыхъ нашъ міръ составляетъ только *одинъ*.— Четыре стихіи суть начала земнаго міра, который, по внутреннему составу и внѣшнимъ формамъ, родамъ, семействамъ своимъ и видамъ, подраздѣляется на множество *міровъ*; все же отвлеченное и доступное только понятію и воображенію, должно дѣлиться на столько же *міровъ*. Все это вмѣстѣ именуется *алеми-кебиръ* или *акберъ*, т. е. великій міръ—universus.—Можетъ статься, что число 18 т. взято отъ предполагаемаго числа звѣздъ преданій древнихъ.

[2]) Это темное мѣсто выражаетъ слѣдующее: Солнце одинаково освѣщаетъ всякій предметъ; но всякій предметъ, по своей способности (по своему качеству или свойству) болѣе или менѣе принимаетъ свѣтъ солнца. Но все это отраженіе *ничто* предъ самымъ солнечнымъ свѣтомъ. Лишись предметъ возможности воспринятія, лучей и отраженія, тогда онъ останется совершенно *ничто*—несчастный элементъ мрака.

[3]) Это слова Мохаммедова Корана (сура 36, подъ заглавіемъ *ясинъ*, во второмъ десятистишіи). Какъ видѣли мы въ началѣ письма, Сеидъ того мнѣнія, что *всѣ пророки* на небесахъ суть одного начала и что нѣтъ разногласія между Кораномъ, Ветхимъ и Новымъ Завѣтами и проч. Здѣсь Сеидъ хочетъ сказать, что вѣчный адъ человѣка тамъ, гдѣ онъ лишенъ божественнаго начала и сознаетъ это лишеніе; слѣдственно онъ понимаетъ *адъ не по буквамъ* закона а *по духу* закона.

[4]) Въ подлинникѣ *джезбъ*. Это техническое слово въ Тарыгатѣ значитъ

Это письмо полно мистицизма, не чуждаго схоластической философіи среднихъ и новыхъ вѣковъ. Нашъ смоленскій Сеидъ высказалъ въ немъ свое философическое воззрѣніе на религію. Но намъ не этого одного хотѣлось: мы имѣли намѣреніе узнать побольше: объ ученіи бабидовъ, о *наружныхъ формахъ* ихъ богослуженія, о ихъ религіозныхъ обрядахъ и постановленіяхъ и т. п. Потому-то, вскорѣ по полученіи перваго письма мы благодарили Сеида за сдѣланную намъ честь и предложили ему нѣкоторые вопросы: *а)* какое онъ имѣетъ понятіе о бабидахъ? *б)* Какія внѣшнія выраженія исповѣдуемой ими религіи, т. е. имѣютъ ли они положительные *намазы* (временныя молитвы), *посты* и другіе *ахкамы* и *адабы* (постановленія и обряды)? *в)* Какъ онъ думаетъ о Коранѣ, приписываемомъ Бабу?

На всѣ эти вопросы смоленскій Сеидъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

Письмо второе.

«Во имя Бога милостивѣйшаго и благаго. Хвала Богу, сотворившему всѣ четы изъ того, что производитъ земля, изъ самихъ ихъ и изъ того, чего человѣкъ не постигаетъ [1]). Благословеніе и миръ да будетъ надъ Его пророками и святыми!

благодать, которая влечетъ къ Богу его избранныхъ. Это начало пути къ созерцанію божества. Начавшій путь этотъ называется *салікъ*; увлеченный благодатію на этомъ пути называется *меджзубъ*—какое имя дано было Бабу въ началѣ его поприща, см. гл. I, п. I.

[1]) Это взято изъ Корана, ст 36, гл. 36. Подъ *четами* разумѣются различные *роды* и *виды* земныхъ произведеній (такъ толкуетъ Бейзави). По смыслу предшествующаго 33-го стиха этой же главы Корана, *мертвая* земля, оживленная творческою силою Бога, производитъ все земное. Такимъ образомъ эти произведенія *сочетаются*, каждое по своему семейству, роду

«Миръ также и вамъ, изслѣдователь истины, и милосердіе Бога и благословеніе Его!—Письмо ваше получили; содержаніе его понялъ: вамъ угодно было разузнать о вѣрѣ Бабидовъ, о наружныхъ выраженіяхъ ихъ исповѣданія. Трудно рѣшать вопросы относительно внѣшней жизни другихъ, въ особенности этихъ Бабидовъ [1]). Я не видалъ ихъ во внѣшнемъ ихъ представленіи и отъ нихъ самихъ я не слыхалъ правила ихъ (наружнаго) исповѣданія [2]); о внутреннемъ же ихъ исповѣданіи, вѣроятно, вы знаете [3]).

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ [4]) сей автоматъ [5]) также бродилъ въ степи заблужденія и неизвѣстности, происходившихъ отъ множества разногласій и несообразностей въ наружныхъ формахъ религіи и исповѣданій. Не могъ бы я ухватиться за что нибудь и выйдти изъ отчаяннаго положенія, еслибы не милости *путеводителя несчастныхъ заблудшихъ* [6]). По

и виду, и производятъ подобныя себѣ. Все же, что *внѣ* этого производства, —Богъ сотворилъ изъ непостижимыхъ человѣку началъ.

[1]) Т. е. возставшихъ въ Персіи подъ названіемъ Бабидовъ.

[2]) Это значитъ, по нашему, что авторъ, удалившись съ раннихъ лѣтъ изъ Персіи, унесъ съ собой свои понятія о реформѣ, именно въ ту пору, когда *Шейхиды* (см. выше, гл. II п. I) и ихъ подражатели распространяли свою философію, свое ученіе. Слѣдовательно, онъ или вовсе не зналъ о всемъ происходившемъ въ своемъ отечествѣ, впродолженіи его пребыванія въ Россіи, или зналъ очень мало, и то по слухамъ, можетъ быть и съ негодованіемъ.

[3]) Явное сознаніе, что Сеидъ былъ бабидъ, въ томъ же смыслѣ, какъ мы представили самого Баба.

[4]) Т. е. какъ разъ въ ту пору, когда ученіе Шейхидовъ произвело шумъ во всей Персіи. Письмо смоленскаго Сеида писано въ январѣ 1861 года: 25 лѣтъ по лунному счисленію составляютъ около 24-хъ солнечнаго счисленія; стало-быть это было около 1837 года.

[5]) Говоритъ о себѣ какъ о формѣ, въ которой заключенъ его духъ; эта частица вѣчной идеи. (См. 1-е письмо).

[6]) *Делиль-уль-мутехейерин*, т. е. Богъ. Это выраженіе въ *Тарых-*

своей благости онъ надѣлилъ мою земную жизнь изъ чаши умерщвленія [1]) и изгналъ изъ видимаго царства плоти вліяніе внѣшняго представленія *я* [2]), и наконецъ, по своей неописуемой милости, призвалъ меня въ первобытный міръ [3]). Такъ онъ прервалъ мои отношенія съ міромъ *привратныхъ* [4]) и привлекъ меня къ тому, кто пребываетъ за вратами внутри храма (т. е. истина). И такъ, если бы не благодать свыше, то я былъ бы первый изъ погибшихъ.

«Знай, что начало религіи есть познаніе Бога. Совершенное познаніе Его заключается въ *Таухидѣ* [5]); совершенное же ученіе о Таухидѣ заключается въ изолированіи Его отъ аттрибутовъ—по тому свидѣтельству, что всякій аттрибутъ составляетъ идею *вне* описываемаго предмета [6]). И такъ, кто принищетъ

хать весьма часто употребляется въ этомъ смыслѣ; другаго мѣста нѣтъ для него въ мусульманской литературѣ. Чаще всего его можно слышать изъ устъ дервишей.

[1]) Т. е. сподобилъ меня умерщвлять свои *страсти*.

[2]) Сеидъ хочетъ сказать, что внѣшнее *я* въ немъ уступило мѣсто внутреннему, духовному.

[3]) Т. е. міръ духовный. См. 1-е письмо.

[4]) Въ подлинникѣ «съ міромъ бабскимъ». Въ первой главѣ этого сочиненія мы видѣли, почему основатели секты бабидовъ звали *Бабъ* (двери). Здѣсь авторъ намекаетъ на то, что онъ удостоился того, что былъ призванъ оставить *двери* и *преддверіе* и созерцать того кто за дверьми въ храмѣ.—Какъ это мѣсто, такъ и слѣдующая фраза: «Еслибы не благодать свыше» и проч., прямо указываютъ на негодованіе нашего Сеида на дѣйствія бабидовъ въ Персіи и подкрѣпляетъ наше мнѣніе о первоначальномъ ученіи Баба и о ложныхъ прибавленіяхъ къ нему. Чит. выше это отдѣленіе, п. I и пониже, п. III.

[5]) Т. е. ученіи о единствѣ Бога.

[6]) Читай повыше, п 1. мысли Баба о Богѣ.— Когда говоримъ: «Богъ творецъ, Богъ всевѣдущъ, Богъ всевидящъ» и. т. п.—*творчество, всевѣдѣніе, всевидѣніе* составляютъ *отдѣльныя* идеи, точно такъ, какъ въ фразахъ—человѣкъ ученый, добродѣтельный, злой и. т. п., эти качества представляютъ отдѣльныя идеи *вне* человѣка.

Богу какіе нибудь аттрибуты (внѣ Его), тотъ ограничиваетъ Его; кто ограничиваетъ Его, такъ тотъ *считаетъ* Его [1]); а кто считаетъ Его, тотъ говоритъ противъ Его предвѣчнаго единства [2]). Но святъ Господь превыше всего того, что говорятъ грѣшники!

«Хотя по умерщвленіи сего автомата его водятъ по промежуточному міру [3]), но да будетъ на здравіе всякому счастливцу его собственная чаша; бѣдному же Сейиду довольно и капелекъ, которыми онъ питается.

«Миръ отъ Бога да будетъ тѣмъ единобожникамъ, которые радуются въ несчастіи!»

---

[1]) Т. е. приписываетъ ему числительность.

[2]) Это философическое опредѣленіе ученія *Таухида* (т. е. вѣры въ единаго Бога), въ исламѣ принадлежитъ первому имаму шіитовъ, или четвертому халифу суннитовъ, а именно *Али*. Вотъ его слова: «Начало религіи есть *знаніе* Бога. Совершенное знаніе Его заключается въ исповѣданіи *Таухида* (т. е. *Его единства*); совершенное исповѣданіе Таухида заключается въ чистотѣ сознанія, что Богъ изолированъ отъ всѣхъ (внѣшнихъ) аттрибутовъ, по тому свидѣтельству, что всякій аттрибутъ представляется чѣмъ-то *инымъ*, какъ предметъ описанный, и всякій предметъ описанный нѣчто иное, чѣмъ приписанное ему описаніе. И такъ, кто описываетъ Бога какимъ бы то ни было качествомъ, тотъ творитъ Ему подобіе; кто творитъ Ему подобіе, тотъ дѣлитъ Его; кто дѣлитъ Его, тотъ умножаетъ Его; кто умножаетъ Его, тотъ Его не знаетъ. Кто указываетъ на Него (говоря: вотъ Онъ тамъ-то), тотъ ограничиваетъ Его; кто ограничиваетъ Его, тотъ приписываетъ Ему числительность (Богъ на небеси, Богъ на землѣ, Богъ на сушѣ, Богъ на водахъ, и. т. п.) и пр. и пр. (См. собраніе рѣчей и изреченій Али по заглавію *Хасаиси-Али*—въ нашей библіотекѣ восточныхъ манускриптовъ, № 94).

[3]) *Алеми-берзахъ* значитъ—міръ между настоящимъ физическимъ и будущимъ вѣчнымъ. Здѣсь души грѣшниковъ получаютъ очищеніе. (Значитъ, это не что иное, какъ *чистилище* Данте). Но здѣсь авторъ аллегорически говоритъ о промежуточномъ времени между его обращеніемъ въ истинную вѣру и ожидаемымъ имъ переселеніемъ въ вѣчность, разумѣя гоненіе и преслѣдованіе во все это время.

Изъ этого письма также нельзя извлечь ничего относительно того, о чемъ мы просили нашего смоленскаго Сейида; можно понять только, что онъ вначалѣ былъ въ числѣ тѣхъ, которые считали *Баба* за святаго, сверхъестественнаго человѣка, и что потомъ, черезъ ученіе этого же Баба, достигъ онъ высшаго созерцанія. Все же это духовное созерцаніе заключается повидимому въ отвлеченностяхъ, составляющихъ, какъ мы видѣли, схоластическую философію у мусульманъ, философію, которая и безъ того создала на Мохаммеданскомъ Востокѣ болѣе 20-ти различныхъ школъ еще до появленія бабидовъ.

II. Что сдѣлали ученики Баба?—Какъ они искажали принципы своего учителя?

Религія, основанная на чистой философіи, на духовномъ созерцаніи, всегда составляла достояніе чистаго разума, сферу такъ называемаго *внутренняго закона Божія:* тутъ судила и свидѣтельствовала еще незапятнанная совѣсть человѣка. Но когда разумъ сталъ затмѣваться увлеченіями, страстями, и люди не внимали внутреннему голосу, тогда вызванъ былъ *внѣшній законъ.* Онъ устраивался на началахъ того же духовнаго созерцанія; но, къ несчастію, подъ вліяніемъ людскихъ страстей, искажался разногласіемъ, противорѣчіемъ и наконецъ затмѣвалъ и самую истину, на которой первоначально былъ основанъ. Повѣрять можно эту злополучную теорію съ практикой и дойти до истины при малѣйшемъ обзорѣ всѣхъ вѣроисповѣданій, которыхъ элементарныя начала, по нашему убѣжденію, всегда основаны на первоначальной, наидревнѣйшей христіанской истинѣ.

Начала ученія Баба и истинныхъ его учениковъ, какъ мы видѣли, очень сходны съ моралью евангельскою. Но что изъ этого сдѣлали другіе ученики его? Они создали свой коранъ, написали нелѣпыя брошюры, проповѣдывали обоготвореніе Баба

и всякаго *имама* или духовнаго вождя, управляющаго дѣлами бабидовъ; старались поселять фанатизмъ въ своихъ послѣдователяхъ, лишь бы достигнуть такимъ орудіемъ своей цѣли. Въ чемъ же заключается эта цѣль? Она представляется намъ двоякою: *частною* и *общею*. Первая была чисто *эгоистическая*, съ которой каждый *учитель* усердно подвизался на поприщѣ распространенія *своего* значенія между послѣдователями; почему образовались разные кружки бабидовъ, съ различными, но всегда и вездѣ грубыми убѣжденіями. Вторая была чисто *политическая*, съ которой всѣ учители бабизма еще ревностнѣе старались вооружать своихъ послѣдователей противъ мусульманскаго духовенства и правительства. Общій интересъ соединялъ ихъ всѣхъ однимъ наружнымъ именемъ, слилъ ихъ въ одно цѣлое, общее всѣмъ имъ исповѣданіе и придавалъ имъ большое значеніе; успѣхи ихъ возрастали и положили начало давно желаннымъ реформамъ и описаннымъ нами мѣстнымъ революціямъ. Проводники истиннаго либерализма, которыхъ числомъ было весьма немного, увидя въ массѣ своихъ послѣдователей одинъ только духъ несознательнаго фанатизма, не могли найдти въ ней общаго сочувствія къ себѣ, и потому съ надеждою, можетъ быть, на будущія перемѣны, предались общему духу суевѣрія, искони господствующему въ народѣ. И потому, во всѣхъ описанныхъ нами подвигахъ бабидовъ, главнѣйшій номинальный интересъ, руководившій ихъ въ опасностяхъ, заключался не въ томъ, чтобы кровью выкупить свободу отечества, но въ идеѣ: что пришло начало царства *Сахибуз-земана*—управителя міра,—что бабиды скоро наслѣдуютъ всѣмъ земнымъ царствомъ и что за гробомъ ихъ ожидаетъ небесное блаженство. Вотъ то обѣщаніе, которымъ испещрены, въ разныхъ цвѣтахъ, страницы такъ называемаго Бабова корана.

Важнѣе ничего не могло быть для омраченнаго ума необразованной толпы, какъ соединеніе интереса моральнаго съ мате-

ріальнымъ. и это, конечно, было вѣрнѣйшей и сильнѣйшей пружиной слѣпаго фанатизма, котораго добивались ревностные проповѣдники новаго ученія. Чтобы поддержать этотъ фанатизмъ и еще болѣе усилить его въ сердцахъ слѣпыхъ прозелитовъ, лже-учители раздавали имъ разные талисманы и молитвы, какъ бы для охраненія ихъ отъ огня и меча непріятельскаго, а на болѣе вѣрующихъ они возлагали отзичительныя тягла, чтобы возбудить въ нихъ соревнованіе къ отличію, а въ другихъ желаніе подражать имъ. Всякій учитель бабизма, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, является во все это время лицомъ могущественнымъ, волѣ котораго, выраженной во имя Баба, слѣпо должны были подчиняться всѣ его приверженцы. Каждый изъ этихъ учителей управлялъ дѣлами своихъ подчиненныхъ, разрѣшалъ ихъ религіозные вопросы и проповѣдывалъ имъ вѣру *по своему убѣжденію* [1]); поэтому мы видимъ покуда между бабидами лишь начала распаденія ихъ на секты, которыя, однакожъ, не успѣли еще сложиться въ отдѣльныя полныя формы, потому что прежде необходимо было имъ соединиться *въ одну* сильную политическую корпорацію, чтобы имѣть опору противъ преслѣдованія правительства и духовенства.

Первостепенные учители [2]) проповѣдывали во имя Баба, но порою внушали своимъ прозелитамъ считать ихъ *равносильными* Бабу, какъ мы видѣли въ описаніи разоренія Зенгана случай съ Муллою Мохаммедомъ-Али [3]). *Второстепенные*

---

[1]) См. для соображенія гл. III. Отд. 1. п. V.

[2]) Коранъ бабидовъ именуетъ ихъ «*буквами истины*» и опредѣляетъ ихъ числомъ 12.

[3]) Таковы были, въ свое время, Хаджи-Мохаммедъ-Али Мазандаранскій, смоленскій Миръ-Абдулъ-Керимъ, о которыхъ мы уже говорили выше, и нѣкоторые другіе. О ревномъ достоинствѣ первостепенныхъ учениковъ Баба, или *буквъ истины*, съ самимъ учителемъ, мы находимъ указанія и въ коранѣ бабидовъ.

учители дѣйствовали только во имя Баба и проповѣдывали исламъ въ духѣ новаго ученія, т. е. «*Богъ единъ, Мохаммедъ его пророкъ, Али его вели и Бабъ — управитель міра и царь ислама*». Такое исповѣданіе совершенно было бы согласно съ ученіемъ шіитовъ (мусульмане–шіиты, какъ мы видѣли нѣсколько разъ, ждутъ Мегдія-Сахибуз-Земана, [1])—если бы они приняли Баба за ожидаемаго имама; но теперь оно могло оставаться только въ тайныхъ кружкахъ бабидовъ, образовавшихся подъ управленіемъ ложныхъ фанатиковъ.

Но въ чемъ состояло дальнѣйшее вѣрованіе и обрядное ученіе этихъ фанатиковъ? Мы ничего точнаго, опредѣленнаго объ этомъ не знаемъ. Желая воспользоваться въ этомъ отношеніи свѣдѣніями смоленскаго философа, мы писали къ нему, и задавали объ этомъ нѣсколько вопросовъ; но отвѣтъ его (см. письмо второе), во–первыхъ, вовсе насъ не удовлетворилъ; во–вторыхъ, явно доказывалъ намъ, что онъ совсѣмъ не сочувствуетъ всему тому, что бабиды затѣяли въ Персіи во имя Баба. — Изъ-корана, приписаннаго Бабу, судя по экземпляру, который, благодаря заботливости ученаго нашего оріенталиста Ханыкова, находится у насъ, нельзя извлечь никакой правильной системы религіи, никакихъ уложеній о правилахъ и обрядахъ; онъ состоитъ, какъ мы замѣтили выше, изъ набора еловъ и фразъ, щедро разбросанныхъ повсюду, съ безконечными повтореніями одного и того же, безъ всякаго порядка и раздѣленія предметовъ. Несмотря на усиленное занятіе съ нашей стороны *этимъ* кораномъ, мы ничего не могли извлечь изъ него, исключая обѣщаннаго бабидамъ царства надъ всей землей, внушенія имъ о боготвореніи Баба и всѣхъ «*буквъ правды*» (т. е. святыхъ, проповѣдниковъ и всѣхъ самоотверженныхъ сподвижниковъ ученія Баба) и т. п.—Но изъ всего того, что

---

[1]) См. предисловіе п. III. Гл. I. п. IV.

до насъ дошло отъ очевидцевъ собственно о вѣрованіяхъ бабидовъ, равно какъ и изъ повѣствованій персидскаго историка мы составили слѣдующія понятія о семъ предметѣ:

1. О вѣровании въ Баба и въ буквы истины.

Первые ученики Баба въ самомъ началѣ образованія и развитія ихъ тайнаго общества выдавали своего учителя за *дверь къ истинѣ*, за лицо имѣющее тайныя сношенія съ невидимымъ имамомъ Сехибуз-Земаномъ, царемъ и управителемъ ислама, котораго они, какъ и всѣ Шейхиды, превозносили еще эпитетомъ *Баккійетуллахъ*, т. е. остаткомъ божества на землѣ [1]). Слѣдственно ученики Баба *первоначально* давали ему наяву тѣ же почести, которыя присвоиваютъ себѣ первостепенные муджтехиды шіитскіе (см. гл. III, отд. I п. V). Но втайнѣ, чтобы упрочить за нимъ высшее духовное значеніе, въ это время къ общему символу вѣры шіитовъ прибавили еще четвертый членъ (см. гл. III, отд. I. п. I и III.), въ которомъ помѣщено его имя сперва такъ: «*Али-Мохаммедъ*» (т. е. Бабъ) *есть рабъ Баккійетуллаха* (т. е. тайнаго имама); а потомъ—что «*Бабъ есть тайна* (*другъ*) *Баккійетуллаха*».— Черезъ нѣсколько времени, когда бабиды усилились и учитель ихъ въ заточеніи былъ лишенъ общаго доступа къ нему любопытныхъ и слава о чудесахъ, приписанныхъ ему его учениками, распространилась повсюду, однимъ словомъ, когда онъ сталъ мифическимъ лицомъ для толпы слѣпыхъ поклонниковъ,

[1]) Эта фраза одинъ разъ только упоминается въ Коранѣ Мохаммедовомъ, а именно въ гл. XI, ст. 807. Толкователи не могли въ ясности опредѣлить ея значеніе (Буквально она значитъ остатокъ Бога). Мистики Шейхиды и Бабиды привязались къ ней и растолковали ее въ смыслѣ остатка божества, т. е. сосредоточіе силы божественной, назначенной или оставленной Богомъ для управленія міромъ: не явное ли это вліяніе началъ буддизма вкоренившихся въ исламѣ еще въ первыхъ порахъ насильственнаго распространенія послѣдняго въ Персіи? (См. Гл. III. отд. I. п. II).

его вовсе невидавшихъ, ученики называли его уже не рабомъ, не другомъ невидимаго имама, а *самимъ* этимъ давножданнымъ имамомъ и въ символѣ вѣры слова: «*рабъ* или *другъ Баккійетуллаха*» перемѣнили на «*самъ Баккійетуллахъ*»; а слова «*тайно*» или «*другъ Баккійетуллаха*», разъ вошедшія въ символъ вѣры, оставались за другими, т. е. ихъ стали прилагать къ именамъ другихъ сподвижниковъ бабизма, такъ что не прошло много времени, какъ у бабидовъ появился еще пятый членъ символа вѣры, а именно «*такой-то* есть *тайна Баккійетуллаха.* Этотъ почетъ вѣроятно предоставленъ былъ всякимъ тайнымъ кружкомъ бабидовъ своему ближайшему, какъ видно, учителю, намѣстнику Баба. Покуда мы знаемъ только одного изъ таковыхъ, котораго бабиды величали этимъ почетомъ въ символѣ вѣры, это Хаджи-Мохаммедъ-Али Мазандаранскій (см. о немъ въ гл. II, п. VI и слѣдующіе). Такимъ образомъ символъ вѣры бабидовъ въ послѣднее время состоялъ изъ слѣдующихъ пяти членовъ: 1) Свидѣтельствую что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха; 2) свидѣтельствую что Мохаммедъ его посланный; 3) свидѣтельствую что Али его вели [1]); 4) свидѣтельствую что Али-Мохаммедъ есть самъ Баккійетуллахъ и 5) свидѣтельствую что такой-то (учитель) есть (*сирръ*) тайна Баккійетуллаха [2]). Для сокращенія будто символа вѣры, а въ самомъ дѣлѣ для усиленія значенія Баба и его сподвижниковъ, слѣпые приверженцы этого ученія обыкновенно довольствовались произношеніемъ перваго и даухъ

---

[1]) См. гл. III, отд. 1, п. III.

[2]) Подъ «*тайною*» разумѣется другъ, съ которымъ можно подѣлить свои тейны. Въ мистицизмѣ «*тайнымъ Бога*» называется избранникъ, который знаетъ тайны божественнаго откровенія. Али посиъ между мистиками это имя (*сирруллахъ*). Слѣдовательно «*тайна Баккійетуллаха*» значитъ другъ невидимаго имама. Иные мистики слово *сирръ*, которое находится въ символѣ въ смыслѣ тайны, переводятъ *таинствомъ* въ отношеніи къ воплощенію.

послѣднихъ его членовъ: «*Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха; Баб Баикійетуллахъ и такой-то его тайна*».

2. О переселеніи души.

Шейхиды, какъ мы видѣли выше (гл. II, п. I), вѣрили что аттрибуты Всевышняго олицетворяются въ святыхъ; это же самое повѣріе мы видимъ и у бабидовъ. По словамъ Супегра бабиды давали своимъ вождямъ и учителямъ имена аттрибутовъ Бога; сверхъ того инымъ членамъ семействъ таковыхъ они давали имена святыхъ мужескаго и женскаго пола въ исламѣ, приписывая имъ и достоинства этихъ святыхъ. Напримѣръ Мазандаранскій Хаджи-Момаммедъ-Али носилъ имя *Высочайшаго*; Миръ-Абдулъ-Керимъ—имя 8-го имама: въ первомъ видѣли олицетвореніе аттрибута Бога (высочайшій), во второмъ — перерожденнаго имама *Ризы*, 8-го имама шіитовъ исна-ашаридовъ. Сверхъ того они вѣрили, что послѣ смерти каждаго изъ такихъ святыхъ людей, черезъ 40 дней, душа его опять возвратится въ міръ въ новой формѣ, что мы видѣли въ обѣщаніи Мазандаранскаго героя Бушреви (см. гл. II, п. IX), о своемъ появленіи послѣ смерти.

Въ экземплярѣ корана бабидовъ, у меня находящагося, я нашелъ рядомъ нѣсколько фразъ, которыя, мистическимъ своимъ направленіемъ, указываютъ на ученіе о переселеніи душъ; гдѣ эти фразы, т. е. въ которой главѣ, въ которой тетради—я не могу указать, потому что сказанный экземпляръ корана состоитъ изъ 70 тетрадей или 1120 сплошныхъ страницъ, т. е. безъ обозначенія ни начала, ни конца, ни порядка тетрадей, ни числа страницъ. Вотъ буквальный переводъ этихъ фразъ: «Скажи, жизнь Аллаха не похожа на жизнь творенія (т. е. человѣка); ей нѣтъ ни начала, ни конца, ей не предшествовало ничего; *жизнь же творенія, поистинѣ ей предшествовала жизнь*

буквы истины». Далѣе: «Поистинѣ Богъ началъ свое твореніе *буквами истины*». Еще далѣе: «скажи, что Богъ производитъ *буквы жизни* изъ *творенія*..... а потомъ чрезъ буквы жизни къ себѣ всѣмъ показываетъ путь: это значитъ то, что сказано, Богъ производитъ *живыхъ* въ *мертвыхъ* и *мертвыхъ* въ *живыхъ*».

Подъ буквами истины въ коранѣ бабидовъ разумѣются *святые* на небесахъ; подъ буквами жизни—святые на землѣ. Выходитъ, что Богъ началъ сперва буквы истины и ихъ жизнь предшествовала жизни его твореній: потомъ черезъ буквы истины онъ всѣмъ показываетъ путь къ себѣ: стало быть эти *буквы истины*, созданныя *прежде всѣхъ*, постоянно переселяются въ міръ, чтобы руководить людей къ Богу, или производить живыхъ т. е. *буквы жизни* изъ мертвыхъ. Какъ-же мертвыхъ Богъ производитъ изъ живыхъ? Это тутъ же весьма загадочно разъяснено такъ: руководствуя къ себѣ твореніе, которое есть *мертвое*, черезъ буквы истины, которое есть *живое*, Богъ производитъ мертвыхъ (т. е. людей) изъ живыхъ (буквъ истины); это значитъ Богъ творитъ человѣка, который въ самомъ себѣ *мертвъ*, вселяя въ него букву жизни, слѣдственно твореніе мертвое изъ *живаго*.

Какъ ни запутано это мѣсто корана бабидовъ, но оно прямо или косвенно указываетъ на ученіе о переселеніи душъ.

3. О бракѣ.

По собственному ученію Баба, какъ мы видѣли, права женщины были уравнены съ правами мужчинъ и уничтоженъ былъ произвольный разводъ. Но, какъ объ женщинѣ сказано было, что она предъ Богомъ болѣе *возвеличена* и *любезна*, чѣмъ мужчина (см. въ гл. III, отд. II п. 1 текстъ Бабова корана), то ученики Баба постепенно ей предоставляли слѣдующія права и преимущества: 1) Первые ученики Баба, уничтоживъ произ-

вольный разводъ *со стороны мужей* положили, что если замужняя женщина захочетъ *теберри*, т. е. освобожденія себя отъ мужа, то она вправѣ это сдѣлать; другими словами: она можетъ дать разводную своему мужу. 2) Послѣ этого, по поясненію другихъ учителей бабизма, женщинамъ было предоставлено право, сдѣлавъ *теберри* съ бывшимъ мужемъ, брать себѣ въ мужья кого захочетъ. 3) Спустя еще нѣкоторое время, права женщины еще увеличились: персидскій историкъ говоритъ, что одна женщина могла имѣть, по ученію бабидовъ, до 9-ти мужей разомъ! 4) По объявленіи же ученія о *фатретѣ* (см. пониже пунктъ 5), бабиды на бракъ начали смотрѣть съ Платоновой точки зрѣнія: постановили *коммунизмъ* женщинъ. Но старый принципъ въ исламѣ, вошедшій въ коренной народный обычай, освященный честью и охраненный ревностью, не далъ двумъ послѣднимъ преимуществамъ женщины развиться въ полной степени. Ни одинъ очевидецъ, исключая Супегра, персидскаго историка—если можно назвать его очевидцемъ—не признался намъ въ томъ, что между бабидами коммунизмъ женщинъ дѣйствительно существовалъ на практикѣ, равно о томъ, что одна женщина, въ одно время, имѣла бы болѣе одного мужа; хотя очевидцы же не опровергаютъ существованія ученія *фатрета*, *теберри* и, даже, коммунизма женщинъ.

4. О нѣкоторыхъ религіозныхъ постановленіяхъ и обрядахъ.

Въ первое время развитія бабизма, предавшіеся этому ученію, начали постепенно отдаляться отъ шіитовъ въ отправленіи религіозныхъ обязанностей; но эта постепенность всякій разъ была настолько, насколько измѣненіе повѣрій по шаріату дозволялось шіитамъ, что давно вошло уже у нихъ въ религіозный обычай. Мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, что по силѣ этого обычая шіитъ можетъ перемѣнять свои повѣрья, свои религіозныя

убѣжденія по нѣскольку разъ (см. гл. III, отд. 1, п. 5); слѣдственно это постепенное измѣненіе своихъ повѣрій, своихъ убѣжденій, сообразно съ внушеніями духовныхъ, было не новое дѣло для прозелитовъ бабизма. Между тѣмъ это постоянное измѣненіе повѣрій и убѣжденій незамѣтнымъ образомъ наконецъ совершенно отдѣлило бабидовъ отъ шіитовъ, и тогда не трудно было коноводамъ бабизма вселять въ своихъ послѣдователяхъ все, что имъ было угодно.

Первые религіозные и обрядные вопросы, которые подвергались измѣненіямъ, были маловажные; объ нихъ въ подробности мы не знаемъ и не стоило бы упоминать о нихъ. Послѣ, когда бабизмъ усилился, и бабиды начали категорически отдѣляться отъ шіитовъ, въ эти измѣненія вошли слѣдующіе вопросы:

А. Вопросы относительно религіозныхъ убѣжденій по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ шаріата.

1) *Постъ рамазанскій сократили изъ 30 дней въ 19!* Причина такого измѣненія заслуживаетъ любопытства, и потому я считаю не лишнимъ изложить ее здѣсь. Въ схоластической философіи шейхидовъ важнѣйшую роль играетъ *единосущность* Бога *(Вахдети-вуджудъ)*. Мы не коснемся самаго предмета—иначе бы пришлось слишкомъ много удаляться, но скажемъ только, что слово *вуджудъ*, т. е. существо высочайшаго Бога, въ ихъ схоластикѣ составляетъ нѣчто слишкомъ священное, при произношеніи котораго *истинные единобожники* (мувеххиды) должны содрогаться не менѣе Іудеевъ при произношеніи слова «*Егова*», которое значитъ «*Самъ-сущій*» [1]).

---

[1]) Евреи никогда не произносятъ этого слова, считая его слишкомъ святымъ для грѣшныхъ устъ; его замѣняютъ они обыкновенно словомъ *Адонай* (Господь).

Слово «*вуджудъ*» въ арабскомъ языкѣ состоитъ изъ четырехъ *буквъ* (*вджудъ*), которыхъ числительное значеніе въ кабалистикѣ—19 [1]). Отсюда число *девятнадцать* считается суевѣрнымъ изъ шейхидовъ *священнымъ*. Учители бабизма, воспитанники школы шейхидовъ, чтобы еще болѣе чтить святость этого числа, все дѣлили на 19, всякое богоугодное дѣло совершали 19 разъ. Въ томъ числѣ годъ дѣлили на 19 мѣсяцевъ, мѣсяцы дѣлили также на 19 дней, такъ что у нихъ въ году считалось 361 день. Въ этомъ отношеніи они по крайней мѣрѣ шагомъ ближе подошли къ нашему счисленію; т. е. вмѣсто 11 дней разницы между христіанскимъ и магометанскимъ годомъ, у бабидовъ она составляла только 4 дня [2]). На этомъ основаніи вмѣсто 30 дней бабиды постились только 19 дней [3]).

2) Вмѣсто *Хумса*, т. е. $^1/_5$ части добычи, положенной Мохаммедомъ въ его Коранѣ (гл. 8, ст. 42) для неимущихъ, они назначили одну треть. Здѣсь надо сказать, что въ первыхъ порахъ ислама *бейтуль-маль*, т. е. казна *теократичес-*

---

[1]) Употреблять *буквы* вмѣсто *цифръ* всегда было и есть принятое обыкновеніе въ исламѣ, даже въ ихъ календаряхъ. Этотъ древній обычай заимствованъ у Евреевъ и принятъ даже въ церковно-славянскій языкъ. Слово *вуджудъ* пишется *вджуд*, т. е. послѣ *в* гласная *у* выражается въ арабскомъ не гласной *буквой*, а гласнымъ *знакомъ*; звукъ *дж* отвѣтствуетъ славянскому ѕ: слѣдовательно арабское выраженіе этого слова состоитъ изъ *четырехъ* буквъ, а именно *в*=6; *дж*=3; *у* (то же *в*, потому что буква эта, когда *согласная*, произносится *в*, когда *гласная*, — *у*)=6 и *д*=4; стало быть все слово=19.

[2]) Какъ извѣстно, у мусульманъ годъ составляется изъ 12-ти *лунныхъ* мѣсяцевъ и въ лѣтосчисленіи они считаютъ въ году 354 дня, раздѣливъ свои мѣсяцы попеременно на 29 и 30 дней, такъ что во сто лѣтъ нашихъ у нихъ считается 103 года.

[3]) Къ сожалѣнію, мы не могли узнать какъ называли бабиды свои мѣсяцы по сему раздѣленію года. Кажется, они не успѣли привести это въ ясность, соблюдали же свой постъ въ *Рамазанѣ* только 19 дней.

каго общества, составлялась изъ имущества и денегъ, добывавшихся: 1) отъ грабежа или трофеевъ, которые доставались побѣдителямъ послѣ всякой войны съ *невѣрными*. Такимъ путемъ добытое имущество, по закону корана, дѣлилось на 5 частей: четыре изъ нихъ раздѣлялись поровну участвовавшимъ въ войнѣ, а $^1/_5$ поступала въ *бейтуль-маль* для содержанія неимущихъ. 2) Подать *джезвé*, назначенная кораномъ же, на право жизни иновѣрцамъ въ мусульманскомъ государствѣ. 3) *Хераджъ*, поземельная подать, возложенная на покоренныхъ иновѣрцевъ, платящихъ *джезвé*, за право пользованія собственною землею, какъ бы принадлежащею, по праву сильнаго, покорителямъ. 4) *Зекятъ* или очищеніе имущества отъ грѣха. Эта подать, по распредѣленію *Шаріата*, давалась самими мусульманами въ пользу неимущихъ изъ своихъ доходовъ или какого бы то рода ни было матеріальныхъ выгодъ. Казною же распоряжался имамъ или глава правовѣрныхъ [1]). Такимъ усиліемъ дохода казны политическіе коноводы бабидовъ хотѣли увеличить средства къ осуществленію своей цѣли.

3) Къ *Азану* [2]) (вступленіе къ намазу) прибавили четвер-

---

[1]) Въ шаріатѣ всякаго исповѣданія есть особыя статьи о доходахъ *бейтуль-маля*, подъ заглавіемъ *везаифъ*, *зекатъ*, *меганимъ* и тому подобное. Бейтуль-малемъ распоряжались халифы или имамы, потомъ государи ислама, которые присвоили себѣ власть халифовъ. Въ Персіи хумсами и зекатами распоряжаются ихъ муджтехиды, которые себя никогда не забываютъ. Мы знаемъ муджтехидовъ, которые не бѣднѣе, если не богаче самого Шаха.

[2]) Всякая пятивременная молитва (намазъ) начинается *азаномъ*. Онъ состоитъ изъ символа вѣры, съ прибавленіемъ къ нему еще нѣсколькихъ воззваній, какъ то *Богъ великъ*, *встаньте на молитву* и т. п. Каждое воззваніе дѣлается по два раза, и мусульмане услышавъ азанъ должны поспѣшить къ *намазу*. Слово *азанчей (азанчи)* уже не чуждо русскому языку: имъ выражаютъ лицо на минаретахъ, призывающее правовѣрныхъ къ молитвѣ.

тый членъ символа вѣры, о которомъ мы упомянули выше (п. 1, о вѣрованіи бабидовъ).

Б. Вопросы относительно нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій.

1. Въ употребленіи «мугръ» для земнаго поклона въ намазѣ.

Земной поклонъ (*суджуда*) въ намазѣ совершается въ сидячемъ положеніи; молящійся, склонивъ голову, челомъ бьетъ въ землю и произноситъ положенную молитву. Но для того, чтобы лобъ въ это время коснулся именно *праха*, мусульмане – шіиты употребляютъ «*мугра*». Это родъ лепешки, составленной изъ глины, величиною обыкновенно въ медаль, также круглой. Для этого глина составляется у нихъ изъ праха «священной могилы» ихъ имамовъ. Такой *мугра* составляетъ принадлежность намаза у шіитовъ и при случаѣ неимѣнія настоящаго *мугра*, его замѣняютъ чѣмъ нибудь земляннымъ или деревяннымъ, лишь бы оно было чистое, гладкое. Молящійся при земныхъ поклонахъ, непремѣнно долженъ *касаться лбомъ* этого мугра и при этомъ произноситъ положенную молитву.

Бабиды положили употреблять вмѣсто *одного* мугра—*три*, а именно одинъ (потоньше) для лба и два (потолще) для щекъ, безъ чего считали земные поклоны недѣйствительными: молящійся въ такомъ положеніи, говорили они, *всемъ лицомъ* долженъ повергаться въ прахъ предъ Господомъ.

Подобныхъ измѣненій въ обрядахъ, говорятъ, было довольно много у бабидовъ, и приведенное нами достаточно для любопытства.

2. Въ привѣтствіи при встрѣчѣ.

Мусульмане вообще, по положенію своей религіи, при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга *пожеланіемъ мира* по

слѣдующей формулѣ: первый долженъ говорить *селямунъ-алейкумъ*, или *асселяму-алейкумъ*, т. е. *миръ вамъ*; другой обязанъ отвѣтствовать: *ва алейкомуссалямъ*, т. е. *и вамъ миръ*.

Бабиды этотъ религіозный обрядъ перемѣнили на слѣдующее: Первый говорилъ: «*Аллаху-акберъ*» — Богъ великъ; другой— *Аллаху-лазамъ* — Богъ всемогущъ. Болѣе обыкновенное привѣтствіе выражалось у нихъ словами *мерхебенъ бикъ*, т. е. благосостояніе тебѣ. Какъ мусульмане, по закону своему, не могутъ употреблять свою привѣтственную формулу при встрѣчѣ съ *немусульманиномъ*, такъ и бабиды не употребляли свою при встрѣчѣ съ *небабидомъ*.

3. Въ употребленіи перстней.

Мусульмане, по древнему повѣрью между ними, считаютъ богоугоднымъ дѣломъ и, притомъ, предвѣщателемъ счастія употребленіе на мизинцѣ перстней съ бирюзою или съ сердоликомъ, ночему рѣдкаго благочестиваго мусульманина можно встрѣтить безъ такого перстня. На этихъ перстняхъ обыкновенно вырѣзывается имя *Аллахъ*, *Али*, или же какая нибудь фраза изъ корана.

Бабиды между собою положили употреблять для перстней преимущественно *бѣлый* сердоликъ и вырѣзывать на камнѣ кромѣ слова изъ корана еще имя своихъ имамовъ, выраженныхъ цифрами или какими нибудь знаками [1]). Въ Мазандаранѣ преимущественно вырѣзывали имя *Хаджи-Мсхаммедъ-Али* подъ фирмою *Сирру-Баккійетуллахъ*, т. е. тайна управителя міра (см. стр. 186, 5-й членъ символа вѣры.

---

[1]) Цифрами способомъ выше указаннымъ стр. 191 примѣч. 1; *знаками* ими обусловленными между собою: все это дѣлалось изъ осторожности.

Приложеніе къ предъидущему.

О талисманахъ и молитвахъ.

Всѣ вышесказанныя измѣненія въ правилахъ религіозной жизни соблюдались только до появленія закона о свободѣ изъ-подъ ига шаріата (см. пониже п. 5); но что же касается до повѣрій и предразсудковъ, то они до такой степени преувеличились между ними, что этимъ они перещеголяли самыхъ суевѣрныхъ мусульманъ. Въ моихъ рукахъ находятся два талисмана и одна рукописная брошюрка, доставленныя мнѣ г. Мельниковымъ, бывшимъ нашимъ студентомъ Восточнаго разряда, а нынѣ служащимъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, который пріобрѣлъ ихъ во время своего пребыванія въ Тегерани. Эти документы служатъ образцовыми произведеніями самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ и суевѣрія. Собственно талисманы эти, состоящіе изъ пятиугольныхъ кусковъ, кругомъ исписанныхъ одними и тѣми же фразами, повторяющимися 74 раза, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя раздавались бабидамъ учителями ихъ для сбереженія отъ смерти и несчастія. Брошюра, состоящая изъ 27 страницъ въ четвертушку, на арабскомъ языкѣ, содержитъ въ себѣ правила, которыя всякій бабидъ долженъ выполнять предъ его отправленіемъ и во время его шествія къ порогу своихъ первостатейныхъ учителей для посѣщенія ихъ. Всѣ эти правила такого содержанія, что прямо указываютъ на сверхъестественныя качества этихъ учителей. Сочинитель ихъ посылаетъ исповѣдующихъ бабизмъ къ этимъ учителямъ, съ внушеніемъ гораздо большаго страха и богопочитанія, чѣмъ тѣ, съ которыми посылаютъ шіитскіе муджтехиды своихъ *мугкаллидовъ* для поклоненія къ гробу ихъ имамовъ. Въ особенности примѣчательна въ этой брошюрѣ длинная молитва, которую посѣтитель, подходя къ учителю, «божьему другу», какъ сказано въ брошюрѣ, долженъ читать

громогласно. Она примѣчательна во-первыхъ выспренностью фразъ, выдуманныхъ для того, чтобы величать «божьяго друга»; во-вторыхъ наборомъ словъ, сплетенныхъ въ поэтическомъ размѣрѣ и иногда въ рифмахъ, но связанныхъ довольно часто безъ всякаго правила и даже безъ всякаго смысла, отчего думаю, что она составлена не хорошимъ знатокомъ арабскаго языка, а можетъ быть тѣмъ же Сеидъ Хусеиномъ, который составилъ, по нашему мнѣнію, коранъ бабидовъ (гл. II, IV) и талисманы, раздаваемые ихъ ополченцамъ. Для того, чтобы показать степень нелѣпости этой молитвы въ томъ и другомъ отношеніи, представляю въ переводѣ нѣсколько образчиковъ.

1) Въ отношеніи къ выспренности фразъ, внушающихъ богопочитаніе:

а, «Первая эссенція, которая получила прелестную форму, восходила, блистала и сообщила (міру) свѣтъ изъ *сферы пребыванія Предвѣчнаго* —была Ваша». —Такъ начинается молитва, адресованная «божьему другу». Здѣсь кажется намекъ на идею, которая развита въ первомъ письмѣ смоленскаго философа (гл. III, отд. 2, стр. 175), *что на духовныхъ небесахъ пророки и святые суть одного начала и что видимое для смертныхъ различіе происходитъ отъ проявленія внѣшняго міра*.—Слова текста «*была Ваша*» (во множественномъ числѣ), выражаютъ мысль, что молитва адресована въ лицѣ «божьяго друга» ко всѣмъ «святымъ».

б. Нѣсколько далѣе молитва продолжаетъ: «Если бы не *Вы*, то ничто (т. е. никто) не знало бы Аллаха; если бы не *Вы*, то ничто не почитало бы Аллаха; если бы не *Вы*, то ничто не прославляло бы Аллаха.....».

в. Еще далѣе: «Аллахъ утвердилъ *Васъ* на своемъ престолѣ; далъ Вамъ *логусъ* [1]) отъ себя, назначилъ Васъ раздавать

---

[1]) Слово *нитекъ* значитъ способность говорить правильно; отсюда *мен-*

всякому дольщику его долю [1]); избралъ Васъ для того, чтобы передать всякому подчиненному судьбамъ (Божіимъ) судьбу его.. [2])» и т. п.

2) Въ отношеніи къ безсвязному *набору словъ* и *безсмысленныхъ фразъ*, я могу указать только на образцы послѣдней категоріи, т. е. на безсмысленныя фразы, потому что желаніе коснуться собственно *неправильности* языка отвлекло бы насъ далеко въ лингвистическую критику, что вовсе не было бы умѣстно здѣсь. И такъ пусть читатель полюбуется наборомъ словъ, каковыми полна эта молитва. Представляя здѣсь вѣрный переводъ двухъ образчиковъ изъ нея, мы сознаемся, что не понимаемъ ихъ; можетъ быть поймутъ другіе.

а) «Какъ я могу описать — говоритъ молящійся «божьему другу» — какую нибудь эссенцію изъ эссенцій вашей изолировки, свѣтъ изъ свѣта вашей святости, форму изъ формъ вашихъ желаній, тайну изъ тайнъ вашей воли, молитву изъ молитвъ вашей славы, постановленіе изъ постановленій рабства къ вамъ, листъ изъ листьевъ древа вашего управленія (міромъ) — когда Аллахъ указалъ мнѣ на преграду пути (между мною и) сферою вашей святости?.... ибо всѣ творенія со всею *канфарною* (чистою, прозрачною?) эссенціей своихъ существованій ничего не значатъ предъ цѣнностью покрова вашего свѣтлаго проявленія!»

б) Далѣе: «Если я скажу, что Вы, это Вы, то земля уже повѣствовала свои разсказы, что Ваши имамы не описываются

тыихъ—логика. Буквально сказано: Аллахъ сдѣлалъ Васъ способными говорить отъ него.

[1]) См. объ олицетвореніи *аттрибутовъ* Бога; гл. II, п. 1; гл; III; отд. 2, п. 2. о переселеніи души (стр. 188).

[2]) Т. е. управлять его судьбами: послать на жизнь и на смерть. — Текстъ можно перевести иначе и такъ: дабы передать всякому подлежащему суду, его судъ, т. е. его обязанность. Смыслъ одинъ и тотъ же; но первый переводъ болѣе въ духѣ мистицизма.

ими (?), что всѣ существа невидимыя и видимыя суть повѣствованія изъ повѣствованій, которыя изолированы въ спеціальности своего проявленія.... »!!

Таково содержаніе молитвы и стиль ея языка, и нѣчто въ этомъ духѣ, но гораздо проще языкъ и смыслъ сочиненія изъ 70 тетрадей у меня находящагося подъ названіемъ Корана бабидовъ.

Объ окончательномъ отказѣ бабидовъ подчиняться шаріату.

Какъ мы говорили выше, бабиды вначалѣ были мусульмане шіитскаго имамидскаго исповѣданія. Желая очищать это исповѣданіе отъ искаженій, вкравшихся въ первоначальные принципы религіи, самъ Бабъ не предлагалъ новой религіи, новыхъ обрядовъ. Когда же составились тайные кружки бабидовъ изъ необразованныхъ суевѣровъ въ Фарсѣ, въ Иракѣ, въ Хорасанѣ, въ Табористанѣ и въ Адербиджанѣ, то само собою разумѣется, что эти кружки, неся еще имя шіитовъ, должны были постепенно отдаляться отъ бывшихъ своихъ единовѣрцевъ и въ этомъ должны были волею или неволею подаваться увлеченіямъ своихъ наставниковъ, проповѣдывавшихъ тотъ же исламъ, но не такъ какъ понимали его шіиты, бывшіе ихъ единовѣрцы, а какъ *должно было* понимать его по *«новому ученію»*, основанному, по ихъ мнѣнію, на коренномъ догматѣ вѣры. По этому догмату шіиты ожидали непремѣннаго втораго пришествія имама—управителя міра. «Онъ прибылъ», говорили бабиды; стало-быть вѣрующіе въ него должны вѣрить въ его ученіе, въ его воззрѣніе на всѣ религіозные вопросы, которые входятъ въ обширную програму ислама; а это ученіе составляло бабизмъ и должно было быть преподаваемо ближайшими учениками Баба. Самъ Бабъ, какъ мы говорили, не предлагалъ новой религіи, новыхъ обрядовъ. Въ самомъ началѣ его

жизни мы видимъ, что онъ въ самомъ строгомъ смыслѣ исполнялъ всѣ предписанія шаріата: совершалъ *намазъ*, соблюдалъ *посты*, посѣщалъ *Кербела* и *Мекку* и проповѣдывалъ строгую жизнь; но его ученики, изъ-подъ руки устраивая дѣла раскола по своему желанію и радуясь своимъ успѣхамъ, распускали въ народѣ, что *будетъ реформа, будутъ новые законы*, и говорили, что покуда Бабъ ихъ назначилъ для руководства избранныхъ Богомъ для славнаго поприща *бабизма* и для приготовленія ихъ къ тому дню, когда они будутъ торжествовать надъ всѣми препятствіями и подъ знаменами *имама*, завладѣютъ всѣмъ свѣтомъ и благами будущей жизни! Стало быть всякій кружокъ бабидовъ покуда подчинялся ученію своего ближайшаго учителя и отъ этого въ первыхъ порахъ распространенія ихъ ученія явились различные *мѣстные* обряды (См. выше объ обрядахъ), разныя частныя повѣрья, и впослѣдствіи образовались вышесказанныя нами начала раскола и измѣненія въ 4-мъ и 5-мъ членахъ символа вѣры.

Между тѣмъ нельзя было такъ легко отучить слѣпыхъ невѣждъ отъ обыденнаго отправленія религіозныхъ обязанностей, ибо мусульманинъ не могъ не совершать намаза, не могъ не совершать омовенія, не могъ не соблюдать поста. Положено было исполнять всѣ эти обязанности по новымъ правиламъ, и это исполнялось повсемѣстно, хотя съ различіемъ въ нѣкоторыхъ обрядахъ. Такъ продолжалось дѣло до укрѣпленія бабидовъ въ Шейхъ-Тебарси (1848 года). Теперь они думали пришла пора совсѣмъ чуждаться мусульманъ, и вражда, укоренившаяся между ними и шіитами, совершенно разъединила ихъ; обѣщаніе будущаго могущества бабизма и царства бабидовъ по всему лицу земли окончательно поселило въ нихъ презрѣніе ко всякому, кто не носилъ имени бабида и все это исторгало изъ ихъ сердца любовь къ прежнимъ своимъ обычаямъ. Тогда главные сподвижники политическаго бабизма воспользовались такимъ

положеніемъ своихъ подчиненныхъ и проповѣдывали ученіе *фатретъ* [1]), т. е. *освобожденіе отъ ига закона*. Это ученіе состояло въ слѣдующемъ: *покуда не утвердится бабизмъ по всему лицу земли, покуда царство Баба не утвердится и не выдастся новый кодексъ Бабова закона, всѣ бабиды свободны отъ исполненія религіозныхъ обязанностей*. На этомъ основаніи бабиды сложили съ себя исполненіе всѣхъ религіозныхъ обязанностей, т. е. не совершали намаза, не соблюдали поста, не считали шіитовъ и вообще мусульманъ своими собратьями единовѣрцами, пили вино, не считали ничего нечистымъ (*неджесъ*), ничего *харамъ*, т. е. воспрещеннымъ по закону [2]); но удержали за собою только *одно*, съ которымъ трудно разстаться невѣждѣ,—это повѣрья и предразсудки, которые такъ сильно искажали ихъ ученіе и о которыхъ мы упомянули выше.

Вышеизложенное ясно показываетъ до какой грубой степени искажено первоначальное ученіе Баба и каково могло быть послѣдствіе невѣжества! Никогда человѣкъ не разочаруется такъ безвозвратно, какъ при переходѣ изъ міра прекрасныхъ идей

---

[1]) Фатретъ между прочимъ значитъ пространство между двумя пальцами. Отсюда—*промежутокъ времени*. Въ мохаммедовомъ коранѣ это слово употреблено только одинъ разъ (въ 5 главѣ, въ 22 стихѣ) въ смыслѣ промежутка времени между двумя пророками. Здѣсь бабиды разумѣли промежутокъ времени между двумя законами, *шаріата* и будущаго закона, имѣющаго явиться отъ имени Баба.

Этотъ кодексъ новаго закона, очевидцы говорятъ, былъ готовъ и находился подъ сохраненіемъ у одного сподвижника бабизма по имени *Муллы Абдуль-Керима*, убитаго впослѣдствіи въ тегеранскомъ дѣлѣ (гл. II, § XX, п. 2). Говорятъ, что этотъ господинъ, во время преслѣдованія бабидовъ въ Казвинѣ (онъ самъ былъ Казвинецъ), какъ мы упомянули въ ст. о Гкурретуль-Айнъ (гл. II. § 5), заложилъ эту книгу въ стѣну неизвѣстнаго дома; и послѣ его убіенія сколько ни искали ее, нигдѣ не нашли.

[2]) См. гл. II, § XIII, п. 2, въ примѣчаніи.

въ міръ формъ грубыхъ, угловатыхъ, нетолько вовсе несоотвѣтствующихъ началамъ, на которыхъ онѣ основываются, но совершенно имъ противоположныхъ. Не идя далеко, обратимся къ той истинѣ, которая составляетъ средоточіе божественныхъ идей въ христіанскомъ мірѣ. Раскройте овангеліе: прочтите его отъ доски до доски; повѣряйте святую жизнь отцовъ церкви, прочтите ихъ молитвы, потомъ обратитесь къ внѣшнимъ религіознымъ формамъ христіанскихъ расколовъ,—не поразитъ ли васъ, читатель, переходъ изъ міра великихъ божественныхъ идей въ міръ самыхъ грубыхъ формъ? Если въ христіанствѣ мы видимъ успѣхи увлеченія пагубныхъ страстей, вопреки божественной истинѣ; если въ исторіи экклезіастическаго управленія мы видимъ явныя слѣды обскурантизма, ведущаго къ окончательному невѣжеству, вооружающаго воспитанниковъ Христовой любви неслыханнымъ, кровожаднымъ фанатизмомъ, призывающаго ихъ именемъ церкви къ враждѣ, ненависти и проклятію своихъ собратовъ,—все это изъ расчетовъ, изъ-за себялюбія; если, однимъ словомъ, въ христіанизмѣ мы видимъ торжество неправды, то можемъ ли, не краснѣя, упрекать въ этомъ язычниковъ, іудеевъ и мусульманъ?

КОНЕЦЪ.

ОБЩІЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ, техническихъ словъ, равно и важныхъ предметовъ, упоминаемыхъ, изложенныхъ и объясненныхъ въ этомъ сочиненіи, съ указаніемъ на страницы изданія.

А.

Ааронъ—154.

Аббасиды 153.

Аббасъ-Кули-Ханъ (Сардаръ) — 68, 74. Опаздываетъ въ своемъ назначеніи противъ бабидовъ—(74—76). Неожиданно и не-вовремя пріѣзжаетъ въ Шейхъ-Теберси и осаждаетъ бабидовъ—(79). Его надменность; его неудача и бѣгство—(80,81). Его безчеловѣчіе — (84). Его хвастовство. Расходятся съ главнокомандующимъ (85).

Аббасъ-Мирза, братъ нынѣшняго Шаха, стр. 33, 132 (въ примѣчаніи 2). Дѣдъ нынѣшняго шаха стр. 157 (примѣч.).

Абдулла . . . . . IV.

Абдуллахъ бинъ Зобейеръ— стр. 151.

Абу-Менсуръ . . . . . IV.

Абу-Талибъ-Ханъ (ротный К-ръ), наказанный полкамн 112.

Ага (значеніе слова) 91 въ примѣчаніи.

Ага-Мохаммедъ-Али 54. Его должность, его характеръ—(37), привязанность его къ Бабу—(38). Его мужество и самоотверженіе много принесли пользы бабидамъ—(39). Его казнь—(40).

Ага-Ресуль, бабидъ. Его судьба—93.

Ага-Мохаммедъ-Хасанъ, одинъ изъ убійцъ Муллы-Хусейна—82.

Ага-Мохаммедъ-Ханъ 162 (прим.).

Агка-Мухаммедъ, дѣятель въ Адербиджанѣ—54, 58.

Азамиды (см. Ханафиды).

Азанъ (вступленіе къ намазу). 192 (примѣч.).

Азанчи — призывающій на молитву. 192 въ примѣч.

Азизъ-Ханъ, важное лицо—111, 112.

Акберъ-Гкумскій 69, 170.

Алеми-Акберъ 176 примѣч.

Алеми-Берзехъ 180 примѣч.

Алеми-Кебиръ 176 примѣч.

Али, зять Мухаммеда, назывался Бабъ, т. е. *дверью*—10, 39,—«Даръ дарующій»—47. Понятія шіитовъ объ немъ — (139, 143, 147, 148—150, 154).

Али-Абадъ (селеніе) 85.

Али-Аскеръ-Ханъ—131.

Али-Ханъ, начальникъ Тавризскаго полка—113.

Алиды 147.

Аль-Багкыръ (Мухаммедъ) 147, 152.

Аль-Мегди — 28. Примѣч. 47, (см. Мегди).

Амиръ-Арсланъ-Ханъ, Губ—ръ зенганскій 102, 105.

Амиръ-Низамъ 31.

Антонъ (Безнинскій) 9 примѣч.

Аттрибуты (Высочайшаго существа) по ученію Шейхидовъ олицетворяются—47.

Афшарскій отрядъ 106.

Ахсаи 46. См. Шейхъ-Ахмедъ.

*

Б.

Бабъ (Мирза-Али-Мухаммедъ). Его происхожденіе (1). — Отправляется въ Бендеръ-Бушэръ. Его поведеніе тамъ (2). — Отправляется въ Кербеля; обращаетъ на себя вниманіе окружающихъ. Разсказъ персидскаго историка объ немъ; посѣщаетъ лекціи Шейхъ-Сейидъ-Казема (3—5 49—50). Его называютъ *Меджзубъ* (юродивый). Слухъ объ немъ распространяется повсюду. (6)—Возвращается въ Ширазъ; проповѣдуетъ строгую жизнь. (7, 51).—Посѣщаетъ лекціи Шейхъ-Абида. Разные толки объ немъ. 8. Избирается въ муршиды (52).—Въ первый разъ называется Бабомъ — дверью истины (10, 53).—Отправляется въ Мекку. Его слава распространяется. (11, 54). — Возвращается изъ Мекки; схваченъ и арестованъ. (13)—Разсказъ объ немъ персид. историка: испытаніе Баба въ Ширазѣ, коварство ширазскаго губернатора; губернаторъ испаганскій спасаетъ его. (13 — 14). — Разсказы объ этомъ очевидцевъ. (15).—Бабъ въ Испагани. (16).—Испаганскій губернаторъ оказываетъ ему ласки; онъ поручаетъ его первому исфаганскому лицу. Его испытаніе; результаты испытанія. (17—19).—Его перемѣщаютъ во дворецъ *Имарети — Садры*—(20).—По смерти испаганскаго губернатора Баба вызываютъ въ Тегеранъ; но по распоряженію перваго министра велѣно сослать его въ *Маку* или въ *Чегрикъ*. Онъ неожиданно въ Таврвзѣ (21, 22).—Приготовляютъ публичное испытаніе Бабу. Разные толки (22, 23).—Его поручаютъ придворному сановнику. Неудовольствіе народа. Испытаніе Баба въ присутствіи однихъ только духовныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ наслѣднаго принца (24. 25). — Несообразность показаній персидскаго историка объ испытаніи Баба и результаты этого испытанія (26, 27).—Бабъ въ Маку. Его поведеніе тамъ. Дѣла въ Маку (28, 29). — Положеніе Баба во время перемѣны правительства вслѣдствіе кончины Мухаммедъ-Шаха (30, 31).—Строгія мѣры правительства. Бабъ переведенъ въ Чегрикъ и оттуда въ Таврвзъ (32 — 34). —Несправедливый судъ надъ Бабомъ (34, 35) — Измѣна его учениковъ (36—38).—Казнь (39).—Мужественная смерть его ученика. Промахъ стрѣльцовъ. Говоръ въ народѣ (40, 41).—Заключеніе о личности Баба (41—44).—Убѣжденіе Баба (167—174).—Онъ не желалъ учредить новую религію 199. — Новый Бабъ (108).

Бабиды (бабивцы, бабисты), послѣдователи Баба. V, примѣч. 1. Первые бабиды (167—174).—Начала ихъ успѣховъ (54, 55).—Первая стычка въ Хорасанѣ (64).—Ополченіе ихъ въ Мазандаранѣ (61 и слѣдующія).—Укрѣпляются у Шейхъ-Таберси (68).—Первое дѣло въ Шейхъ-Таберси (76).—Разоряютъ персидскій лагерь (77, 78).—Второе дѣло въ Шейхъ-Таберси: мужество бабидовъ (79—83).—Третье дѣло въ Шейхъ-Таберси. Ужасное зрѣлищѣ. — Окончательная ихъ побѣда (84 —88).—

Четвертое дѣло: ихъ бѣдствіе (89-93).—Истребленіе бабидовъ въ Шейхъ-Таберси (95—97).—
Бабиды въ *Зенганѣ* (98—102).—Возстаніе бабидовъ въ Зенганѣ (103 — 105). — Укрѣпляются здѣсь (106).—Нечувствительная неудача ихъ 107.—Опять берутъ верхъ надъ шахскимъ войскомъ.(108).—Упадаютъ духомъ, узнавъ о казни Баба. (109).—Подчиняются *новому* Бабу.(109), (110).—Ихъ успѣхи(110-117).—Ихъ конецъ въ Зенганѣ. (118) — Бабиды въ *Нейризѣ*. См. слова Дараби и Нейризъ.
Бабиды въ Тегеранѣ и ихъ судьба. (131—139).—Существованіе бабидовъ въ Персіи и въ настоящее время. 140.—Ихъ ученіе. (166).—(См. по оглавленію). Дѣленіе ихъ на три категоріи. (168).
Бабекъ, Бабекиды IV. 152.
Бабинцы, бабисты. 10 (см. Бабиды).
Багкійэтуллахъ, 185, 186.
Бадруд-Дуджа. 60. См. Гкурретуль-Айнъ.
Баісидъ 42.
Балаханэ—(балконъ) 33.
Баля-Рустакскій (Джафаръ-Кули-Ханъ). 87.
Баль-фурушъ или Баръ-фурушъ 64, 65. Страхъ жителей. 66.
Бастамъ. 64.
Батыниды 153.
Бейтуль-Маль. казна ѳеократическаго общества. 191.
Братство (муридизмъ) 46.
Буддизмъ имѣлъ вліяніе на образованіе различныхъ сектъ 146 и слѣд.
Буквы правды 184.
— истины, жизни 188.
Бухвостовъ Ив. Ив. 9. въ примѣч.

Б.

Варнова 146.
Васексъ (деревня) 74, 76.
Вахдети - вуджудъ — единосущность Бога. 190
Бели-Ханъ 128.
Вели и Вилайетъ (ихъ значеніе). 150.
Воспитаніе (духовное). См. Иршадъ.
Воспитанникъ (духовный). См. Муридъ.
Воспитатель (духовный). См. Муршидъ.
Вуджудъ (вджудъ) существо Высочайшаго Бога 190 и 191 (примѣч.).

Г.

Гади-Ханъ 93.
Гадиръ-Хумъ 148, 154.
Гандже (Елисаветополь). 17, примѣч. 1.
Годъ: его раздѣленіе на мѣсяцы и дни у бабидовъ 191.
Гулаку-Ханъ 153.
Гулевиды 152.
Гкурретуль-Айнъ прозолитка 39, (въ примѣчаніи);ея востаніе,(57, 61,65). Послѣ встрѣчи съ Хаджи-Мухамед-Али — исчезаетъ въ провинціи Мазандеранской (66). Слухъ о ея судьбѣ (97, 138, 172).
Гюльшенъ, улица въ Зенганѣ 110.

Д.

Давудъ—Мирза (принцъ) 76: погибъ въ пожарѣ, произведенномъ бабидами въ главной квартирѣ персидскихъ войскъ. (77).
Дараби (Сеидъ-Яхъя) 15, 55. Его происхожденіе и профессія

(121). Является на политическую сцену (120); онъ въ Ездѣ (121); онъ въ Фессе (122).—Его дѣла въ Нейризѣ (123—127).—Его судьба (127—131).
Деджаль (антихристъ) 29. (въ примѣчаніи).
Делиль-уль-мутехейриинъ 178 (примѣч.).
Джафариды 152.
Джафариды(Исна'-ашариды)153—155.
Джафаръ-Кули-Ханъ 87. — Его смерть 88.
Джаферъ (Ас-Садыкъ) 152.
Джезье (подать) 192.
Дорнъ (академикъ) V, примѣч. 2.

Е.

Ездъ. 121.
Ездъ. 151.

З.

Зейднды. 152.
Зейдъ. 147.
Зейнулъ-Абидинъ-Ханъ, начальникъ Нейриза 123—125.
Зенганъ (Зеиджанъ). Слухи о сборѣ бабидовъ тамъ (95)—Подробности о городѣ и о событіяхъ въ немъ (98, 102)—Открытое тамъ возстаніе бабидовъ (103—105.)
Зерендскій полкъ 113.
Зерринъ-Таджъ 60. См. Гкурретуль-Айнъ.

И.

Иджтихадъ 156.
Имаметъ 42.
Имамиды (шіиты) 148, 152. См. еще Джафариды.
Имамъ-джумъ'а 18.
Имарети-Садры 20.
Иршадъ (духовное воспитаніе) 46 и слѣд.
Исламъ: не можетъ быть преградою цивилизаціи, II.— При жизни Мухаммеда(141—144).—Распадается на секты (144, 145 и слѣд.).
Исламъ-Ханъ 23.
Исмаилъ, сынъ Джафара 147.
Исна-ашариды (имамиды) 145.

К.

Кади-Келя, деревня 79.
Каджарская династія 162.
Казвинъ —отечество Гкурретуль-Айнъ. Смуты тамъ 58—61.
Каземъ-Ханъ 23.
Казн-Мулла 42.
Кальаи--Али--Мерданъ-Ханъ — Главное укрѣпленіе бабидовъ въ Зенганѣ 105.
Кара-Кузлю. См. Махмудъ-Ханъ.
Каракузлюскіе полки 128.
Кара-су. рѣка 85.
Каштъ, деревня 86.
Кашанъ 63.
Каснмъ-Бекъ 107.
Кербеля, на берегу Евфрата 3.
Кербеляіи 3. (Прим. 3)—6.
Керимъ-Ханъ(Зендскій)162, прим.
Керимъ-Ханъ 48 (прим.), 51, 52.
Керусскій полкъ 113, 119.
Кете'—(чилавъ) 75 прим. 2.
Кея-Куля мѣстечко 86.
Кирманъ 48 (прим.).
Кодексъ (законовъ бабидовъ) 200 (примѣч.).
Коранъ бабидовъ 165, 169, 184.

Л.

Лариджанскій отрядъ 74.
Легса 46.
Легсаи 46. См. Шейхъ-Ахмедъ.
Ликаонскіе язычники 146.
Логусъ 196.

Льути 16, 23. Ихъ истребленіе. (Въ примѣчаніи къ стр. 16.)

М.

Мазандаранъ (походъ въ —)34—всегда славился религіозными распрями своихъ жителей (62).
Маку 24, 27, 29, 33.
Маликиды 144, 145.
Мамегаин. См. Мулла-Мохаммедъ.
Мансуръ . . . IV.
Манучехръ-Ханъ (см. Мутамадуд-Дауле) 63.
Масонскія ложи въ Персіи 165.
Махмудъ-Ханъ (Келинтеръ) 97, 101.
Махмудъ-Ханъ (Гкара гузлю) 97, 101. Не слѣдуетъ ихъ смѣшивать. (въ примѣчаніи, стр. 97.)
Мегди (Аль-Мегди) — царь Ислама, невидимо управляющій міромъ 25, 28, 29, 145, 147.
Мегди-Кули-Мирза. Его происхожденіе 90 (въ примѣчаніи). Назначенъ правителемъ Мазандарана, съ порученіемъ утушить возстаніе бабидовъ.(74).—Плоды его распоряженія(75).—Едва спасается отъ преслѣдованія бабидовъ (77—79).—Его распоряженія въ городѣ Сари. Вторичный его походъ вслѣдствіе наказаннаго коварства лариджанскаго сардаря. Новыя неудачи (79—88).—Ему назначается Шахомъ помощникъ. (90).—Новая его оплошность (92). — Измѣняетъ своему слову и такимъ образомъ устраиваетъ окончательную гибель бабидамъ (96, 97).
Меджзубъ 6. Примѣч. 1.
Мельниковъ 195.
Меляхндэ 147.
Мерагинскій отрядъ 106.
Мерванъ (умейядъ) 151.
Мергкади-Мутаххеръ 3. Прим 3.
Мешедъ. Мешеди 3. Примѣч. 3. Походъ противъ *Саляра* (34). —Покорился (108).
Мешеди-Миръ. укрѣпленіе бабидовъ въ Зенганѣ 106, 107.
Мигръ-Али-ханъ 128, 129.
Милянъ 69. (Дѣла въ этой деревнѣ) 70.
Мираджъ 8. Примѣч. 3.
Мирза въ значеніи Сейида (см. это слово) 1 примѣч. 2.
Мирза какъ эпитетъ, поставляемый предъ собственнымъ именемъ или позади его 90. Прим.
Мирза-Абдулла, начальникъ батарен 94.
Мирза-Агка-Ханъ, первый министръ 132.
Мирза-Абдуль-Вахабъ-Ханъ 136.
Мирза-Ахмедъ (Баганшахъ) 23, 55.
Мирза-Ахмедъ 24, 70
Мирза-Керимъ-Хамъ, одинъ изъ убійцъ Муллы Хусейна 82.
Мирза-Насруллахъ-Султанъ. 157 (примѣч.).
Мирза-Салихъ 105.
Мирза-Таихы-Ханъ (первый министръ; примѣчательный человѣкъ) 17 (въ примѣч.); 24, 30 31, 34, 115.
Мирза-Фереджуллахъ — укрѣпленіе бабидовъ въ Зенганѣ 106.
Миръ. См. Сеидъ.
Миръ-Абдуль-Керимъ 187.
Миръ-Хайдеръ 157 (примѣч.).
Мишкатъ 154 (въ примѣч.).
Міяминъ 64.
Моавіэ 151.
Монсей 154.
Монофизиты. 173.
Моноѳилиты. 173.
Мохаммедъ («пророкъ»), Назывался *городомъ знанія* 10.
Мохаммедъ-Ага 107.
Мохаммедъ Бекъ 67.

Мохаммедъ-Мурадъ-Ханъ Зерендскій, начальникъ отряда 113.
Мохаммедъ-Ханъ — Назначается Шахомъ противъ зенганскихъ бабидовъ 109—112.
Мохаммедъ-Шахъ (скончался въ 1848 г.) 64.
Мошинизъ V. Примѣч. 2, 33, 35, 172.
Мувеххиды—истинные единобожники 190.
Мугръ 193.
Мугкаллидъ (значеніе и вліяніе) 155—158.
Муджтехидъ властьего(156—168).
Мулла-Али-Асгаръ, проселитъ Баба. 63.
Мулла-Абдуль-Кадиръ, прозелитъ Баба 63.
Мулла-Башн. См. Хаджи-Мулла-Махмудъ.
Мулла-Мохаммедъ Гератскій, прозелитъ Баба 63.
Мулла-Мохаммедъ (ахундъ мамегаискій) 24, 25, 35, 55.
Мулла-Мохаммедъ-Али. Слухи объ немъ 95. — Краткое изложеніе объ немъ (99—101).—Открыто проповѣдаетъученіеБаба(102).—Первый безпорядки въ Зенганѣ и послѣдствіе этого(103, 104).—Его успѣхи (105—108). Объявляетъ себя *новымъ Бабомъ*. Его огромные успѣхи(108—117).Его смерть и печальный конецъ бабидовъ (117—120).
Мулла-Мохаммедъ-Таги (онъ же Хаджи и ахундъ) вѣроятно отецъ мужа или жениха Гкурретуль-Айнъ 58. примѣч. 2; 61, примѣч. 2
Мулла-Хасенъ (Гаухеръ) 51.
Мулла-Хусейнъ (Бушруи), одинъ изъ главныхъ учениковъ Шейха 51. Называетъ себя *Наибъ* (намѣстникомъ) Баба (11, 54, 55 — 57, 58). Его смѣлость и энергическія дѣйствія (62,63).—Соединяется съ Хаджи въ Барфурушѣ. (66). — Его дѣйствія противъ *Сардара* (68, 69).—Дѣлаетъ укрѣпленіе въ Шейхъ-теберси(64).—Его дѣятельность и отличныя распоряженія въ дѣлахъ противъ осаждавшаго бабидовъ шахскаго войска; его побѣды(76—79).—Его смерть въ дѣлѣ, въ которомъ бабиды одержали побѣду. Его завѣщаніе (79—83.)
Мулла-Шейхъ-Али 54 (прим.) 133.
Мулла Юсуфъ; Шейхидъ; наибъ баба въ Адербиджанѣ 22, 57.—Его успѣхи тамъ (58). Ѣдетъ въ Мазандаранъ(69). Онъ въ заточеніи въ деревнѣ Васексъ. Его освобожденіе (77).Сомнѣніе объ немъ(73—въ прим.). Слухи объ его судьбѣ (97).
Муридъ 8, примѣч. 2. Его значеніе (46, 48, прим. 1).
Мюридизмъ 46.
Муршидъ 8, прим. 2. Его значеніе (46).
Муса-Ар-Риза 147, 155 (примѣч.).
Мустафа-Ханъ 74. — Каджарскій 107.
Мустафа-Кули-Ханъ 128,129,130, 131.
Мутезилиды 47 (примѣч.).
Мутемедуд-Даулэ (Менучехръ-Ханъ) 14, 17, 18, 20, 36.
Мухтаръ 151.
Мухтесибъ 9. Примѣч.

Н.

Наибъ (намѣстникъ) 11, 48.
Наибус-Сельтенэ 33; примѣч. 2; 132.
Насихут-таварихъ, новѣйшая всеобщая исторія на персидскомъ языкѣ—V, примѣч. стр. 4, 10, примѣч. 1; стр. 26, 34 (прим.).

Нàсырійэ—полкъ 110—112
Нàсыруд-динъ-Мирза 30.
Нàсырудъ-динъ Шахъ. Его готовность ко всему хорошему, относящемуся до цивилизаціи—III.
Неджесъ (нечистое, въ религіозномъ отношеніи) 200.
Нейризъ, селеніе, 122, 123.
Несируль-Мулькъ, временный правитель фарсистана 122.
Нефси-Аммарэ 7.
Нишабуръ 63.
Носейрнды 147.
Нусретуд-Дауле. (См. Фирузъ-Мирза) 131.

П.

Павелъ апостолъ 146.
Персія. Персіяне, Персы.—Способны къ образованію III, IV. Ихъ склонность къ ученію *о воплощеніи* 48.
Постъ (у бабидовъ) 190.

Р.

Раушени 42.
Ризà.—Имамъ 3. Примѣч. 3.
Риза-Ханъ, бабидъ 93.

С.

Савадъ-Кухъ 67.
Садруд-Даулэ, командиръ Хемсэскаго полка 106.
Сàндуль-Улема 67.
Саляръ 34. Его возстаніе въ Хорасанѣ 99.
Самсамъ-ханскій полкъ. Цѣль его переформированія. 31, 32, 40, примѣч. 2. Нынѣ его не существуетъ (32 въ примѣчаніи).
Сари 68, 69, 84.
Сахибуз - Земанъ — невидимый имамъ *Мегди*. 8, 12. Прим. 1; 22.
Себзэ-Мейданъ 67.
Севюгнинъ V. Примѣч. 2; 56, 172.
Сейидъ, потомокъ пророка 1. Прим. 2; 2, прим. 3.
Сейидъ-Али (табатабаскій) 157.
Сейидъ-Ахмедъ 37.
Сейидъ-Миръ-Абдуль-Керимъ (смоленскій арестантъ) 170. Его письма 174—181.
Сейидъ-Мохаммедъ (Табатабаскій) 157, 163.
Сейидъ-Хасанъ 36. — Отрекается отъ Баба 37, 169.
Сейидъ-Хусейнъ 36. Его происхожденіе и образованіе (56).—Его замыселъ (37, 38) —Его вліяніе на Баба (55, 57) —Его отреченіе отъ Баба (37.) — Преданъ смерти (138, 169).
Сейидъ-Яхъя. См. Дараби.
Сенгеръ, укрѣпленіе 80.
Сефевиды 153, 155.
Сивилизэ (civilisè). Употребляется нынѣ въ письменномъ языкѣ у Персіянъ—III. Прим. 2.
Силяхурскій полкъ 128.
Символъ вѣры у магометанъ. Одно прочтеніе его избавляетъ отъ смерти. 12, прим. 2.
Сифатнды 47 (примѣч.), 143.
Смоленскій Сейидъ—тоже.
Суджудъ—земной поклонъ. 193.
Сулейманъ-Ханъ (Афшаръ). Назначенъ Шахомъ въ помощь мазандаранскому генералъ-губернатору 90.—Его отличныя распоряженія (91, 92). Ужасается гнѣва шахскаго (95).
Султанъ-Хусейнъ-Мирза, принцъ 76.—Погибъ въ пожарѣ, произведенномъ бабидами въ главной квартирѣ персидскаго войска (77)
Суннетъ (значеніе слова) 143 (въ примѣч.).
Сунниты. Ихъ секты 143—145.
Супехръ или Сунегръ, историкъ 77, 101.
Сюрхэ Келяй, мѣстечко 85.

Т.

Табатабаскій (муджтехидъ Сейидъ-Али) 157.
Тавризскій полкъ 113
Тагирэ 59, 60. См. Гкурретуль-Айнъ.
Тагклидъ 156.
Тагкыйэ (уложеніе) 150, 153
Талисманъ у бабидовъ 195.
Таляръ (рѣка) 67, 85 (въ прим.).
Тарикатъ. VI.Значеніе слова 46. — Лучшее средство къ реформѣ. (42, 156).
Тахмасъ-Кули-Ханъ 87.
Таухидъ 179, 180. Примѣч.
Теберри (освобожденіе отъ мужа) 189.
Тегеранъ. (нахожденіе тамъ бабидовъ) 131—139. — Нравственныя причины возстанія бабидовъ въ Тегерани и во всей Персіи (159—164).
Турція. Высшее сословіе довольно образовано. II. Нынѣшняя политика оттолкнула ее назадъ только въ отношеніи къ цивилизаціи—III.
Тюль (ареида) 164.

Ф.

Фагкыхи (законники). Возстаютъ противъ шейхидовъ 47, 48.
Фанатизмъ 160.
Ферахлъ (деревня) 73.
Феррухъ-Ханъ. начальникъ афшарскаго полка; назначенъ начальникомъ новой экспедиціи въ Зенганъ противъ бабидовъ 113—115. Поддается обману и погибаетъ съ цѣлымъ отрядомъ (116).
Фессъ, древній городъ 122.
Фетретъ (освобожденіе отъ нга закона) 189, 200 и примѣч.
Фетхъ-Али-Шахъ 17, 157.
Фирузъ-Кухскій отрядъ 106.
Фирузъ-Мирза (Нусретуд-Дауле), правитель Фарсистана 126,128.

Х.

Хагыгкатъ, истина, которую достигаютъ на пути тариката. 46.
Хаджи (значеніе слова) 3, прим. 3.
Хаджи-Мирза-Агкаси, первый министръ 20.—Спасается бѣгствомъ (30, 32).—Обвиняется въ медленности въ преслѣдованіи Баба (36, примѣч.—63).
Хаджи-Мирза-Багкыръ 35.
Хаджи-Мирза-Джанъ, прозелитъ Баба. 63.
Хаджи-Мумаммедъ или *Хаджи-Мухаммедъ-Али*—II, примѣч. 1; 54, 58. Дѣйствуетъ въ Хорасанѣ и Мазандаранѣ; ѣдетъ навстрѣчуГкурретуль-Айнъ(65). Онъ въ Баръ-Фурушѣ ожидаетъ Муллу-Хусейна (66).—Его значеніе при укрѣпленіи въ Шейхъ-Таберси (69—72.)Принимаетъ участіе въ первой вылазкѣ бабидовъ противъ осаждавшихъ Шейхъ-Таберси. (76).—Слегка раненъ (78).—Принимаетъ на себя должность Муллы-Хусейна послѣ его смерти (83).—Его умныя распоряженія и успѣхи. (83—88) Бабиды утомляются. Неудачи. Вѣдствіе(91 –95).—Сдается остальными муридами. Ихъ бѣдственный конецъ, (95—97)
Хаджи - Мохаммедъ - Али упоминается въ символѣ вѣры у бабидовъ 187.
Хаджи-Мулла-Махмудъ (Мулла-Баши) 24, 25,
Хаджи-Мухаммедъ-Тагкы(ахундъ) 58.
Хаджи-Мухаммедъ-Салихъ 58.

Хаджи-Сейидъ-Казем (Шейхъ) 4, 5. См. Шейхъ-Сейидъ-Казем.
Хаджи-Сейидъ-Риза, отецъ Баба 2.
Хаджи-Сулейманъ-Ханъ 136.
Хазаръ-джарибскій отрядъ 74.
Хазрети-Азима 136.
Ханафиды (Азаниды) 144.
Ханиковъ 184.
Харамиды, Хоррамиды 152.
Харамъ (запрещенное закономъ) 200.
Хаттабиды 152.
Хеджетуль-вида 154 (въ примѣч.).
Хемсэскій полкъ (кавалерійскій) 106.
Хенбелиды 144, 145.
Хераджъ 192.
Хесанъ (имамъ) 15.
Хесенъ-Али-Ханъ Керусскій (начальникъ) 113.
Хозревъ-Мирза 31.
Хорасанъ. Всегда славился склонностью своихъ жителей къ религіознымъ распрямъ 61. — Безпорядки тамъ (99).
Хосревъ-Бекъ. Дѣлаетъ нападеніе на бабидовъ 68.
Хосревъ-Ханъ 17.
Христіанскій (Самсамъ-Хановой) полкъ 32.
Худжетъ 28, 35 (примѣч.).
Хумсъ, пятая часть военной добычи 191.
Хусейнъ, государь сефевидской династіи. 155 (примѣч.).
Хусейнъ, внукъ «пророка» 3, 151.
Хусейнъ-Абадъ, деревня 64.
Хусейнъ-Ханъ (Низамуд-Даулэ) 13.

Ц.

Цивилизація. Въ какихъ размѣрахъ она на Востокѣ—II—IV. Слово *сивилизе* (civilisé) вошло въ письменный языкъ Персовъ. III. Примѣч. 2.

Ч.

Чегрикъ 22. 23.
Чилавъ, кушанье 75.

Ш.

Шаріатъ 156.
Шафіиды 144, 145.
Шахъ. Его гнѣвъ на то, что его войска не могутъ сладить съ горстью бабидовъ въ Мазандаранѣ. Его угрозы (89).—Заговоръ бабидовъ противъ него (136) —Раненъ (132, 137).
Шахъ-Аббасъ (Великій) 153.
Шах-рудъ 64.
Шахсевенскій отрядъ 106,110,112.
Шейхъ-Абидъ 3.
Шейхъ-Али (Мулла), коноводъ тегеранской партіи 58, 133.
Шейхъ-Ахмедъ 4. — Основатель ученія Шейхидовъ 46. — По мѣстурожденія назывался *Лесаи* или *Ахсаи*,—тамъ же. Его ученіе 47.
Шейхъ-Сейидъ-Казем 4.—Занимаетъ мѣсто Шейхъ-Ахмеда (49).—Число его муридовъ (54).
Шейхъ-Таберси (укрѣпленіе бабидовъ) 68, 71. Первая вылазка бабидовъ здѣсь (76).—Вторая вылазка (79, 83).—Третья вылазка (83—88).
Шекакскій полкъ 107.
Шемсуз-Зуха 60. См. Гкурретуль-Айиъ.
Шерифуль-Улема 100.
Шейхиды—предшествовали бабидамъ 45.—Ихъ значеніе (50).—Приходятъ въ упадокъ (55).

Ширазъ—мѣсторожденіе Баба 1.

Шіиты 145 — 147. Исповѣдаютъ открыто 153 —(См Имамиды, Джафариды). Склонность ихъ къ прозелитизму (155—164).

Шіэ. Значеніе слова 144 (въ примѣчаніи).

Я.

Яхъя-Ханъ (Иль-Хани) 33.

Томский Гос. Университет... Научная библиотека